

ДЕВУШКА

ПО СОСЕДСТВУ

лиза аурелло

Убийца ли я?

Этот вопрос преследует двадцатипятилетнюю Джейн Дженсен.

Когда она просыпается в госпитале после ужасной автомобильной аварии, узнает, что ее воспоминания, начиная с девятого класса, стерты. По мере выздоровления, Джейн начинает вспоминать и кусочек по кусочку пытается собрать воспоминания в единое целое, чтобы понять, кто же она есть на самом деле.

Джейн осознает, что прошла долгий путь от полноватой школьницы, над которой все насмеются, до успешной женщины за несколько лет. Но, когда жену парня, в которого она когда-то была влюблена, убивают, Джейн становится главной подозреваемой в убийстве.

Эта ситуация была бы неприятна для всех, но для Джейн она становится намного хуже, поскольку девушка не может защитить себя от ужасного обвинения по одной простой причине: Джейн понятия не имеет, виновата она или нет.

«Девушка по соседству» заставит читателей гадать, кто же убийца, до самого конца книги.

Лиза Аурелло

Девушка по соседству

Переводчик: Юлия Вахрамеева

Редактор: Марина Мохова

Вычитка, оформление и обложка: Маргарита Волкова

Пролог

Поздний сентябрь

В последние минуты своей жизни Кейт Колдвелл думала о пончиках и высоких каблуках. О пончиках, потому что ее заставили съесть его кусочек в кленовой глазури, и теперь она чувствовала себя толстой от всего этого жира и сахара. О высоких каблуках, потому что девушка любила свои новые туфли-лодочки из кожи саффиано¹.

Она думала и о других вещах, когда сходила с поезда у станции метро «Северная». Например, о предстоящем конкурсе для всех пород во Флориде на следующей неделе. Кейт возлагала высокие надежды на будущее. Если они только смогут взять приз в Майами или даже победить в другом крупном соревновании среди гончих, Харпер, ее любимая афганская сука, за свое второе место в Вестминстере станет чемпионкой АКС². Кейт и ее мать хорошо разбирались в собаках, и они разглядели победительницу в Харпер, когда та еще была щенком.

К тому же настало время принимать решение о выборе штор для их новоприобретенного малоэтажного дома с гаражом, чтобы к каникулам они уже висели на окнах. Она сузила свой выбор между жалюзи и римскими шторами.

Немногим более часа назад ее муж, Мейсон, написал ей СМС, прося забрать его вещи из химчистки – он хотел надеть свой темно-синий костюм от Армани на балет следующим вечером, но его не было в городе до середины завтрашнего дня. А она будет в городе весь следующий день, так что ей придется забрать костюм сегодня вечером. Кейт торопилась, так как поздно сегодня вышла из офиса, а химчистка закрывается в семь. Сейчас было шесть тридцать девять вечера.

Быстро идя сквозь пригородную парковку к своей машине, Кейт погрузилась в свои мысли и не обращала внимания на то, что происходит вокруг. Хотя ее серебристый «М4» был в поле зрения, она смотрела на свои кожаные туфли. Прада³ великолепно смотрится.

Из припаркованной машины раздался один приглушенный смертельный выстрел. Он произошел из «Sig Sauer P226» с убийственной точностью и попал Кейт прямо в левый висок, экспансивная пуля разорвалась при ударе и вышибла ей мозги как ниндзя-мастер. Хотя все это заняло лишь секунды, кинетическая энергия пули, разрывая синоптические связи, раздробила кости на осколки, проникла внутрь коры головного мозга и вызвала обширное повреждение тканей за то время пока жертва все еще стояла на ногах. Она была мертва еще до того как упала лицом на асфальт, ломая свой прекрасный нос, добавляя и это

ко всей массе повреждений, произошедших с ее фотомодельным лицом и телом.

Кейт не видела, как к ней пришла смерть, и не было ни малейшего намека на того, кто доставил к ней ее судьбу. Если бы ей это удалось, она бы сразу же все поняла. Но у Кейт не было такой возможности. Она перешла сразу от одной когнитивной⁴ ясности к другой – мертвой. Как дверной косяк.

Когда Кейт упала, осталась лежать посреди тротуара и ждать, когда ее найдут возвращающиеся пассажиры, одна из туфель девушки слетела с ноги из-за импульса силы тяжести. К несчастью это было не единственным, чему они должны были стать свидетелями.

Хотя снаружи было темно, и люди спешили к их машинам, жаждущие вернуться домой после долгого дня, смерть Кейт стала препятствием на их пути. Так как был использован глушитель, прохожие лишь видели, что тело Кейт просто упало на землю. Лишь при их приближении к ней, они могли увидеть, что вся левая часть ее головы отсутствовала. Один храбрый, обманувшийся прохожий, присел перед ней на корточки и немного развернул тело, чтобы убедиться, что ей уже не помочь: один арктически голубой глаз смотрел на него, другой же был искривлен из-за внутреннего давления.

— Не трогайте ее, — закричала на него женщина.

Мужчина поднялся на ноги.

— Я должен был проверить, нужна ли ей первая медицинская помощь. Она уже ей не нужна, — добавил он приглушенным голосом.

Несколько людей позвонили в девять-один-один со своих телефонов, прося прислать скорую помощь. К тому времени убийца уже уехал с места преступления, и было уже поздно для встреч за ужином.

* * *

За двадцать девять дней до этого (поздний август)

Дверца машины захлопнулась с приглушенным стуком. После привычного взгляда по парковочному лоту, мужчина нажал на брелок и заблокировал автомобиль. Он обратил внимание, что машина, припаркованная рядом с его, была той же марки, модели и цвета, это заставило его улыбнуться. Хотя точно такая же была припаркована и через несколько мест от него. Повернувшись и поправив свой галстук, мужчина прошествовал к входу в ресторан. Его глаза постоянно обшаривали окружающее пространство. Если он заметит кого-то знакомого, то все бросит и покинет помещение. Старая мудрость гласит, что лучший способ спрятаться – это быть у всех на виду, так что мужчина попытался слиться с обстановкой: надел темно-синий костюм, аккуратно собрал назад свои темно-каштановые волосы, и еще забинтовал татуировку на среднем пальце. Он держался спокойно и избегал зрительных контактов. Мужчина оставил свой «порше» у офиса, вместо этого взяв четырехлетнюю серебристую «хонду» своего помощника.

Его проблемой было то, что люди не могли не обратить на него своего внимания. Он был хорош собой от природы, его тело было в отличной форме, благодаря упорным силовым тренировкам и бегу, все это привлекало внимание, особенно женское. Да, его внешность помогала ему во многом, но в данном случае была огромной помехой.

Взглянув на свой телефон, он понял, что приехал рано. Однажды внутри гостиницы «У Распутина» он присмотрел уединенный столик на задворках слабо освещенной обеденной

залы вдали от всех окон. Указывая подбородком в том направлении, он вежливо спросил хозяйку – ту, которая приблизилась к нему так быстро, что зашаталась на своих высоких каблуках.

— Могу я занять тот столик в углу?

Жадные глаза прошились по нему вдоль и поперек, сопровождаемые еще и алчной улыбкой. Или, если быть более точным, плотоядной.

— Конечно же, сэр. Следуйте за мной.

Последовав вслед за ней, он мог бы сказать, что она покачивала задницей сильнее, чем следовало. Хоть он и привык к женщинам, флиртующим с ним, сегодня мужчина находил это раздражающим. Он пытался быть незамеченным, твою мать.

Столик находился вне поля зрения других, но расположен так, чтобы он мог следить за входом.

— Благодарю вас, — сказал он хостесс.

Она слегка отступила в сторону, позволив ему сесть, но мужчине пришлось пройти очень близко от нее, чтобы сделать это, что было ее очевидным намерением с самого начала. Она, наверно, не уловила, что он потешается над ее жалкими уловками. Позднее, у него будет еще меньше терпения, чтобы выносить агрессивных женщин.

— Я пришлю официанта принять ваш заказ, — ее улыбка стала шире, обнажив след ярко-алой помады на ее правом переднем зубе.

После вежливого кивка, он сел и взял в руки меню, но его глаза все также сканировали помещение слева направо. Он убедился, что нигде нет знакомых лиц. Через какое-то время они смогут покончить с этим завуалированным дерьмом, этими нелегальными ресторанными встречами, но не сейчас. Терпение было необходимым и так случилось, что было единственной добродетелью, которую он имел в избытке.

Кафе было наполнено звуками болтовни, шумным смехом, в то время как обедающие входили и выходили ровным потоком. Множество народа и шум отвечали его целям.

Спустя пять минут в дверях появилась женщина. Как только она вошла, он узнал ее. Хоть ей и было легче замаскировать себя, они согласились на том, что она будет единственной, кто это сделает. На ней был парик и солнечные очки, она была инкогнито, но не имело значения, что на ней было надето – по крайней мере, не для него. Он знал ее вдоль и поперек: ее походку, фигуру, осанку. Он также знал ее и по другим вещам. Он знал ее вплоть до кода ее ДНК.

Терпеливый как всегда, он наблюдал, как она приспустила свои солнечные очки вниз и ее глаза прошились по интимной обстановке интерьера. Мужчина поднял вверх палец, и когда ее взгляд зацепился за него на втором круге, выражение лица женщины изменилось, и она пошла в его сторону. Он стоял, в то время как она поцеловала его в щеку, приветствуя, прежде чем они сели друг напротив друга. Их близкое расположение друг к другу позволило ему смотреть в ее глаза. Ему нужно было, чтобы она думала, что он считает ее богиней.

— Итак?

Она положила свои очки на столик и посмотрела на него. Ее глаза содержали в себе проблеск того, что он воспринял как нервное ожидание. Вероятно его глаза тоже.

Он попытался улыбнуться.

— Сейчас полночь. Нужно сделать дело и покончить с этим.

— Легко говорить. Все может обернуться плохо, — прошептала она.

— Может, — согласился он, сохраняя нейтральное выражение лица. — Мы можем

перейти к плану «Б». Просто свалить.

— Мы можем... но... почему мы должны?

Он ничего не сказал, изучая ее лицо. У нее было торжественное выражение лица, но глаза отражали ее характерную решительность. В действительности, все поведение демонстрировало ее намерения: приподнятые выщипанные брови, сложенные руки, деревянная спина. Женщина знала, чего она хочет.

— После того, что она сделала...

Потянувшись через стол, мужчина накрыл ее руку своей, пытаясь передать свою поддержку.

— Я знаю. Просто хочу, чтобы ты поняла, если мы решимся на это... все может выйти нам боком – ты в этом права. Мы нацелились на большой куш. Чем больше награда, тем больше риск.

Она тихо рассмеялась.

— Я удивляюсь, как много раз ты говорил мне эти слова за прошедшие пару месяцев.

Теперь усмехнулся он.

— Больше одного раза, — голова опущена, его взгляд направлен в стол. — Я просто хочу убедиться, что ты полностью осознаешь все риски...

— Нет, я поняла, — прервала его женщина, заставив вновь посмотреть на нее. — Да, я осознаю риски... Какое-то время будет сложно... — она тяжело сглотнула, и он увидел, как мышцы ее шеи сокращаются. — Все равно я думаю, мы должны сделать это. Начинать все сначала будет дерьмово... плюс будет и расплата. Я жажду ее тоже.

— Я знаю, что для тебя это важно.

Ее лицо расслабилось. Откинувшись назад в кресле, женщина скрестила ноги под столом, ударив его по колену.

— Почему для тебя это неважно?

Ее тон стал жестче, чем был минуту назад. Коснувшись языком передних зубов, мужчина склонил голову, потратив какое-то время на то, чтобы смерить ее взглядом с головы до каблуков. Одни только каблуки делали его твердым. Эротическое видение всплыло в его голове: он брал ее сзади, когда на ней ничего не было кроме этих блестящих черных шпилек – секс-мечта любого мужчины.

— Так и есть, — сказал он, выпустив дыхание, которое задерживал до этого. — Так что здесь либо победа, либо поражение. Надеюсь, нам достанется победа.

Она улыбнулась и кивнула, потянувшись к своему стакану воды.

Решение принято. Они ждали очень долго. Одна сука будет мертва, прежде чем закончится следующий месяц. Другая же примет на себя удар.

Глава 1

Граница Округа Датчесс, Нью-Йорк, десятое сентября

— Psycho killer, qu'est-ce que c'est, fa fa fa fa fa fa fa...⁵ — визжала Джейн, прибавив звук в стереосистеме автомобиля, чтобы спеть дуэтом с группой «Токинг Хэдз».

Зловещее небо было готово прорваться и пролить свою ярость, но она не придавала особого значения предстоящему шторму. Джейн была занята тем, что наслаждалась моментом.

Освежающее облегчение разлилось по ее телу, как быстродействующее седативное, когда пугающая встреча уже закончилась, и Джейн была на пути в город. Спустя некоторое время она, наконец, почувствовала себя успокоившейся и даже слегка испытывала головокружение, что все уже было позади. Маячившая перспектива сегодняшней встречи заставляла ее испытывать стресс в течение нескольких недель. Ее уровень беспокойства стабильно возрастал пока не перешел в физическое заболевание: тошноту, головную боль и сыпь, которая могла или не могла быть и от ядовитого плюща. Одеваясь этим утром, Джейн заметила, что ее ногти были покусаны и имели неровные края – вредная привычка, которую ей удалось побороть несколько лет назад. Положительной стороной этого беспокойства было то, что она потеряла пять фунтов веса. Облегающее фигуру угольное платье-футляр десятого размера⁶, которое Джейн приобрела в прошлом месяце, сегодня на ней слегка болталось. Для бывшей толстушки десятый размер был триумфом сам по себе, но Джейн продолжала терять вес. С каждым ушедшим фунтом, она чувствовала себя все более уверенно, и в ее руках теперь был контроль над своей судьбой.

Совершая поездку по изгибам живописной дороги, Джейн думала о том, как сильно изменилась ее жизнь с примесью неверия – разворот почти на сто восемьдесят градусов в каждом аспекте. В двадцать пять она была гениальным экспертом по эффективности и набирающей популярность девушкой в сфере айти. Ну, это было шуткой с тех времен, когда Джейн работала в этой сфере, все звали ее и Мелани «айтишницами МТ⁷».

Но старые привычки умирают тяжело. Постепенно она стала приветствовать свой осторожный оптимизм чаще, чем свои обычные сомнения и отвращение к себе, которые атаковали ее как снующие тараканы при включении света – чувства, на которых Джейн была заиклена и доводившие ее до отчаянья. Он был причиной всего этого: и ее хрупких надежд, и того, что она не верила, что может, кому-то понравиться, не говоря уже о таком мужчине. Джейн не была глупа. Она знала, что никто ее не полюбит, и знала это с самого детского садика, наверное, даже раньше. Может быть, это самосознание появилось еще тогда, когда Джейн была зародышем. Возможно.

Беспольная. Так частенько называла ее мать. А отец предпочитал называть ее тупая. Он говорил о большем, чем о том, как она выглядела, хотя и это было важно. Когда Джейн была в высшей школе, мать привыкла пилить ее, говоря, что лучше бы ей сделать макияж, или надеть что-либо более модное. При ее визгливом голосе, она доставала свою дочь неустанно. *Джейн, ты могла бы быть достаточно хорошенькой, если немного постаралась бы. Может, попробуешь одеть юбку покороче? Тебе бы пошли мои туфли на высоких каблуках – они сделают твои ноги менее толстыми. Как насчет немного накраситься сегодня? Господь Бог, постарайся выглядеть лучше. У меня есть помада нового оттенка, которая могла бы тебе подойти. Попробуешь?*

Джейн хотела бороться против своей излишне критичной матери с помощью нескольких талантов, которые у нее были – ее экспансивного репертуара словесных ругательств – но прикусывала язык до крови и вкуса соли, пытаясь сдержать оскорбления, готовые сорваться с ее языка как снаряды из реактивного противотанкового гранатомета.

Может она и могла выглядеть лучше, но Джейн чувствовала важным показывать снаружи, то, что у нее было внутри. Скрывать свое врожденное безобразие под слоем макияжа и одеждой казалось нечестным.

По большей части у Джейн были личные недостатки. Она давно поняла, каковы они и примирилась с ними. Хоть у нее и было своеобразное чувство юмора, оно зачастую неверно

понималось окружающими. Джейн была также обделена терпением.

Но она была честной. Это было крайне важно для нее – одно из немногих качеств, которые Джейн уважала и которым владела сама. И она была предельно честна по отношению к самой себе. Смотря на свое собственное отражение в зеркале, которое жутко ее пугало и вызывало усиление ее ненависти к себе, Джейн в то же время чувствовала освобождение. Ей не приходилось беспокоиться о потере популярности в школе, потому что она никогда и не была популярной. Автор, которого Джейн читала в высшей школе, Зора Нил Херстон, сказала это лучше: удерживать, то чем обладаешь и вполнину не так захватывающе, как пытаться заполучить это. Не то чтобы Джейн пыталась стать популярной, она даже не думала о такой возможности, но могла распознать подлинность утверждения. Удерживать то, что имеешь не только не интересно, но и вызывает стресс.

Шайка девчонок из школы имела с этим дело на ежедневной основе. У Джейн не было таких заморочек.

Ей также не приходилось беспокоиться о том, что ей надеть на каждый день, так как это не имело значения. Джейн была некрасивой и имела лишний вес, но она смирилась с этим. Вместо этого тратила свою энергию на то, чтобы отточить свой сарказм и ум, делая их такими же острыми как хирургический скальпель. Эти лощенные популярные девочки-школьницы с великолепными фигурами были для нее как инопланетяне, она не могла вынести даже мысли о том, чтобы стать такой же, как они, и даже ей было их жаль. Они находились в постоянном напряжении пытаясь соблюдать свои притязания, и это должно было бы быть невыносимым, так как Джейн была уверена, что под всем этим мейкапом и модными штотками были такие же некрасивые девушки.

Позднее Джейн стала воспринимать все несколько иначе, происходили как внешние, так и внутренние изменения. Сегодня, надев новое платье, которое она не осмеливалась одеть на работу, придав своим волосам форму мягких волн и тщательно наложив легкий макияж, Джейн была удовлетворена, вместо того чтобы ужаснуться своему отражению в зеркале.

Это придало ей приличную дозу уверенности, этого слова не было в ее личном словаре до недавних пор. Она вновь улыбнулась, думая о главной причине всплеска чувства собственного достоинства и причине, по которой так расстаралась.

Рассматривая небо через ветровое стекло своей «субару», она решила, что возможно просто обгонит монстра шпорма, стремящегося к Нью-Йорку. Ее серые замшевые лодочки нажали чуть сильнее на педаль газа, когда на радио заиграла ее любимая песня.

Спустя двадцать миль с ее машиной начал соревноваться черный джип. Не было никакой причины, никакой провокации со стороны Джейн, по которой он стал бы это делать, кроме как из чистого спортивного интереса. Он обгонял ее, а затем замедлялся – пассивно-агрессивный стиль вождения. Джейн пыталась избегать дорожного конфликта, держась в стороне, но другой водитель казался, нарывался на неприятности. На последней миле, джип вроде отстал. Когда она миновала поворот, описывающий резкую дугу, Джейн вдруг увидела лысого орла, сидевшего на валуне в травянистой низине. Ее глаза были прикованы к птице, когда она проезжала мимо. Джейн никогда не видела орла в дикой природе да еще так близко и хотела бы выйти, чтобы сфотографировать его, но это было небезопасно, к тому же девушка хотела вернуться в город раньше, чем северо-восточный шторм. Джейн произнесла быструю молитву, чтобы птица не вылетела на дорогу. Она слышала, что орлы возвращаются в Нью-Йорк в больших количествах.

Затем случилось это.

Джейн была в левом ряду, обходя маленький автомобиль, движущийся на скорости, всего пятьдесят пять миль в час. Черный джип взревел позади нее, затем зигзагом двинулся в правый ряд перед другой машиной, а потом вновь в левый ряд прямо перед авто Джейн, не оставив ей ни выхода, ни выбора, кроме как свернуть, чтобы избежать удара на высокой скорости.

Она запаниковала и потеряла управление, ее автомобиль завиял по узкой дороге. Джейн видела, как пикап летит прямо на нее, видела ужас на лице водителя, белки его вытаращенных глаз, ужас, который отражался в его глазах и который был ее собственным. При столкновении прогремел сильный удар, сопровождаемый ужасным скрежетом, как при столкновении двух противоположных сил на высокой скорости лоб в лоб и приведшим к резкой остановке.

Это все произошло так быстро, что она даже не успела закричать, крик застрял в ее горле, мешая ей вдохнуть.

Мир Джейн разразился невыносимой болью... а затем закрутился, сменившись черным забытием.

Глава 2

— Выглядит как лобовое столкновение, — молодой патрульный прокричал, перекрывая рев ветра, торопливо подходя к Питеру Пересу, первому парамедику, выпрыгнувшему из машины скорой помощи.

Патрульный Биркин находился на месте преступления уже четыре минуты, получив звонок от проезжавшего мотоциклиста. На тот момент он как раз проглотил последний кусок аппетитнейшего огромного буррито, а эта сцена преступления не лучшим образом сказывалась на его пищеварении. На столкновения автомобилей на высокой скорости никогда не было приятно смотреть, а конкретно этот случай был чудовищным: оба автомобиля превратились в груды перемешанного покоруженного металла, как будто сама рука Господа опустилась на землю и скрутила их в уродливую скульптуру, дополнив ее компонентами органики. Смешанное искусство. Он испустил смешок, позабавившись своей черной шутке. Биркину правда не хотелось осматривать тела внутри искореженного металла. Если уж такое случилось с металлом...

К счастью для него врачи прибыли на место через полторы минуты после него, прежде чем Биркину пришлось бы делать оценку самому. Он сообщил по рации, что медвертолет пока не требуется, ожидая, что парамедики определят, есть ли жизнь в телах. По тому, как выглядели оба автомобиля, это было сомнительно. Он только молился, чтобы там не оказалось детей. Это испоганит ему всю ночь и будет сниться ему в кошмарах. Лобовые столкновения всегда были самыми худшими из аварий, за ними следовали наезды на пешеходов, а затем опрокинутые байки. Отвратительное дельце.

Перес и его напарник приступили к работе, Биркин снова вышел на связь по рации, запрашивая поддержку, и прося обезопасить место преступления, создав пробку, которую с каждым часом будет все сложнее разогнать, так как близился вечерний час пик. Ветер дул пронзительно, у него, не переставая, текло из носа, и слезились глаза, делая сложным что-либо разглядеть. Весь день стояла невыносимая жара, влажность делала воздух тяжелым и

плотным, а теперь готов был разразиться северо-восточный шторм, небо уже было настолько темным, каким бывает в полночь, хотя было только три часа дня. Похоже, что придется перекрывать обе полосы скоростной дороги, так как обломки были разбросаны как по разделительной полосе, так и на каждой из проезжих частей дороги. Может, они как-то смогут открыть движение по обочине? Неважно, час пик все равно будет адским.

Перес крикнул Биркину, когда тот проверял тело в компактном джипе «субару».

— Я нащупал пульс. Женщина, единственный пассажир в машине. Нам нужна вертушка в Данберри или Вестчестер, и подготовленная операционная.

Биркин передал обновленные данные по рации, в то время как напарник Переса проверял кабину, того что осталось от пикапа. Он покачал головой, когда Биркин подошел проверить.

— Один пассажир, мужчина, мертв.

— Вы уверены?

Парамедик пожал плечами. Его привычно невозмутимая маска слегка разбилась.

— Последний раз, когда я проверял, у него не было головы, а без нее ты никак не будешь жив. Но собака жива.

— Собака?

— Да. Ей нужно к врачу. Не отвезете ее в ближайшую ветеринарную клинику, пока мы пытаемся уведомить ближайших родственников? Собака отправится к ним, если выживет.

— Конечно, — сказал Биркин. — Я сделаю это. Не могли бы вы помочь перенести ее к патрульной машине?

— Да. Сюда летит вертушка, — он присвистнул. — Как быстро. Кажется, он сядет там, где разделительная полоса расширяется. Я должен сначала позаботиться о женщине, затем займусь собакой. Держитесь.

Биркин кивнул и занялся блокировкой траффика. Дерьмовый конец длинного дня.

Это была и без того загруженная ночь в помещении скорой помощи общего профиля Вестчестера, но обещала стать только еще хуже, так как стихия набирала силу, и дорожные аварии должны были участиться. Одна произошла еще до шторма. Как только они вкатили молодую женщину внутрь, команда уже была на месте.

Эмили Лопес была на своей первой смене в отделении скорой помощи. В прошлом месяце она запросила перевод из послеродовой, когда стала свидетелем смерти трех младенцев за одну неделю. Хотя другие нянечки и даже несколько докторов убеждали ее, что такое случается не так часто и это лишь стечение обстоятельств, Эмили не смогла вынести этого. Она может иметь дело с кровью, но не с мертвыми новорожденными.

Когда парамедики выгрузили каталку из кареты скорой помощи, Эмили была у двери, готовая помочь с перевозкой и уточнить кое-какие детали. Она только раз взглянула на нос молодой женщины, накренившийся набок, и к ее горлу подкатила кислота. Бедная девушка. Глубоко вдохнув, она направилась вперед. Врачи скорой помощи должны быть привычными к такому.

Они расположили молодую женщину в дальнем кабинете, поставили капельницу, и начали готовить ее к операции. Эмили помогала, пока Крисси не заступила на смену и не освободила ее от работы в приемном покое, чтобы она смогла уйти на перерыв и принять

быстрый душ. После Эмили направилась на пост помогать там, так как во временные ее обязанности входило помогать там, где требовалась помощь. Когда она приблизилась к Розе, которая сидела за столом, в помещение ворвался молодой мужчина. На нем был деловой костюм и крайне обеспокоенное выражение лица.

— Могу я помочь вам? — спокойствие Розы шло вразрез с паникой на лице мужчины.

— А, да. Мне только что сообщили, что мою подругу доставили сюда. Дорожная авария.

— Имя вашей подруги, сэр.

— Джейн Дженсен.

Эмили посмотрела на Розу.

— Это та женщина, которую привезли десять минут назад, — она обратила свое внимание назад к мужчине. — Как вас зовут, сэр?

— Эм... Эд... Дженсен, — заметив их выражение лиц, он быстро добавил, — мы не родственники... просто однофамильцы. С Джейн все будет в порядке?

— Так значит вы не родственник мисс Дженсен? — вмешалась Роза.

— А... нет. Я ее друг.

— Извините, мистер Дженсен. Мы не можем делиться информацией с лицами, не являющимися родственниками. Вы знаете какого-либо члена семьи, с которым мы могли бы связаться?

— Черт, нет. Я не знаю. По крайней мере, скажите мне, она выкарабкается?

Эмили увидела, как Роза покачала головой.

— Простите, сэр, но мы не можем. Только членам семьи. Вы нам поможете неоценимо, если предоставите контакты ее родственников.

Запустив пальцы в волосы, он нерешительно повернулся.

— Хорошо-хорошо, я попытаюсь связаться с кем-либо из них. Не могли бы вы записать мое имя и номер и попросить ее родственников позвонить мне и сообщить о ее состоянии, в случае если вы дозвонитесь до них первыми?

Роза кивнула.

— Я думаю, что смогу сделать это, — сказала она, заколебавшись.

Ему пришлось смотреть на бумажку в его кошельке, чтобы написать ей номер. Он приписал внизу Эд Дженсен, и еще один номер, списанный с еще одной бумажки, и вручил их женщине. Она приняла их, нахмурившись, у нее возникло недоброе предчувствие.

— Спасибо, — проворчал мужчина, повернувшись к выходу, и уже себе под нос добавил, — за то, что ничем не помогли.

Как только мужчина, который называл себя Эд Дженсен вышел из дверей госпиталя наружу, он остановился на мгновение, чтобы собраться с мыслями. Стоя под закрытым навесом, в то время как шторм набирал силу снаружи, он ощутил такой прилив паники, который не ощущал никогда — он пытался преодолеть его. Что, черт возьми, ему делать? Просто смотреть, что случится?

К черту это. Он так сильно топнул ногой, что ее пронзили резкие иглы боли, волнами расходящиеся от пятки вверх по ноге. Проведя пальцами по волосам, он сжал их в горсти и закрутил в пучок. Вернуться и попробовать снова? К дьяволу все это — он должен был сказать, что является членом семьи.

Мужчина знал что, во-первых, это было глупостью явиться в госпиталь — камеры слежения были повсюду. Но это дерьмо не должно было случиться. Что если она умрет? План придется менять. Все пошло уже ужасающе не так, прежде чем все только началось. Он стал делать глубокие вдохи, и задерживать дыхание насколько мог.

Постояв там долгую минуту, смотря в пространство, он, вернувшись в реальность, зашагал к своему «порше».

Мужчина хотел намертво задушить кого-нибудь, и он знал, чье горло жаждет сжать.

Глава 3

Ее мозг горел.

Джейн не могла двигаться, не могла ничего сделать, чтобы остановить взрывную боль в ее голове. Боль была невыносимой и такой сильной, какую девушка никогда не испытывала. Она выталкивала Джейн из ее тела в бредовое состояние.

Девушка ничего не могла сделать с этим. Приступы не утихали, были мучительными и становились все беспощадней. Ей нужно было, чтобы это прекратилось, но она не знала, что для этого сделать. Джейн даже не могла кричать и не знала почему.

До нее стали доходить звуки. Они начинались с приглушенного бормотания, постепенно нарастая по громкости, словно приближались издалека, но на большой скорости. Как будто через тоннель. Она не могла распознать их.

На нее пролился яркий свет. Фары? Он светил прямо в глаза Джейн и от этого было тоже больно. Она пыталась отвернуть голову от ослепительного света, но не могла сдвинуть ее и на дюйм. Голова была недвижима. Она поморщилась, и лицо тут же заболело даже от этого маленького движения. Каждый дюйм ее тела пульсировал, сознание стало возвращаться к ней, раскрывая себя кусочек за кусочком.

— Джейн? Вы меня слышите?

Бестелесный мужской голос был глубоким и неожиданно громким. Джейн хотела ответить ему, но почему-то не смогла. Она попыталась кивнуть, но быстро вспомнила, что не может двинуться даже на четверть дюйма.

— Джейн?

Она не могла ответить, девушка пыталась, но ни один звук не сорвался с ее губ.

— Джейн, я доктор Лавелль. Вы находитесь в реанимации Вестчестерского отделения общей хирургии. Вы знаете, как вы сюда попали?

— Нет, — наконец удалось ей произнести, слово прозвучало хрипло.

Ее горло пересохло. Как сухое, обезвоженное, пустынное русло в самом пике засушливого лета. Она жаждала прохладной чистой воды. Ничто другое не утолит ее жажду.

— Вы помните что случилось?

Джейн порылась в голове сквозь пульсирующую боль, пытаясь найти ответ который он должна знать.

— Я-я... я не... не уверена.

— Назовите свое полное имя.

— Я... воды.

Она услышала, как доктор сказал что-то приглушенным голосом. Просит кубики льда... Кто-то еще должен был находиться в комнате.

— Ваше имя? — спросил он снова.

— Джейн. Джейн Дженсен.

— Хорошо. Что последнее вы помните, Джейн?

— Я... я не знаю. Школу, я так думаю. Она закончилась.

— Школа закончилась?

— Да. Закрылась на каникулы.

— И? — доктор мягко ее подтолкнул продолжать.

— И, — повторила она, — сейчас... лето.

— Лето? Какого года?

Рукой, опутанной проводами капельницы, Джейн потянулась ко лбу, чтобы его потереть, как будто это могло включить пусковой механизм на ее воспоминаниях, но остановилась, коснувшись бандажа.

— Не уверена. Я думаю... думаю, что я... я... в девятом классе?

Слова доктора доносились сквозь тьму медленно.

— Все хорошо, Джейн, кажется, некоторые воспоминания потерялись и...

— Почему? — прервала она его, нарастающая паника отразилась в ее голосе.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — дошел до нее успокаивающий голос. — Вы попали в автомобильную аварию и перенесли травму головы. Это нормальное явление, что сейчас вы испытываете временную потерю памяти.

Доктор говорил почти шепотом, но она все еще могла слышать его, несмотря на отдаленное бормотание других голосов.

— Теперь, я могу сказать, что это может быть больше чем ретроградная амнезия — неспособность создавать воспоминания после травматического случая. Мы должны подождать и посмотреть, что...

— Ребенок в порядке? — скрипучий голос Джейн, перебивший его, был на грани паники.

Комната погрузилась в молчание, слышен был лишь шум аппаратов.

— Ребенок? — доктор спросил эхом. — Там был ребенок, в машине с вами?

Он повернулся к медсестре стоящей рядом.

— Вы не могли бы проверить, были ли пассажиры в ее автомобиле?

Затем он повернулся снова к ней.

— Джейн, не беспокойтесь. Обо всем позаботятся.

Доктор продолжал говорить тихим голосом, обращаясь не к девушке, а к кому-то еще в комнате, вероятно считая, что его пациентка была едва в сознании. Его голос оставался успокаивающе монотонным, без сомнения в надежде приободрить ее с тех пор как она пришла в себя.

Он, должно быть, посчитал, что она не может слышать его, но она слышала. Каждое слово. Ей всего лишь было трудно отвечать.

— Кажется, также затронута долгосрочная память, — доктор похлопал Джейн по руке. — По всей вероятности, вы поправитесь целиком или почти по мере восстановления. Пока что, мы поможем вам чувствовать себя лучше и становиться вновь собой. Теперь, я хочу, чтобы вы отдыхали.

— Хорошо, — ее голос был таким слабым, что доктору пришлось склониться над ней.

Доктор Лавелль вышел из реанимационной палаты Дженсен, в сопровождении кого-то еще. Джейн расслышала негромкий разговор доктора с какой-то женщиной.

— Лоис?

— Да, доктор?

— Я хочу, чтобы за мисс Дженсен тщательно наблюдали следующие двадцать часов. Вы поняли?

— Да. Должна ли я подготовить ее к трансплантации? В ее водительских документах указано, что она готова стать донором.

— Нет, это преждевременно. Пока что, стабилизируйте ее и следите за значительными отеками – это наиболее высокая опасность и практически неизбежная. Я вернусь провести ее через час, — он остановился на секунду. — Сделайте мне одолжение, Лоис. Проверьте рапорт по мисс Дженсен, чтобы посмотреть есть ли там упоминания о других пассажирах в автомобиле пациентки. Мы сделали тест на беременность, и результат был отрицательным, но пациентка упомянула ребенка. Я практически уверен, что она заблуждается, но стоит проверить. Я надеюсь, что у нее нет ребенка, ждущего ее дома.

— Конечно, доктор. Я буду счастлива помочь.

Ни один из них не услышал, как застонала Джейн при упоминании о донорстве органов. Единственная слезинка скатилась по ее щеке, когда она подумала о своей неизбежной смерти и о том факте, что у нее нет никаких детей, ждущих дома. Или, по крайней мере, так сказал доктор.

Единственной мыслью бившейся в ее голове, было утверждение, что ей пора умирать. А она не хотела.

Глава 4

Звонок поступил в семнадцать часов двадцать пять минут, когда Мэлани Бартоломью, коллега Джейн Дженсен и единственная настоящая подруга, уже готовилась покинуть офис в конце дня. Она сидела, оперев ноги, обутые в коричневые сапоги, на открытый ящик стола, призадумавшись, пытаясь решить, что ей делать дальше – ехать домой, или же пойти купить новую пару туфель. В прошлый уикенд она встретила в баре «Ноун» мужчину, который настойчиво просил ее номер телефона, и его прощальные слова были обещанием позвонить. Опять же, Мэл была очень пьяная, на грани отключки, так что может он был не так уж и горяч – все выглядят прекрасными перед закрытием бара. Может быть, она даже дала ему неверный номер.

Даже не принимая во внимание перспективу маячившего свидания, не было никаких причин не покупать эти новые туфли. Отклонившись назад, она запустила пальцы в свои короткие черные волосы. Ей нравилась их шелковистость, после новой стрижки. Все-таки в парикмахерских кондиционеры лучше.

— Мэл?

Глубокий голос Нейта Томпсона, зовущего ее по имени, вырвал Мэлани из задумчивости.

— Что случилось?

— Телефонный звонок на четвертой линии. Женщина. Не говорит, кто она. Хочешь принять его? Звучит как будто это коллектор, — он приподнял брови, взмахнув рукой.

Мэлани прищурилась и бросила ему грязный взгляд.

— Туфли стоят денег, осел.

Он знал, что она шутит. Они все время подкалывали друг друга так и эдак с тех самых пор, как Мэл стала одержима туфлями – ходячее клише в этом отношении – а ее стол все

время был окружен пакетами после шопинга.

— Да, я приму этот звонок.

Она взяла трубку и нажала на кнопку соединения.

— Алло?

— Это Мэлани Бартоломью? — спросил гнусавый голос на другом конце линии.

Кожу на задней части шеи Мэл защипало.

— Да, это я. Чем могу вам помочь?

— Мисс Бартоломью, вы указаны как ближайший родственник Джейн Дженсен Киплинг-роуд 1632, Ривердейл. Это верно?

Сердце Мэл заколотилось как трепещущие крылышки птицы, готовой взлететь.

— Да, — удалось выдавить ей, — это верно.

— Мне жаль сообщать вам, но мисс Дженсен попала в серьезную автомобильную аварию и сейчас находится в реанимации в Вестчестерском отделении общей хирургии, ее состояние критическое.

Шок от известий был как удар кулаком в живот, и Мэлани согнулась пополам, резко выдохнув весь воздух из легких.

— О нет... боже мой. А... Я приеду так скоро, как только смогу.

— Спасибо. Поможет, если вы предоставите нам личную и страховую информацию мисс Дженсен.

— Да, да. Я постараюсь. Спасибо вам. Вестчестерское отделение общей хирургии вы сказали?

— Так и есть, мэм.

— Ладно, хорошо. Я буду там как можно быстрее.

Как только она повесила трубку, то стала метаться туда-сюда, и, в конце концов, села.

Успокойся и думай, Мэлани.

Паника не поможет Джейн; ей нужно сохранять голову на плечах и выработать план действий. Она хлопнула ладонями по столу. Во-первых, нужно найти страховую информацию Джейн. Звонившая из госпиталя конкретно об этом попросила. Джо Кэрролл в отделе кадров должен иметь доступ к ней. Она вновь взяла трубку и набрала код связи с Джо, молясь, чтобы он задержался сегодня на работе. На третьем гудке, он взял трубку.

— Джо? Слава господу, ты все еще здесь. Это Мэлани из технического отдела. Слушай... мне нужна страховая информация Джейн Дженсен...

— Такси!

Желтый кеб включил знак *занято*, проезжая мимо нее. Ублюдок. Мэл выбросила средний палец в сторону водителя. Она знала, что козел сделал это намеренно, чтобы не подбирать ее. Она стояла под дождем десять минут, пытаясь поймать гребаное такси, и ее роскошные сапоги испортились от влаги.

— Да знаешь что? Пошло оно все нах*й, — громко сказала она и решила, что доберется до Джейн быстрее, поехав на метро со станции «Северное».

Центральный вокзал был в двух с половиной кварталах от нее, а Мэл все равно уже промокла. Она просто пойдет туда и сядет на следующий поезд. Было глупо с ее стороны пытаться поймать такси в дождь. Главным уроком, которому вскоре учится каждый, кто

прибывает в Манхэттен, является то, что невозможно поймать такси в дождь – легче выиграть в лотерею. Либо половина такси скрывается в подземном бункере либо каждый на манхэттенском острове в дождь вызывает такси как часть некоего рода секретного языческого ритуала. Или одно, или другое.

В любом случае, поезд быстрее. Она успела как раз вовремя, даже имея в запасе дополнительные пятнадцать секунд, чтобы запрыгнуть на экспресс в восемнадцать часов девятнадцать минут. Она села у окна, наблюдая, как пролетает за окном пейзаж и думала о разговоре с Джейн, состоявшемся у них в прошлом году. Они выбрали выпить в пятницу вечером после адского рабочего дня. После всего, что на нее навалилось, Джейн опьянела после одного бокала вина.

Она опьянела не настолько, чтобы выглядеть неряшливой, так что Мэл заказала ей еще и пиво вдогонку. Джейн нужно почаще распускать волосы. Одета в своем привычном стиле – мешковатом и зачастую коричневого цвета – Джейн уткнулась взглядом в стол, составляя идеальное сочетание с водяным кольцом, оставленным ее бокалом. У нее было что-то на уме.

— Мэл, могу я попросить тебя об услуге?

Поставив на стол свой «Негрони»⁸, Мэл держалась за кусочек льда, грызя его.

— В чем дело?

— Эм-м... а-ах, — бубнила она, смотря на то, как сама выписывает пальцем яростные восьмерки на поверхности стола. — Мне просто интересно, не станешь ли ты возражать, если я укажу тебя как ближайшего родственника в своих персональных данных.

Сочетание кампари и вермута расположило Мэл к дружеской беседе, но она была все еще слишком трезва, чтобы не задуматься о словах Джейн.

— Почему, Джейн? У тебя нет никого из семьи поблизости?

— Нет, в действительности нет. Мои родители уехали на запад в прошлом году. В Аризону. У меня здесь не так много друзей, но... если это неуместно, отлично. Я просто думала, что возможно...

— Нет, все хорошо, Джейн. Конечно же, я буду рада стать твоим ближайшим родственником.

— Правда? — она спросила, будто была поражена тем, что Мэлани согласилась.

— Да, правда. Теперь... — она опустошила свой бокал, — еще по бокалу?

Мэл скрывала свои чувства за алкоголем, но она была тронута этой просьбой. Ей также была жаль Джейн. Боже, это должно быть тяжело, не иметь никого рядом. Такое одинокое существование Мэл даже не могла себе представить – в ее семье было пять человек и все проживали в одном городе, плюс минус. В действительности, иногда она хотела, чтобы они жили подальше, и могли раздражать ее только по телефону. Оборвать телефонный звонок было проще, чем закрыть дверь у кого-то перед носом, и имело гораздо меньше последствий.

Не думая, что из этого что-нибудь выйдет, но сегодня это произошло, когда Мэл получила звонок из Весчестерского отделения общей хирургии. Она молилась, чтобы травмы Джейн были не такими серьезными, чтобы ее жизнь не была под угрозой. Что сказала та женщина из госпиталя? Ее состояние очень тяжелое... но ничего больше. Девушка подождет и посмотрит, что будет дальше.

По мере того, как за окном монолитные офисные и жилые здания уступали дорогу пригородным, Мэл видела все больше деревьев и поняла, что приближается к месту назначения. Спустя минуту, поезд прибыл на станцию, и она поспешила собрать вещи.

Вооруженная медицинской страховой информацией Джейн и телефонным номером ее матери, Мэл направилась под холодный осенний дождь.

Когда Мэлани ворвалась сквозь автоматические двери на входе в госпиталь, она выглядела так, будто ради веселья извалялась в луже. Она была такой мокрой, что могла ощущать, как потоки воды текут вниз по ее спине. Пытаясь игнорировать неприятное ощущение, Мэл огляделась вокруг, чтобы сориентироваться.

Больничное лобби выглядело как пятизвездочный отель, с множеством пышных бежевых мягких предметов, дополненных матовыми металлическими конструкциями, и разбавленных дымчатым стеклом, все это было элегантно подсвечено. Если бы Мэл была здесь по менее печальному поводу, она бы больше оценила интерьер. А сейчас она пыталась сосредоточиться на том, чтобы найти нужное место и человека, который запрашивал у нее информацию и который может сообщить ей сведения о Джейн в ответ. Охранник с пивным животом и налитыми кровью глазами направил ее прямо по длинному холлу к приемному столу в отделении скорой помощи.

Мэл добралась до стола.

— Джейн Дженсен. Я здесь из-за Джейн Дженсен. Она будет жить?

Мэлани могла слышать бездыханную панику в собственном голосе, хотя задействовала все свои ресурсы, чтобы оставаться спокойной.

Женщина за экраном компьютера покачала головой.

— Вы ее ближайший родственник?

Девушка оживленно закивала.

— Вы должны подождать, чтобы поговорить с хирургом. Позже вам придется заполнить бумаги.

Со своей стороны стола женщина взяла планшет с кучей бланков и протянула ей.

Неохотно, Мэл приняла его и, повернувшись вокруг, нашла и присела на край покрытого винилом кресла, чтобы заполнить данные о страховке Джейн и личную историю болезней, насколько могла.

Когда она закончила с последним бланком, нацарапывая последние строчки своим неразборчивым почерком, она вернула их женщине и посмотрела на нее вопросительно.

— Нет никаких новостей?

Администратор взяла у нее бумаги, не торопясь с ответом. Прошла минута или около того, когда она посмотрела вверх и ответила на вопрос Мэл встречным вопросом.

— У мисс Дженсен есть родственники неподалеку? — завидев выражение лица Мэл, она поспешила добавить, — просто хоть вы, и указаны как ближайший родственник, здесь также сказано, что не являетесь кровной.

Ей пришлось припомнить тот далекий разговор в баре, чтобы ответить на вопрос, так что Мэл покачала головой.

— Верно... а, нет. Ее родители живут в Аризоне, и у нее больше никого нет. Поэтому она указала меня.

— Я боюсь, что только родным мы можем предоставить информацию о состоянии пациента и позволить навещать ее, мэм.

— Ладно, я ее приемная сестра. Почему этого недостаточно?

— Вы только что сказали, что у нее есть только ее родители...

— Ну, я думала, вы имели в виду биологическую семью, либо отведите меня к ней, либо никого не получите, — Мэл солгала сквозь сжатые зубы. — Итак... теперь могу я узнать?

Или навестить ее?

Старая женщина с невероятно яркими красными волосами и двумя дюймами седых корней, нахмурилась и посмотрела на Мэлани прищуренным взглядом. Цвет ее волос напоминал Мэл о клубничном мороженом, которое она покупала в фургончике в те времена, когда ела все подряд. Внутри оно было сливочным, а сверху клубничным. Или наоборот? Пытаясь не пялиться, девушка терпеливо ждала, пока женщина не проглотит ее дерзкую ложь. После долгой минуты женщина пожала плечами, очевидно решив, что ей то какое дело до этого.

— Не сейчас. Ее только прооперировали и она в реанимации, но когда закончится срок действия анестезии, хирург придет оценить ее состояние и выяснить, не пострадал ли мозг. Я думаю, он захочет с вами поговорить, а затем возможно позволит ее увидеть.

Мэлани кивнула, используя носок сапога, чтобы почесать заднюю часть другой ноги. Это будет длительная и страшная ночь.

— Здесь есть кафетерий или что-либо такое поблизости, где я могла бы выпить кофе?

— Кафетерий на пятом этаже, но закрывается через полчаса. Есть «Старбакс» в полквартале отсюда, который открыт до полуночи.

— Ах, отлично, — Мэл выдохнула. — Первые хорошие новости, что я слышу сегодня. Спасибо. — Она сверкнула большой зубастой улыбкой в сторону женщины, так как давным-давно научилась, что никогда не вредно завести новых знакомых. — Принести ли мне кофе и вам?

Женщина вернула улыбку, открыв полный рот кривых зубов, которые, тем не менее, не портили ее улыбки.

— Нет, спасибо. Я ни за что не усну сегодня ночью, если выпью кофе. Знаете, у меня здесь записка, прикрепленная к файлу мисс Дженсен. Кое-кто приходил раньше, желая получить информацию о состоянии вашей приемной сестры. Друг, назвавшийся Эдом Дженсеном, но сказавший что не является родственником. Он просил, чтобы кто-либо из семьи мисс Джейн связался с ним и проинформировал о ее состоянии, и оставил номер.

— Ох, хорошо. Я возьму это. Спасибо.

Уходя, Мэл раздумывала над этой новостью. Подумала, что это странно. Но у нее не было времени думать об этом и дальше. Она позвонит ему позже, когда у нее будет больше информации на руках. Сейчас же, у Мэлани есть только пшик. Но этот вопрос продолжал грызть ее изнутри.

Кто, черт возьми, этот Эд Дженсен?

Глава 5

После одного телефонного гудка женщина взяла трубку.

— Алло?

Мужчина торопливо заговорил.

— Это я. Я звоню с одноразового мобильного. Просто скажи мне, что не ты приложила руку к этой автомобильной аварии...

Гортанный смех зазвучал в его ушах.

— Это был гениальный удар, не так ли, детка? Ты счастлив?

Закрыв глаза, он глубоко вдохнул сквозь сжатые зубы, пытаясь унять пульс, расслабить сжатые мышцы и упорядочить хаотичные и спутанные мысли.

— Счастлив ли я? — наконец удалось сказать ему с убийственным спокойствием. — Нет. Я очень далек от счастья.

— Почему, детка? Это идеально вписывается в наш план.

— Нет. Это вообще не то, что мы планировали, — тихо пробормотал он, пытаясь, но терпя неудачу в том, чтобы скрыть злость, которую испытывал... и, не сдержавшись, выпалил, — какого х*я ты творишь? Мы никогда не говорили о том, чтобы организовать аварию.

— Я увидела возможность и воспользовалась ей. Ты знаешь, *carpe diem* — лови момент. Я думала, тебе это понравится...

— Почему мне должно было понравиться, что ты убрала кого-то, устроив кровавую бойню на «хайвее»?

— Ради бога, — провизжала она, — весь этот план рассчитан, чтобы кое-кого убрать. Или ты вдруг забыл?

Мужчина убрал телефон от лица и прочистил ухо пальцем — ее пронзительный голос чуть не повредил его барабанные перепонки. Пытаясь успокоиться, он тщательно выверил свой голос.

— Ш-ш-ш, говори тише. Нам не нужно, чтобы был еще один труп, или я ошибаюсь? Что с тобой не так?

Теперь мужчина расхаживал, но это не помогало. Как случилось, что он не мог унять гнев? Ему надо было выплеснуть его, чтобы высвободить часть вулканического давления — такого же колоссального как в Кракатао. В его голове, мужчина кричал на нее: *ты тупая пи*да. О чем ты думала?*

— У нас был четкий план... — лишь сказал он вслух.

— Послушай, возможность представилась сама собой и была слишком хорошей, чтобы от нее отказываться. Я ехала домой после встречи с ней, как мы и планировали. Все прошло без сучка и задоринки, она меня не узнала. Когда я собралась уходить, поняла, что тупая сука давно ушла, так как я отвлекалась на разговор с Пернодом, но на пути домой остановилась на заправке справа от «Хайвея», и там-то я и увидела ее. Я просто подумала, что, если она разобьется в аварии, это сыграем нам на руку. И это было так смешотворно просто. Слишком легко.

— Из-за тебя погиб невинный человек. Ты же это знаешь, не так ли?

— Ты имеешь в виду мужчину?

— Да, я имею в виду мужчину, — эхом ответил он ей высоким голосом, насмехаясь над ней.

Просто не смог сдержаться, так как был слишком зол на нее. У них был тщательно продуманный план, а она отклонилась от него. Вот как совершаются ошибки, и людей ловят за руку. Ему не хотелось стать одним из них. Ей очень повезло, что она сейчас далеко от него — ей бы не поздоровилось.

— Да, хорошо... это было ненамеренно. Человек просто оказался в неправильном месте в неправильное время. Это называется сопутствующим ущербом.

Так как каждое слово, что она произносила, являлось высокооктановой подпиткой для его ярости, он ненадолго убрал телефон от уха, чтобы обуздать свой гнев, насколько может. Это не послужит никакой цели, им надо привести план в исполнение, придерживаться его. После нескольких глубоких вдохов, мужчина вернул трубку к уху и смягчил тон.

— Неважно. Я пытался узнать, в каком состоянии находится Джейн Дженсен, но

госпиталь отказался сотрудничать. Я не думаю, что у тебя есть какой-то способ...

— Нет, но если повезет и она все же не умрет, станет овощем. Таким образом, ее смерть не будет на нашей совести, но все будет так, как нам надо. Было бы замечательно, да?

Он выдохнул и горько рассмеялся.

— Я испытываю соблазн вообще все отменить благодаря твоей импровизации. Такие вещи нужно тщательно планировать или нас поймают. Пожалуйста, помни, что многое на кону: наше будущее, если быть точным. Ты не можешь просто идти и совершать поступки, не задумываясь о том, к чему это все приведет. Я думал, что ты достаточно умна, чтобы понимать это.

— Слишком поздно идти на попятную. Пернод уже получил деньги, и планирует сделать все скоро. Я не знаю, как теперь выйти с ним на связь. Просто расслабься, хорошо? Все почти закончено.

— Да, — мужчина усмехнулся, — расслабься. Пожалуйста, окажи мне услугу и не испортишь все к гребаным чертям. Все в порядке? Ответь мне.

— Да, все в порядке, все хорошо.

— И еще, заведи телефон, от которого в случае чего можно избавиться и используй его, чтобы связаться со мной в случае нужды. Не звони мне, я повторяю, не звони мне ни на какие другие номера. Усекла?

Он резко оборвал разговор и даже не проверил, нажал ли на сброс, не дожидаясь ее ответа. Мужчина пошел к своей брошенной сумке и вытащил кроссовки, потому что должен был сбросить это нарастающее напряжение, иначе просто взорвется. Бег был его терапией, а эндорфины выбранным наркотиком. Он любил пробежки, чтобы ощущать силу своих ног, каждый раз выбегая за пределы своей выносливости. Переобувшись, мужчина начал свой бег, все еще находясь в здании, почти сорвав стеклянную дверь с петель от той силы, с которой он ее распахнул настежь на своем пути.

Из своего кармана мужчина неожиданно уловил, как она вопит.

— Я действительно не понимаю, почему ты так расстроен. Честно не понимаю. Алло? Мейсон?

Глава 6

Джейн падала все глубже...

Глубоко и быстро, словно в черную дыру, и не было никакого способа остановить или замедлить падение.

Ее голова все еще пульсировала от огненной боли, но с каждым новым слоем глубокого забытья, Джейн это заботило все меньше. Она слышала приглушенные голоса, которые продолжали отступать вдаль, пока полностью не затихли. Джейн подумала, что один из них был очень похож на голос ее матери. Ей казалось, что ранее ее родители были здесь, пока она спала. И мать держала ребенка.

— Это твоя дочка, Джейн, — сказала ее мать, чей голос был до странности ровным. Лишенным проблеска какой-либо эмоции.

— Моя дочь? У меня нет детей — я сама ребенок.

— Тебе десять лет и это твой ребенок, — настаивала мать, все больше повышая голос. Почему он звучал так громко? — Как ты назовешь ее? — продолжала мать Джейн.

Джейн была в растерянности. Это действительно происходит? Ей казалось, что она

говорила с доктором, который рассказал ей об аварии. Еще в его словах было что-то о воспоминаниях девушки, когда Джейн сказала ему, что учится в девятом классе. Тогда ей почти четырнадцать, никак не десять, осознала Джейн. Значит, мать сошла с ума. Но это не было новостью.

И у Джейн не было дочери, Боже упаси. Она бы помнила это. Почему ее мать здесь? Она никогда не беспокоилась о Джейн – ей никогда не было до нее дела. Джейн не могла понять, почему вдруг это чувство у матери появилось теперь. Или они стали ближе, а она просто не помнит.

Был кто-то еще в ее жизни... но Джейн не могла вспомнить, кто это был. Кто-то, кого она хотела видеть рядом с собой. У нее был друг... где-то. Может этот друг придет помочь ей. Что врачи сказали о памяти? Она точно не помнила, что они обсуждали. Ее голова болела так сильно, металлический привкус наполнил ее рот.

А теперь появились еще и эти темные волны перед глазами, будто она стояла на берегу в полночь и не видела океан, но знала, что волны идут напрямик на нее. Это было несколько пугающе – что если одна волна будет очень большой и смоеет ее? Это то, как Джейн ощущала себя сейчас, но она думала, что может быть волны, зловещие они или нет, принесут ей хотя бы сон, если не забвение. Боль возрастала и утихала с каждой волной, которая прокатывалась по ней.

Ей нужно поспать. Или она уже спит? Джейн не могла сказать, в каком измерении сейчас находится, но продолжала слышать голос ее матери, все время спрашивающий о чем-то. Волны были нежными, в отличие от ее матери.

Тьма накатила на девушку как приближающийся шторм. Когда она наконец достигла ее, то поглотила Джейн, и она больше не чувствовала боли, а в голове не осталось ни одной мысли.

Правда, последней мыслью была мысль о смерти – ее собственной смерти. Она возникла в ее голове, потому что надвигающаяся тьма и была смертью. А может Джейн уже умерла? Но если бы да, почему у нее все еще есть какие-либо мысли? И почему слышит голос своей матери. Она в аду? Почему у нее такое ощущение, будто падает с большой высоты? Джейн практически могла ощущать, как ее тело набирает скорость, а она падает в глубокую черную дыру, все быстрее и быстрее. Джейн продолжала погружаться в нее, неспособная остановиться или замедлиться хоть на миг, и наконец, достигла дна – отрицая гравитацию и приземлившись с мягкостью – на той глубине, где нет ни мыслей, ни снов... нет ничего.

Черная дыра.

Теперь Джейн была мертва.

Глава 7

Мэлани в конце концов выследила хирурга Джейн и он ввел ее в курс дела. Судя по ее хирургической истории, отек мозга Джейн увеличился, несмотря на усилия команды хирургов по предотвращению этого. Поэтому ее хирург принял решение медикаментозно ввести Джейн в состояние комы. Мозгу требуется меньше кислорода, когда он находится в бессознательном состоянии, так что коматозное состояние – полезный инструмент при лечении черепно-мозговых травмах, объяснил он Мэл. Если дела обернутся хуже, ему придется ее прооперировать, удалив часть черепа, чтобы уменьшить внутричерепное

давление, которое может усилить повреждение мозга или даже убить Джейн. Первые двадцать четыре часа являются наиболее критическими для жертв аварий, так что Доктор Лавелль убедился, что Джейн Дженсен будет проверяться каждые пятнадцать минут – без исключения, так он велел сотрудникам реанимации. Он делает все возможное для Джейн, ободрял он ее приемную сестру, но должен убедиться, что она понимает всю серьезность ситуации. Пациентка была на грани между жизнью и смертью – и эта грань могла сместиться в любую сторону.

Спустя несколько часов, Мэл вышла из реанимационных палат и заметила хирурга Джейн, говорившего с красноволосой администраторшей или медсестрой – Мэл не была уверена, какую должность та занимает. Он сказал ей, что уходит на перерыв немного вздремнуть.

— Вам удалось получить какую-либо информацию о семье Джейн Дженсен?

Старая женщина сделала гримасу.

— Если верить словам ее приемной сестры, которая была указана как ее экстренный контакт на ее работе, нет никого в пределах штата.

Мэл подмигнула. Встречайте Мэлани, новоявленную приемную сестру Джейн. Ее уши навестились при следующем комментарии.

— ... итак, никаких детей?

— Нет, доктор.

— Это большое облегчение. Я думаю, если у нее есть домашние животные или что-либо такое, ее приемная сестра за ними присмотрит.

— Я поговорю с ней об этом, как только увижу снова.

— Спасибо, Лоис.

Мэл развернулась обратно, чтобы они не могли увидеть, что она подслушивала и пошла в другую сторону, решив немного подышать свежим воздухом. Мэлани начала чувствовать изнеможение, а ей предстояло быть на ногах еще несколько часов, в надежде дожидаться, когда Джейн выйдет из комы, прежде чем она покинет госпиталь – если это вообще возможно.

Спустя час, устроившись в неудобном виниловом кресле, Мэл начала клевать носом, но вдруг почувствовала, как к ней кто-то прикасается теплой рукой. Встревоженная, она вскинула голову, и увидела доктора Лавелль присевшего на корточки рядом с ней.

— Может мне подыскать вам постель, чтобы вы могли несколько часов поспать?

Мэл улыбнулась симпатичному доктору.

— Это было бы прекрасно. Спасибо вам.

Он поманил ее пальцем за собой и привел ее в маленькую комнату с единственной кушеткой и полкой, заложеной простынями и полотенцами.

Мэл улыбнулась снова с благодарностью, и как только доктор закрыл дверь за собой, растянулась на кушетке и сразу же вырубилась.

Добрый хирург вернулся через четыре часа, чтобы разбудить Мэл.

— Хорошо вздремнули? — спросил он ее.

— Очень хорошо, — она улыбнулась. — Я чувствую себя на тысячу процентов лучше.

— Я тоже немного поспал. Давайте поохотимся на кофе, вы не против?

Когда они вдвоем пересеклись с медсестрой в холле, доктор Лавелль попросил молодого мужчину принести им две чашечки кофе и найти его во время обхода. Он повернулся к Мэл.

— Черный кофе – это единственный способ, благодаря которому все становится более терпимым, поверьте мне. Идите сюда. Моя первая пациентка – ваша сестра.

Замечательная медсестра, несущая кофе, нашла их даже раньше, чем они дошли до лифта. Мэл смотрела, как доктор осушил маленькую чашечку горького кофе за два глотка, и затем, казалось, стал энергичнее от кофеина. Лифт прибыл, и они вошли внутрь, нажав кнопку шестого этажа на котором располагалось реанимационное отделение. Снаружи комнаты Джейн, он посмотрел на ее диаграмму и широко улыбнулся Мэл.

— Она пережила ночь. У нашей девочки есть шанс.

Мэл просияла в ответ и задалась вопросом, будет ли это нарушением этикета, если она поцелует хирурга. И решила, что лучше не стоит.

После того как Джейн пережила свой первый день после аварии, прогнозы доктора Лавелль стали все более оптимистичными. Она по-прежнему находилась в наркотической коме, так как сохранялся сильный отек мозга. Мэл наконец-то отправилась домой, но она сказала Лавелль, что вернется после работы или рано утром послезавтра.

Через три дня отек мозга Джейн уменьшился, и ее вывели из комы, а после недели в реанимации было решено перевести девушку в обычную палату, состояние Джейн улучшалось каждый день. Хоть у нее сохранялись другие серьезные травмы, главной угрозой ее жизни было черепное давление, вызванное отеком, так что когда он стал проходить, она перешла из критического состояния в тяжелое, а затем и в стабильное. В клинике сказали, что ее молодость способствует выздоровлению.

Как хорошо быть двадцатипятилетней.

Хоть Мэл и разрешили посещения, Джейн постоянно была без сознания, так что когда Мэл вошла в палату на третий день, она была более чем удивлена, увидев глаза ее подруги открытыми и следящими за движениями Мэлани.

Она почувствовала облегчение, прокатившееся по всему ее телу, от вида Джейн в сознании, но также и страх, что может быть... она будет другой. Вспомнит ли она Мэл? Доктор сказал, что она не помнит большой кусок своей жизни, у Джейн нет воспоминаний о недавнем времени. Мэл придала своему голосу воодушевленный тон.

— Уже чертову кучу времени как твой праздник сна закончился. Вот ты здесь получаешь весь этот прекрасный отдых, в то время как я мотаюсь по всему Нью-Йорку, — она склонилась, чтобы чмокнуть Джейн в лоб. — Девочка, как же хорошо снова увидеть эти красивые глазки открытыми.

Губы Джейн растянулись в легкую улыбку.

— Спасибо. Мне так жаль, что пришлось возложить на тебя столько обязанностей... — удалось ей произнести хриплым голосом, и затем она прочистила горло.

Мэлани потрясла головой, ее темные, блестящие волосы закачались от движения.

— Прекрати это. Я шучу. Я просто так рада видеть тебя проснувшейся, — она тщательно рассмотрела свою подругу. Джейн была очень-очень бледной, но ее глаза были живыми, и это заставило Мэл чувствовать себя лучше. — Как ты себя чувствуешь?

Грустная ухмылка появилась на лице подруги.

— Так, как будто меня переехал грузовик... впрочем, так и было, — ее лицо стало печальнее, как только она сказала эти слова. — Медсестра сказала мне, что другой водитель

погиб. Я так ужасно себя чувствую по поводу этого... так, как будто это моя вина.

— Как это может быть твоей виной? Это был несчастный случай. Я серьезно сомневаюсь, что ты была намерена устроить столкновение лоб в лоб с каким-то бедолагой на дороге. Почему ты была за городом? Ты помнишь?

Джейн попыталась покачать головой, но у нее была ограниченная возможность двигаться, из-за шейного фиксатора.

— Никаких догадок. Мои воспоминания в полном беспорядке — особенно недавняя память, я помню практически все вплоть до девятого класса, а затем кое-что тут и кое-что там после. Это реально очень странно... — ее голос надломился, — ... и жутко.

— Могу представить, — Мэл подтащила сиреневое виниловое кресло поближе к кровати, его ножки протестующе проскрежетали по плиточному полу, и опустилась в него. — Что сказал доктор по этому поводу?

— Он сказал, что вероятно я восстановлю память, по мере того кого как мой мозг будет исцеляться. Он сказал, что, скорее всего я даже и не вспомню аварию и то, что было сразу после этого... но, честно говоря, я думаю, что так даже лучше.

— Да, память о таком не принесет ничего хорошего, — она похлопала Джейн по завернутой в одеяло ноге. — Итак, все в офисе говорят мне...

— Извините, — прервал их, зашедший в комнату, медбрат, — но вам нужно выйти из палаты на несколько минут, мисс. Вы можете продолжить свой визит через полчаса.

Мэл посмотрела на Джейн.

— Я пойду выпью кофе. Не хочешь? — ее глаза метались между Джейн и медбратом. — Ей же его можно?

Медбрат подмигнул и покачал головой, его светлые волосы, заплетенные в дреды, покачались от движения.

— Боюсь, что нет.

— Ладно, тогда мне придется пить его одной. Нет же никакого смысла в том, чтобы мы обе страдали, верно?

Джейн выдавила из себя улыбку.

— Спасибо латте.

Простонав, Мэл махнула ей на прощание и двинулась к двери.

Джейн окликнула ее.

— Пожалуйста, возвращайся.

Мэл повернула голову и подмигнула ее подруге, счастливая, что Джейн стала собой прежней.

— Только если ты обещаешь больше не шутить банально.

— Честное-пречестное.

Шот виски, подумала Мэл, прекрасно подойдет вместе с кофе сейчас. А тот медбрат с дредами довольно горяч. Откуда в этом госпитале так много мужчин-медбратьев? Мэл знала, куда она пойдет, если ей понадобится место, чтобы поправить здоровье.

Глава 8

— Ах.

Джейн оттолкнула желатиновую слизь подальше от себя. Она была отвратительной и не заслуживала права называться десертом, хотя девушка должна была признать, что играть с

этим какое-то время было достаточно весело. Больничная еда в основном была ужасной. Единственное, что было съедобным это рис. По крайней мере, на такой ужасной диете, Джейн могла почувствовать, как с нее уходит все больше фунтов отвратительного жира.

Еда, съедобная или нет, не была ее главным беспокойством.

Глубокая депрессия, смешанная с чувством дискомфорта. Стены больничной палаты надвигались на нее, ей становилось лучше физически, но состояние ее рассудка ухудшалось. Каждый день мучительно тянулся, Джейн лежала в кровати, определяя время либо по освещению за окном, либо по времени трехразовой подачи еды. Девушке стало настолько плохо, что даже, несмотря на то, что еда была неприятной, она с нетерпением ждала прибытия подноса, ведь это хоть как-то разбавляло монотонность ее дня.

Джейн чувствовала, будто незнакома сама себе, но, тем не менее, у нее было ощущение, что она человек, которому постоянно надо чем-то заниматься – ментально или физически. Чем-нибудь. Просто так лежать тут Джейн не могла.

Она не могла уйти в мир книг, так как чтение усиливало ее головную боль. Также не могла выносить прослушивание музыки более чем несколько минут подряд. Мэл принесла свой лэптоп с работы, ведь ее собственный находился в багажнике авто и был уничтожен в аварии, но серфинг в интернете⁹ также заставлял ее голову болеть. Единственным развлечением, не считая визитов Мэл и нескольких других человек из офиса, включая ее босса, было телевидение. Джейн просмотрела кучу доморощенных шоу и криминальных драм. Когда на экране что-то слишком часто начинало мелькать, она просто закрывала глаза и слушала.

Джейн отчаянно хотела выйти из больницы. И была готова на все.

Ее воспоминания по-прежнему были щедро сдобрены большими провалами в памяти, но все-таки удалось восстановить несколько недавних воспоминаний. Не так много, но все же. Когда очень симпатичный Тай Рено, финансовый директор из «МТ» пришел в ее палату, у нее поначалу не было никаких идей о том, кто перед ней. Мужчине пришлось представиться, и лишь через несколько минут его лицо начало становиться более знакомым. Джейн стала находить несколько забавным тот факт, что привыкла видеть шок на лицах людей, когда она смотрела на них с пустым выражением лица, совершенно их не узнавая. Джейн даже нашла это крайне развлекательным. Но почему-то Мэл она помнила всегда.

Той частью потери памяти, которая наиболее ее беспокоила, была потеря личности. Джейн не имела никакого понятия, какой девушкой она стала после школы. Это было чудным и сюрреалистичным ощущением. Личность – одна из тех вещей, которые человек не ценит, пока не потеряет.

Она просто надеялась, что скоро ей позволят отправиться домой, и провести остаток восстановления в ее новом доме. Мэл описала его ей в деталях, и теперь Джейн не терпелось самой его увидеть.

Вечером в понедельник, на третьей неделе после аварии, хирург остановился в комнате Джейн, и она приготовилась услышать, что он ей сейчас скажет. На протяжении последних дней девушка видела только медсестер, и поэтому обрадовалась его улыбающемуся лицу. Впервые Джейн увидела в нем мужчину, а не врача. Он был красив – более высокая, худая и взрослая версия Джона Клуни, его волосы полностью седые, а под глазами – мешки.

— Джейн, как вы себя чувствуете?

Ее янтарные глаза осветились улыбкой.

— Удивительно прилично, доктор Лавелль. Очень хорошо. Мои головные боли уже не

так жестоки, а мое запястье чувствует себя более зажившим, — она немного помолчала. — Пожалуйста, скажите, что вы здесь для того, чтобы выписать меня?

— Может быть. Ребра еще дают о себе знать? При каждом вдохе?

Джейн слабо улыбнулась.

— Да. Это из гимна сталкера, верно?

Он рассмеялся.

— Да, обожаю его, хотя я не сталкер. Но я достаточно стар, чтобы быть фанатом «Полиции».

— Итак,— сказала Джейн, подмигивая, — не все сталкеры плохие, не так ли? Особенно, если они выглядят как Стинг в молодости. Как вы думаете, как он получил такой псевдоним?

— Не имею представления. Говоря о вас, по шкале от одного до десяти, при максимуме для обозначения невыносимой боли, как бы вы оценили свои болевые ощущения?

— Шесть или семь, в зависимости от времени дня. Дискомфорт и онемение от лежания в постели весь день, меня не отпускают. Обезболивающие хорошо помогают, мои головные боли становятся более сносными.

Поджав губы, он кивнул.

— Я отправлю вас домой, выписав рецепт на «Оксикодон», который не так силен, как обезболивающие, которые мы даем вам здесь. Я хотел бы чтобы вы постепенно начали перестать его принимать, он вызывает сильное привыкание. Вам не нужно еще больше проблем, при попытке решить те, которые у вас уже есть. «Ибупрофен» может помочь унять большую часть боли, так что вы можете попробовать пить его в течение дня, а на ночь принимать более сильное — «Оксикодон».

— Хорошо,— согласилась она покорно.

Он присел на краешек кровати.

— Это не первая авария, в которой вы побывали, не так ли? Ваши рентген снимки показали следы былых травм.

Джейн посмотрела на него, чувствуя, как в ней нарастает паника.

— Я не помню... Может быть была другая... Я не уверена, доктор.

— Похоже, вы уже ломали это запястье прежде, к несчастью, но этот перелом был серьезнее, поэтому мы не смогли использовать шину. Вы помните, носили ли вы шину или гипсовую повязку?

Она замерла на длительное время, пытаясь сосредоточиться.

— Я не... может быть.

Он набросал несколько записей в ее карте и затем посмотрел на нее снова.

— Что насчет вашей памяти? Есть улучшения?

— Не особо много. Я вспомнила несколько небольших вещей после последнего раза, когда мы говорили, но не очень значительных. Как-то странно. Как будто нет определенной схемы в процессе восстановления... как будто нет последовательности или что-то вроде того. Это нормально?

— Я не думаю, что существует какой-то правильный или неправильный способ восстановления при потере памяти. Раз прогресс есть, я бы сказал мы на правильном пути.

— Да, просто сначала стали возвращаться большие куски памяти, но затем они становились все меньше и меньше. Это так расстраивает.

— Я знаю,— он похлопал ее по руке. — Но вы замечательно справляетесь, так что

давайте будем довольными этим, и будем просто стараться быть в порядке день за днем. Вы ведете записи?

Она смутилась.

— Я начала их на клочке бумаги, но не могу найти их теперь. Когда вы меня выпишите, я куплю тетрадь и буду вести их более упорядоченно.

— Хорошо, — он изогнул свои густые брови. — Итак, я пришел с хорошими новостями. Я выписываю вас завтра. У вас есть кто-либо, кто может вас забрать и отвезти домой?

— Думаю, моя подр... хм... — она почувствовала, как ее лицо стало горячим от ее оговорки, — ...моя сестра может приехать за мной. Я с ней свяжусь.

Доктор Лавелль улыбнулся. Джейн поняла, что он знает про эту маленькую ложь, о том, что она и Мэл скрывают, но не станет выводить ее на чистую воду.

— Очень хорошо. Я подпишу ваши бумаги о выписке, так что теперь вы сможете уехать хоть утром.

— Это звучит прекрасно. Спасибо за все, что вы для меня сделали, доктор Лавелль.

— Пожалуйста. Я хочу, чтобы вы пришли на прием к вашему терапевту и мне нужно увидеть вас снова, чтобы снять шейный бандаж и гипс на запястье через неделю или две. Я предоставлю вам контактные данные, чтобы назначить прием, — он встал. — Удачи, Джейн.

— Спасибо, доктор Лавелль. Без вас я бы не справилась.

Он усмехнулся, выходя из палаты.

Как только он вышел, Джейн выхватила свой новый телефон из стола. Мэл принесла его два дня назад. Когда медсестры отдали ей сумку на прошлой неделе, среди вещей не было ее телефона. Это было сильным ударом, так как Джейн не имела никакого понятия о том, чьи номера она навеки утратила, были ли среди них номера друзей или коллег.

Звонок попал на голосовую почту.

— Мэл, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, забери меня с утра? Мой врач меня выписывает, — она уже была готова прервать связь, но продолжила. — Я хочу выйти отсюда. Мне так плохо. Хочу вернуться в новый дом, который я едва помню, — она усмехнулась. — Позвони, когда получишь сообщение.

Ее отдельные воспоминания были невеселыми. То, что она сказала Лавелль, было правдой: иногда всплывали частицы и кусочки, иногда большие участки воспоминаний и зачастую неожиданно. Только вчера, она смогла вспомнить свой выпуск из старшей школы и Сулу Стэнтон, ее лучшую подругу в те времена.

Ее единственную подругу в старшей школе.

Набрав дополнительные двадцать пять фунтов веса в течение жалкого несчастья известного как средняя школа, Джейн уже была полненькой, когда перешла в старшие классы. Даже хуже, она никогда не обладала искрящейся личностью, чтобы компенсировать свои физические недостатки. В самый первый день Элеанор Константин, девочка с самыми блестящими длинными черными волосами и улыбкой с ямочками, затеяла драку с ней в кафетерии из-за бутылки охлажденного чая, за которой они обе потянулись. Этот инцидент задал тон всему ее пребыванию в средней школе ну и в старшей впоследствии. Она ни разу не добивалась социальных успехов. Ни разу.

Качеством, которое закрепило за ней статус неудачницы, было то, что она очень умна, другой страшнейший школьный грех по шкале измерения популярности. Сулу Стэнтон была схожей комплекции, так что они полагались друг на друга ради моральной и учебной поддержки, вместе продираясь сквозь опустошительную зону военных действий, которой была высшая школа, хотя и понабрав множество шрамов. Впоследствии, к ним примкнула необыкновенно высокая Тара Рэнкист, другой изгой, которая была на год старше них.

Джейн помнила все вплоть до первого класса высшей школы с поражающей ясностью, но очень немного после. На прошлой неделе, Джейн начала вспоминать больше фактов о Мэлани. Когда она впервые пришла навестить ее, Джейн узнала ее, хотя и не знала почему. Достаточно быстро Мэл становилась все более ей знакомой, но вначале это было пугающе. Странностью было то, что она могла вспомнить Мэл, но немного о своей жизни после девятого класса. Более того, она не могла сказать, как долго они знали друг друга или даже как они познакомились.

Затем к ней вернулось это первое воспоминание. Оно выскочило из ниоткуда, когда девушка вдохнула запах кофе, которое кто-то нес по холлу, и это было воспоминание о Мэл, которая представлялась ей, принеся Джейн латте из «Старбакса», и их разговор, состоявшийся между ними в ее первый день работы в «МТ». Это был неуловимый запах кофе, который, Джейн была уверена, послужил спусковым крючком для воспоминания. Она резко вдохнула воздух, когда оно пришло.

Джейн тоже нравился запах кофе. Он напоминал ей о воскресных утрах, когда оба ее родителя были в хорошем настроении большую часть времени и запахи кофе и бекона, плывущие по дому, иногда даже пробуждающие ее ото сна.

И она начала вспоминать начало своей работы в МТ. Странно, однако, что годы перед этим все еще были потерянны для нее. Ее память не имела хронологического порядка, в котором бы восстанавливалась, хотя были и последовательные куски. Как, например, в случае с Мэл.

Они никогда бы не стали друзьями – она и Мэл – но противоположности притягиваются и они не смогли бы стать более разными, даже если бы постарались. Встретившись в первый рабочий день Джейн в «МТ Системс», две личности женщин столкнулись: Мэлани Бартоломью была искрометной и популярной, красивая женщина, которая знала, как носить одежду и была бесстрашной. Она была также ультрахудой. Противоречием ее девчачьей внешности, было то, что она работала в сфере айти. Вскоре ее попросили стать ментором Джейн.

А Джейн была Джейн – неуклюжая, некрасивая, но бриллиант внутри. Она считала, что айти будет неплохо подходить ей, но была удивлена, когда встретила прекрасную женщину по имени Мэлани, которая выглядела так, как будто работала в маркетинге или продажах, а не на техническом поприще.

При первом взгляде Джейн на Мэл, у нее отпала челюсть, когда она узнала в привлекательной, модной женщине девчонку на несколько лет ее старше, которая училась с Джейн в одной школе и принадлежала к той шайке, что измывалась над ней в старшей школе.

Но в случае с Мэл, доброта и красота не были взаимоисключающими понятиями. Это стало открытием для Джейн, фактом, который многое говорил о дерьмовых людях, окружающих ее в детстве.

После всего нескольких часов вместе, обе женщины поняли, что Джейн справится с

работой Мэлани – и все в отделении тоже – с закрытыми глазами. Всегда прагматичная, Мэлани вероятно решила, что в ее интересах будет лучших подружиться с Джейн и преодолеть первоначальное нелицеприятное представление Джейн о себе. Где-то посередине этого процесса они неожиданно стали лучшими подругами.

Даже непривлекательные девушки получают много внимания и лести, когда приносят кучу денег корпорации. Менее чем за год, Джейн стала экспертом по информационным системам, экономя существенное время, а, следовательно, и деньги, в различных отделениях – всё, начиная от бухгалтерии до усовершенствования метода заполнения заказов, для большего удобства людей. Ее умения – все вскоре узнали это – не закончились на этом, Джейн начала решать проблемы эффективности управления. Как только девушка определяла проблему, она могла принять немедленное и гениальное решение, чтобы это исправить.

Джейн все еще не верила в то, как все изменилось. Почти с самого начала ее работы, она была замечена в компании, и ее репутация как эксперта по эффективности возростала. Это ощущалось странно, приятно было быть замеченной. Предложения от конкурентов посыпались в ее сторону – ее навыки были высоко востребованными в корпоративном окружении – и положительное внимание (не беря в расчет деньги) начало менять ее. Улучшило ее, она надеялась. Ничего радикального. Несколько фунтов сброшенного веса. Несколько новых приобретений более открытого типа одежды. Немного больше уверенности.

С этим воспоминанием пришло и другое: об ее доме. Ее милом маленьком доме в английском стиле, о котором Мэл так много рассказывала ей, описывая его до мельчайших деталей, пока у Джейн не возникла картинка в голове. Затем она кажется вспомнила его... Вспомнила первый раз, как увидела его.

Это было самым большим изменением в ее жизни, ее прыжком к состоятельности. Ее любимая родственница, тетя ее мамы, умерла, и оставила Джейн приличную сумму. Кто бы знал, что тетушка Адэль имеет так много денег? Она оставила все, почти два миллиона, ее внучатой племяннице, так что Джейн, после растраты большей части этой суммы, приобрела дорогостоящий таунхаус – в основном заплатив наличными – несколько месяцев назад. Ее жизнь, когда-то серая и бессмысленная, стала динамичной и даже захватывающей.

Пока не случилась авария, которая все это уничтожила.

Глава 9

Мэл перезвонила ей через час.

— Они меня выписывают, Мэл! Пожалуйста, пожалуйста, забери меня отсюда раньше, чем они передумают.

Мэл засмеялась.

— Разве это так плохо? Не кажется ли мне, что ты спишь большую часть времени, а все оставшееся смотришь телевизор. Это не похоже на тюрьму, пирожочек.

— Ар-р. Попытайся сама посмотреть на голые крашеные стены, когда у тебя адски болит голова, и ты начнешь видеть там то, чего нет. Сможешь меня забрать?

— М-м-м, может быть. Ты должна пообещать снова взять меня в то маленькое кафе – ну то, где подают великолепные омлеты – когда тебе станет лучше. За твой счет, конечно же.

Джейн усмехнулась.

— Договорились. Ты заслужила больше, чем тупой омлет.

— Эй, я люблю омлеты. В любом случае, я была рада сделать это для тебя. Итак... сообщи мне детали.

— В любое время. О, и не забудь принести мне вещи, Мэл. Мне нечего надеть кроме больничного халата, в котором видно голую задницу.

— Да, больница захочет вернуть такую красоту назад. Жаль, это определенно привлекло бы к тебе некоторое внимание на улицах Нью-Йорка.

На линии раздался громкий смех.

— Не то внимание, которое я желаю получить. Кроме того, Нью-Йорк – это то место, где таким уже никого не удивишь. Голые задницы стали привычным явлением. Просто, пожалуйста, принеси мне джинсы и рубашку?

— Хорошо. Должна ли я заехать к тебе домой или мне что-нибудь прикупить тебе?

— Как хочешь, но я бы предпочла свои собственные вещи, если бы у меня был выбор.

— Он у тебя есть. Я одолжила машину у брата, так что не вопрос. Итак... к какому времени мне подъехать?

— Доктор уже подписал мои бумаги на выписку, так что я могу уехать хоть с утра, если ты не против слегка опоздать на работу. Это возможно?

— Да, я думаю. Ты же знаешь, что руководство МТ тебя обожает. Буду в больнице около восьми или девяти. Я схожу с ума от желания увидеть тебя, Джейн. Извини, что не могла навещать тебя чаще в последние дни, но мы заканчивали нашу налоговую декларацию и возникли кое-какие проблемы, так что были задействованы все свободные руки – учитывая, что тебя не было с нами. Я не добиралась домой ни разу раньше восьми всю неделю.

— Ох, ладно. Нет, я понимаю. И Мэл, спасибо... за все. Правда. Увидимся завтра?

— Положись на меня, леди Джейн.

Идя по тропинке, вымощенной кирпичом в форме узора елочка, ведущей к новому дому Джейн, Мэлани вспомнила прошлый раз, когда она здесь была, почти три месяца назад. Джейн попросила Мэл сфотографировать ее вновь окрашенный винтажный таунхаус для местного художника, чтобы он превратил снимок в оцифрованную картину. Мэл специально выехала ранним утром, чуть позже восхода солнца, как попросила Джейн, говоря, что дом лучше всего выглядит при первых его лучах. Для Мэл подъем ранним воскресным утром стал настоящим испытанием дружбы. Но она сделала это, вооруженная новехонькой фотокамерой за полторы тысячи баксов, а Джейн наградила ее крепким объятием, горячим кофе, и спустя пару часов, невероятно хорошим поздним завтраком в крошечном кафе через несколько улиц, в котором готовили овощи на гриле, от которых текли слюнки, и яичницу «Ярлсберг».

Кирпичный оштукатуренный домик тысяча девятьсот двадцать седьмого года был очарователен. Пока Мэл возилась со связкой ключей, она услышала, как кто-то окликнул ее, и обернулась. Человек, который ее поприветствовал, заставил рот девушки пересохнуть, а яичники оживленно вытанцовывать меренге.

— Привет. Вы моя новая соседка? — выкрикнул мужчина, приоткрыв переднюю дверь.

Он был шестью футами загорелой мужской анатомии.

Нет, но я хотела бы ей стать.

— Нет. Моя подруга живет здесь, — она заколебалась, перед тем как продолжить,

неуверенная как много хотела бы раскрыть Джейн.

— А, да, да, Джейн. Как она поживает? Мы слышали, она попала в серьезную аварию. С ней все в порядке? — подходя ближе, он протянул ей руку. — Я – Мейс. Ну, Мейсон, в действительности. Колдвелл. — Он пожал плечами, перемещая ее внимание от его сияющих голубых глаз к его крепкому телу. — Люди зовут меня Мейс.

Ну, привет, Мейс. Мэл ощущала жар на лице, а ее пульс ускорился. У Джейн есть роскошный сукин сын сосед. Плюс, у него был глубокий, сексуальный голос, тот тип, которому сложно сопротивляться, даже если женщина твердо намерена игнорировать его. Она втянула воздух и расплылась в широкой улыбке, пытаясь быть спокойной, несмотря на то, что вся ее женская сущность откликнулась на него.

— Привет, Мейс, — протянула она. — Я Мэлани. Приятно познакомиться.

О, Боже мой, просто непристойно хорош собой на близком расстоянии. Она могла начать сочинять стихи, воспевая его кучей прилагательных, но даже простого описания было достаточно: ясные голубые глаза, густые каштановые волосы, кожа такого цвета, что бывает у тех, кто много работает на открытом пространстве, но с текстурой, как у того, кто работает в офисе, и рельефное тело. По крайней мере, то, что она видела, было таким, мелькая под его рубашкой и над джинсами. *Любовь с первого мать твою взгляда*, подумала Мэл.

— И мне. Итак... что насчет Джейн?

Его вопрос вернул назад ее внимание к разговору.

— Ох, эм-м, да-а-а, она в порядке. Прекрасно. Возвращается домой сегодня, в действительности.

— Правда? Это замечательно.

Он широко улыбнулся, обнажив полный рот зубов, которым бы позавидовал бы любой дантист. *Ох*ительно естественные.*

— Она... а, ты знаешь... прежняя? Я имею в виду... слышал, она перенесла черепно-мозговую травму?

Мэл кивнула. Она не имела права делиться частной информацией. Как же быть повежливее?

— Эм, да, ей еще предстоит восстановление. Но она неплохо справляется.

— Прекрасно, прекрасно. Я хотел бы познакомиться со всеми нашими соседями.

Ух-ху-у. Как же замечательно. Кем это, нашими?

Он повернул голову назад по направлению к почти идентичному таунхаусу по соседству и указал подбородком в ту сторону.

— Моя жена и я только въехали в наш дом два месяца назад.

Это единственное слово было как иголка, уколывая шарик, полностью сметая все хорошее настроение Мэл. *Жена. Просто ни*деу.*

— Ох? Это прекрасное место с изумительной архитектурой, — гладко ответила она.

— В точку. Вот почему мы здесь. Моя жена просто влюбилась в эти домики. Обожает все британское, — он усмехнулся. — Топленые сливки, Джейн Остин, Бибиси, и так далее. Плюс, здесь отличные школы... если забегать наперед, когда у нас появятся дети.

— Выглядит так, как будто ваша жена нашла свое место. Это реально выглядит как английская деревня. И да, — она согласилась, покивав головой, — школы. Это очень важно.

Его голубые глаза тщательно наблюдали за ней, в то время как он наклонил голову набок, как глупый щенок.

— Мы не встречались раньше? Ты выглядишь знакомой.

Мэл покачала головой.

— М-м-м, нет, я так не думаю.

— Может быть, и нет, — он легко согласился. — Говорят, что у каждого есть свой двойник, верно? Или может быть, я встречал твою родственницу, похожую на тебя. Сестру?

— Боже, я надеюсь, что не выгляжу как моя сестра, — нахмурившись, пошутила Мэл.

Он засмеялся и погрозил пальцем.

— Я запомню.

Это было весело, подумала Мэл, и начала отступать.

— Я должна идти. Ну... удачи в твоём новом доме, *Мейс*.

Она помахала ему на прощание и повернулась, энергично двигаясь по тропинке. Её интерес угас сразу же, как он произнес ненавистное слово на букву «Ж». Мэл не посягала на чужое. Перед тем как войти внутрь дома, она быстро оглянулась назад.

Он наблюдал за ней, и, заметив, что попался на этом, коротко отсалютовал ей по-военному и повернулся назад, только когда она зашла внутрь.

Чувствуя себя необычно раздраженной, Мэл закрыла и заперла дверь, затем осмотрелась вокруг. Дом был в легком беспорядке от недавнего переезда Джейн перед аварией, и Мэл хотела бы иметь больше времени прибраться здесь насколько возможно перед приездом Джейн.

Ладно, Мэлани, сосредоточься на задаче, а не на горячем соседе и перестань думать о том, насколько велик его член. Вероятно, очень большой.

Войдя в спальню, она удивилась, так как это была единственная комната в доме, в которой была мебель. Джейн говорила ей, что не может терпеть свою старую мебель — отданную ей родителями и родственниками.

«Она недостаточно хороша даже для свалки», — рассуждала она. — «Бедным бездомным людям приходится сидеть на этой ужасного цвета мебели — это жестоко и странно».

— По крайней мере, Джейн не фанатка чистоты, — пробормотала она, беря стопку одежды из спальни, в которой та была разбросана на всех свободных от картонных коробок местах. — Посмотрим. Все будет слишком свободным на ней, — она продолжила, — но мешковатость — то, что надо, учитывая ее бандаж и гипс.

Она взяла рубашку, джинсы, кроссовки и засунула их в рюкзак, затем услышала лай собаки и резкий окрик женским голосом.

Заинтригованная Мэл подошла к высоким окнам, заметив, что одно было слегка приоткрыто, пропуская шум снаружи. Выглянув, она увидела своего нового приятеля Мейса, разговаривающего с худой светловолосой женщиной, имеющую элегантную осанку — *должно быть его жена* — которая держала собаку на поводке. Собака была высокой, худой и светлой, как и ее хозяйка. Что бросилось в глаза Мэл больше всего, это то, что окно в спальне Джейн имело прекрасный вид на патио Колдвеллов и задний дворик.

Это заставило Мэл гадать, посчитала ли Джейн женатую парочку интересным развлечением. Если она жила здесь, то должна была видеть их, то там, то здесь — архитектура домов способствовала этому, дома располагались очень близко, но задняя часть домов была разного размера, создавая прекрасный обзор обстановки дома и жизни друг друга.

Стоя у оконных створок, она с интересом наблюдала за ними. Фигура женщины была напряженной, как если бы она была раздражена. Её привлекательный муж был более

расслаблен, но имел настороженное выражение лица.

Может Мэл и выдавала желаемое за действительное, но судя по языку их тела, они не особо наслаждались обществом друг друга. Мягко говоря.

Опять же, они могли говорить о чем-то неприятном, например, о неоплаченных счетах или о теще.

Она закончила здесь свои дела и пошла к лестнице, но вдруг вспомнила, что забыла упаковать нижнее белье. У Джейн ничего не было в больнице, за исключением нескольких туалетных принадлежностей, которые Мэл привезла ей в первые дни после аварии. Когда она вновь зашла в спальню, то все еще могла слышать, как соседская парочка разговаривает на повышенных тонах.

Разговаривает? Скорее спорит. Все было не так замечательно у Кена и Барби?

Подходя к окну, Мэл смогла услышать, как мужчина что-то сказал, закончив словами «твоя еб*ная собака». Х-м-м. Мейсу не нравится собака? Он упал в ее глазах на несколько делений просто из-за этого. Она закрыла окно и повернула ручку, чтобы холодный осенний воздух не выстудил дом, а также отсечь Колдвеллскую драму.

Вернувшись к своей задаче, она порылась в комодке Джейн с нижним бельем, рассматривая все симпатичное белье, которое там было. Она усмехнулась – оно было вовсе не в стиле Джейн. Это заставило ее задуматься, а нет ли у Джейн любовника. Через несколько дней после аварии, Мэл попыталась позвонить тому парню – Эду Дженсену – несколько раз, но никто не ответил и не откликнулся на ее голосовые сообщения.

Прежде чем покинуть спальню, она прошествовала к шкафу, чтобы взять легкий пиджак. Войдя в огромный шкаф – должно быть это была небольшая комната, превращенная в шкаф, так как старые дома имели тенденцию иметь маленькие гардеробные, или вообще их не иметь – она включила свет и осмотрелась. Что-то сзади привлекло ее внимание, удивляя ее. Подойдя ближе, она заметила пару трахни-меня туфель на шпильках, задвинутых в угол. Они были почти скрыты от взгляда, но у Мэл был радар на дорожную обувь и ее глаза нацелились прямо на них. Ее дыхание остановилось, когда она увидела красные подошвы. Воу. Пять сотен как минимум, подумала она, узнавая марку дизайнера.

Уходя, она обмозговывала эту новость. Туфли были совсем не такими, какие обычно носила Джейн – совсем не подходящие ей по характеру. Может они даже были не ее? Одну вещь Мэл знала наверняка: не важно, чьими они были, Мэл хотела взять их поносить, и так как владение было девятью десятыми закона, она посчитала, что Джейн будет той, кто ей их одолжит. Очко. Прежде чем выйти из гардероба, она проверила размер: тридцать седьмой. Какой это будет, если перевести на американский размер? Седьмой, если память ее не обманывает. Мэл носила американский восьмой, то есть тридцать девятый по европейским меркам. Но что значит небольшая боль и несколько кровавых мозолей по сравнению с удовольствием от ношения таких прекрасных туфель?

Ее дыхание замерло, когда она случайно увидела, сколько времени на настенных часах.

— Дерьмо, я опаздываю.

Мэл бегом побежала вниз по лестнице, чтобы по-быстрому запереть дом. Садясь в позаимствованную «вольво», она направила машину к больнице.

Последние несколько дней на работе были такими ужасными, что Мэл не смогла посещать Джейн почти неделю, так что, когда она зашла в больничную палату, то получила сюрприз, увидев свою подругу.

— Бог мой, Джейн, я знаю, что ты прошла через мясорубку, но должна сказать,

выглядишь, ну, фантастически. Черт, девочка, должно быть ты потеряла двадцать с лишним фунтов веса после аварии.

— Ах... спасибо? — Джейн засмеялась. — Вероятно, есть более легкие способы похудеть? Но да, я чувствую себя значительно лучше сегодня.

Мэл не могла оторвать глаз от Джейн, внезапно увидев ее в новом свете. Это было поразительно. Она всегда думала, что Джейн имеет милую мордашку, но слишком сложно увидеть сквозь внешнюю броню, которую Джейн так тщательно воздвигала. Она всегда одевалась так, чтобы быть незаметной, привычка, а не специальное намерение, оставшаяся со школы, отчаянное желание не привлекать внимание, так как зачастую оно было негативным...

Джейн рассказала ей несколько историй о своих подростковых годах за несколькими бокалами вина. Мэл постепенно научила Джейн пить алкоголь.

Впоследствии, однако, стиль одежды Джейн начал меняться — немного. В дни, предшествовавшие аварии, Джейн начала носить платья, которые показывали часть декольте, и может небольшую часть бедра, и даже раз или два укладывала волосы. Мэл также заметила, что Джейн стала делать легкий мейкап — ничего кардинального, просто помада и тушь.

Теперь, Мэл смотрела на нее другими глазами. У Джейн было красивое лицо и это стало более заметным, когда та потеряла вес. Как только с нее снимут биндаж и сойдут синяки... при правильно подобранной одежде и макияже, и тотально новой стрижке, Джейн будет сногсшибательна. Догадывалась ли об этом сама Джейн?

Забавно, что Мэл не замечала этого раньше. Было ли дело просто в потере веса или в чем-то другом? Она выбросила это из головы пока что и сосредоточилась на разговоре.

— Ты вспомнила что-нибудь еще?

Джейн попыталась покачать головой, но не смогла из-за шейного биндажа.

— Пока нет. Доктор Лавелль посоветовал мне завести тетрадь и вести записи каждый день. Он сказал, что иногда это помогает пробудить память и даже, если нет, все равно это полезное упражнение. Так что... да, я, пожалуй, так и сделаю.

Она посмотрела на свою подругу и подмигнула.

— Мне будет так скучно, я застряну дома, долечивая раны и не смогу пойти на работу. Мне придется найти новое занятие.

— Всегда есть сериалы «Нетфликс» и ты можешь загрузить новые бестселлеры на планшет. Ты должна рассматривать это как длительный отпуск.

На пике этого комментария, медсестра средних лет вплыла в комнату, улыбаясь.

— Итак, Мисс Джейн, похоже, настало время прощаться. Вы будете по мне скучать?

Увидев невысокую медсестру, Джейн просияла и подошла ее обнять.

— Конечно же, я буду по вам скучать, Тина... но в особенности я буду скучать по этим аппетитнейшим блюдам, которые готовит ваш шеф-повар три раза в день. Поездка домой помешает моим планам по похудению.

Медсестра захохотала.

— Кто же не будет скучать по вялой зеленой фасоли и лаймовому желе, верно?

— Верно, по ним и еще подозрительно желтым, зеленым бобам.

— Не правильнее ли будет называть их тогда желтыми бобами? — Мэл подмигнула медсестре.

— Я предположу, что должна была пожелать вам приятного аппетита, Джейн. Теперь

вы сами по себе. Прислушайтесь к вашей подруге и закупитесь фильмами и книгами. Расслабьтесь, укрепните, и наслаждайтесь отдыхом.

— Я постараюсь. Мне все еще скучно. Я не из тех, кто просто может сидеть на пляже.

Мэл фыркнула.

— Это правда... хотя я считаю, что неплохо бы отправиться на пляжный курорт, чтобы восстановиться. Я имею виду, что тебе мешает, верно?

— Х-м-м, наверное, да.

— Ну, давай же, пора выдвигаться.

— Да, — проворчала Джейн, — я никогда не захочу видеть пастельные цвета снова.

Спасибо вам за все, Тина. Попрощайтесь от моего лица со всеми.

— Я так и сделаю, Джейн. Берегите себя.

Она тепло улыбнулась.

— Вы были образцовой пациенткой.

Мэл засмеялась.

— Это странно, что здесь все такое пастельное, ведь лобби оформлено в индустриальном стиле, но, когда вы заходите в палаты, они выглядят как обычные больничные помещения – сиреневый, серый, голубой или бледно-желтый по всем комнатам.

Джейн пожалала плечами, опускаясь в инвалидное кресло, и Мэл покатила его в направлении двери, оставляя Тину убирать оборудование из палаты. Когда они вышли в коридор, другая медсестра прошла мимо Джейн, и как только они прошли стерильные коридоры, Мэл заговорила снова.

— Так почему ты никогда не рассказывала мне о невероятно горячем чуваке, что живет рядом? — она покачала пальцем. — Ты мне что-то не договариваешь, чика.

— Серьезно? — выпалила Джейн, слегка повернув голову. Шейный бандаж оставлял мало пространства для маневров. — Либо я не знала про него, либо забыла. Скорее всего, второе.

— Я думаю, что ты ни разу с ним не встречалась, так его нереально забыть – даже при амнезии. Его зовут Мейсон Колдвелл. Никакие колокольчики в голове не прозвенели?

Она посмотрела в лицо Джейн, но чтобы расслышать то, что та проговорила тихим голосом, ей пришлось наклониться ниже.

— Х-м-м, — глаза Джейн расфокусировались. — Нет, но имя так знакомо... Я, должно быть, знаю его, верно? — она склонила голову вниз и слегка помассировала виски. — Почему я не могу вспомнить?

— Я знаю, может быть, вы замутили интрижку прямо под страшеньким носом его жены?

— Он женат?

— Да, — сказала Мэл, ее лицо сжалось. — Жизнь несправедлива, верно?

— О, подожди, подожди, подожди. Я знаю, почему оно звучит знакомо. Я ходила в школу с кем-то, кого звали Мейсон Колдвелл.

— Правда? Ты выросла в Ривердейле?

Джейн потрясла головой.

— Нет. Почему ты спрашиваешь?

— Разве это не странно? — она ответила на вопрос Джейн. — Ты покупаешь дом, а затем оказывается, что твоим соседом оказывается тот, с кем ты училась когда-то в школе. Большое совпадение, ты так не думаешь?

Она выпятила губы в одну сторону.

— Я думаю... что мы не *так* уж далеко от Плезантвиля.

Мэл пожала плечами.

— Х-м-м. Кажется, он говорил, что въехал через несколько недель после тебя.

— Я ничего этого не помню... но... мне кажется, я точно помню, что он был очень горяч тогда в средней и старшей школе. Если память меня не подводит, я была в него очень сильно влюблена.

— Ну, — сказала Мэл, подмигивая, — даже не смотри на него сейчас. Он ох*енно хорош. Но женат, конечно же. Какая-то сучка добралась до него раньше нас, Джейн. Это разбивает мне сердце.

Джейн выдала ей кривую ухмылку.

— Пф-ф, ничего нового.

Глава 10

— Кейт?

Кейт Колдвелл слышала, как муж зовет ее и что-то говорит, но не могла разобрать ничего кроме своего имени. Голос Мэйсона был приглушен, так что от любого движения, становилось сложнее его улавливать. Она была наверху, загружая вещи в стиральную машинку. Пока их не будет, «Сахара»¹⁰ постирает вещи.

— Иду, — пропела она.

Теперь голос мужа стал громче и заметно более раздраженным, по мере того как он проходил все дальше вглубь дома и кричал ей вверх по лестнице. Мужчина, очевидно, не привык терпеть.

— Вы знаете, сколько берут за час те адвокаты, миссис Колдвелл? Нам нужно быть там через двадцать минут. Тащите свою маленькую красивую задницу вниз.

Кейт закатила глаза, покрашенные серебристыми тенями и подведенные черным лайнером¹¹. Ради Бога, у них куча времени в запасе. Качая головой, она, тем не менее, поспешила закончить загрузку всех вещей в барабан. Она заложила в программу «Сахарь» постирать вещи отдельно – даже собачьи – потому что Мейсон любил бросать свою одежду после спортзала в корзину, когда она была все еще влажной от пота и ужасно воняла. Она сморщила нос, просто думая насколько вонючей та бывает, так что девушка скорее стирает свои вещи вместе с вещами Харпер. Как только она загрузила три корзины белья для стирки, она пошла к передней двери, беря ключи и сумку со столика в фойе на пути к выходу.

Мейсон ждал снаружи, сидя в переоборудованном «порше», который очень обожал. По мере приближения его жены, он заметил, что один из их мужчин соседей пялится на нее. Он не мог решить ревнует ли он. Год назад, он бы не сомневался с ответом. Теперь же, он не был уверен.

Когда она подошла к нему и села в машину, он застенчиво улыбнулся.

— Запрыгивай. Уэстон ждет нас, чтобы подписать бумаги.

— Джейк встретит нас там? — спросила она, элегантно садясь в спортивный

автомобиль, несмотря на свой высокий рост.

Он пальцами похлопывал по рулевому колесу, а под приборной панелью подергивал коленями, пока ждал, когда она закроет дверь и пристегнется, затем ответил:

— Предполагается что да. У него перед этим встреча, с которой он планирует напрямиком отправиться туда.

Его глаза быстро по ней пробежались, с головы до пальцев ног.

— Ты хорошо выглядишь. Собираешься поехать в офис сегодня?

Она пожалала плечами.

— Я могла бы заскочить туда на несколько часов.

Он передвинул рычаг, ослабив сцепление, и машина заскользила вперед как грациозная пантера.

— Когда ты стала работать на них, ты обещала им два или три дня в неделю. Последнее время ты едешь туда по четыре и даже по пять дней. Ты собираешься перейти на полный рабочий день?

— Эм-м, я думаю об этом. Я же не могу зарабатывать на жизнь только внешностью или хорошими манерами?

— Определенно не хорошим воспитанием, — посетовал он, бросив взгляд в ее сторону. — Что будет, когда мы продадим компанию?

— Я еще не уверена, Мейсон. Я пытаюсь найти свое место.

Он прорычал.

— Я просто рад, что ты убедила Джейка взять меня полноправным партнером. Я все еще не уверен, как ты это провернула.

Кейт потянулась, чтобы похлопать мужа по щеке, ее огромное бриллиантовое кольцо блеснуло огнем, попав в луч света.

— Джейк любит тебя, всегда любил. Я уверена, что это главная причина.

Мейсон смотрел прямо вперед.

— Да. Я просто не уверен, что заслужил это. Он был всегда добрее меня. А теперь, — он повернулся к ней с самодовольной ухмылкой и добавил, — я не собираюсь отклонять приглашение стать полноправным партнером.

— Хорошо, — сказала Кейт, изучая свой маникюр, — как ты знаешь, это была не совсем идея Джейка сделать так.

— Но... — его красивое лицо мгновенно помрачнело, — когда он узнает, что мы собираемся продавать компанию, то, бл*ть, возненавидит нас, Кейт. Эта компания для него как ребенок.

— Да, — сказала она, разглаживая свои золотистые светлые волосы, платиновые блики соревновались в блеске с ее бриллиантовым кольцом. Ветер дул в открытое окно Мейсона и трепал ее укладку. Ему было все равно по этому поводу. — Я знаю. Но так как я это вижу, если бы не мое большое денежное вливание, он никогда бы не смог раскрутить бизнес. Не мог бы ты закрыть окно, пожалуйста?

Она замолчала, смотря на него выжидающе.

Раздраженный, он бросил на нее взгляд, но неохотно прикрыл окно.

— Как я и говорила, — продолжила она, все еще играясь с ее чертовыми волосами, — вдобавок к моему денежному участию, без всей той работы, что ты сделал, без всего того экономического эффекта, которого ты добился, налаживая социальные связи и пудря мозги, компания бы не стоила так много на данный момент. Он уже отверг два невероятно щедрых

предложения от больших компаний. Я отказываюсь позволить ему отвергнуть еще одно. Я хочу эти чертовы деньги.

Кейт была категорична по этому поводу, а как только она что-то решит... Мейсон знал, что это уже дело решенное, *fait accompli*¹², как гребаная Кейт сказала бы в своей раздражающей манере.

— Итак, когда я стану партнером, нас станет двое против одного.

— Да. Просто не позволяй ему понять это прежде, чем не завершится передача в собственность, пожалуйста. Сегодня мы лишь обсудим детали. Я попытаюсь перетянуть Рона на нашу сторону

— Рона? — прервал он ее. — Нашего бухгалтера?

Кейт закатила глаза.

— Мы знаем какого-то еще Рона? Я думаю было бы неплохо иметь его на нашей стороне, чтобы он рассказал о налоговых выгодах, которые Джейк получит, взяв еще одного партнера – должны ли мы стать акционерным обществом или сделать общество с ограниченной ответственностью или еще что, — она пожала плечами. — В любом случае, он не сможет добиться успеха. Мы не сможем взять Джейка в команду по-настоящему, ты же знаешь. Все-таки его лучше оставить за бортом, учитывая огромное количество его долгов.

— Верно.

Она потянулась и взяла его за руку.

— Позволь мне говорить, Мейсон.

Он коротко взглянул вниз, туда, где Кейт касалась его, и залюбовался тем, как ее загорелая рука с красными ноготками выглядела на фоне серебристого цвета его пиджака.

Проведя пальцем вниз по его щеке, она продолжила осуществлять свое любимое занятие – желание опекать его.

— Просто выгляди красиво и держи рот на замке, если не будет острой необходимости говорить. Если Джейк почувствует, что мы им манипулируем – особенно, что ты ему лжешь – он ограничит нашу свободу действий в компании.

Мейсон вскользь посмотрел на свою модельной внешности жену. Она выглядела намного привлекательнее, когда не источала сарказм. Последнее время она только такой и была.

— Ты знаешь, если всегда будешь брать на себя все заслуги, получишь на себя и всю вину, яблочные щечки.

— Не называй меня так – мое лицо не пухлое. И что к черту это замечание значит, Мейсон? — огрызнулась она.

— Ради Бога, ты так чертовски обидчива, — он вернул свое внимание к дороге. — Неважно. Я имел в виду не щечки. Если это поможет тебе чувствовать себя лучше, я помолчу. Я позволю совершенной Кейт Колдвелл, урожденной Кобб, говорить за нас обоих. Возможно ты вышла за меня только, чтобы сохранить алиттерацію¹³ «К» в фамилии, — пробубнил он.

— Вау, — сказала она, сцепив руки, — какое словечко. Bravo. Слушай, Мейсон, не парься. Джейк все сделает как надо. Оставь это мне.

— Заткнись уже, — сказал он незлобиво. — Я не парюсь. Я уверен, что, как только Джейк получит деньги на руки, он сделает все, что попросят. Последнее время, он говорит о том, что хочет заняться чем-то другим. Может он намекает мне, что хочет продать компанию, выйти из игры. Может это его пассивный способ манипулировать результатом,

чтобы он смог преследовать свои другие интересы.

— Да? Какие?

Кейт проявила неподдельный интерес.

Он покачал головой, улыбаясь.

— Он ну... вроде как хочет арендовать катамаран на какое-то время, посмотреть новые места. Мы ходили в морской лагерь, когда были детьми. Джейк ушел в это по уши... но ты, похоже, знаешь это. Он также снова начал писать музыку. Он продал песню в прошлом месяце – я упоминал это?

— Нет, не упоминал, — проворчала Кейт. — Ты никогда не вспоминаешь, о чем забыл мне рассказать, Мейсон. Кому и за сколько?

— Он продал ее продюсеру для записи нового артиста. Я не знаю, как много он получил, но я думаю, что прилично, судя по его реакции. Он говорил об этом очень много.

Она склонилась вперед.

— Почему ты не спросил?

— Потому что это не мое дело – и не твое.

Он нахмурился и посмотрел на нее свысока – она любила сплетни и была такой же любопытной, как и те ТВ-домохозяйки, боже упаси.

Снова расслабившись на сидении, Кейт наклонила смотровое зеркало и обновила помаду на губах.

— Так, так. Может Джейк сможет построить карьеру как автор песен. Это будет круто для него, не так ли?

— Да, это будет круто.

Он коротко встретился с ней взглядом, прежде чем вернул внимание на дорогу.

— Не сожалеешь, что рассталась с ним?

Кейт просто снова закатила глаза – ее невероятно синие глаза, которые он находил неприятными, когда они были направлены на него.

Он намеренно сохранял легкий тон. Но даже просто от упоминания этого факта, она насторожилась, посчитав, что его все еще заботит их интрижка, больше чем он показывает. Это на самом деле было так, несмотря на то, что он знал – они встречались совсем недолго и не в серьез, Джейк был более чем счастлив, идти по жизни дальше, как и Кейт, и представлял всем Кейт как свою кузину.

— Конечно же, нет, Мейсон. Мир не крутится вокруг тебя. И ради бога, избавься от этого кричащего галстука, — съязвила она. — Чтобы я больше не видела его на тебе. Он безвкусен.

Мейсон покачал головой, переключаясь на третью скорость и набирая ее после красного света. Он любил свой «порше» и то, как он управлялся. Даже лучше, внутри не было ни одного светлого собачьего волоса. Ни одного.

— Неважно, — сказал он пренебрежительно. Но то, о чем он подумал было совсем иным.

Однажды Кейт придется заплатить за то, что она такая сука, подумал он.

Глава 11

Из записей Джейн, середина сентября

Кто я?

Я написала вопрос большими черными буквами с завитушками, так как это самый важный вопрос в моей жизни на данный момент

Представьте себе: вы просыпаетесь на больничной кровати, и вы ни черта не представляете, кто вы и как вы сюда попали.

Никакого. Еб*нного. Понятия.

Последнее, что вы помните – как заканчивали девятый класс... а сейчас вам двадцать пять.

Вам необходимо посмотреться в зеркало, чтобы напомнить себе, как вы выглядите. Эти несколько деталей – неотъемлемая часть того, что вы ассоциируете с собой.

Жутко, правда?

Это именно то, что случилось со мной.

Ужасная автомобильная авария похитила мои недавние воспоминания, оставив мне лишь старые, начисто стерев мою теперешнюю жизнь из моей памяти. Благодаря какому-то божественному или космическому провидению (я даже не знаю, верю ли я в Бога), у меня все еще осталось мое будущее, но оно радикально изменилось – по крайней мере, пока я не вспомню все.

Ладно, итак я знаю свое имя, но я не знаю, кто я, во что верю, какой человек, что мне нравится или не нравится. Я как чистый лист. Это бросает мне вызов на каждом шагу. Интригует, но и осложняет мою жизнь. И заставляет чувствовать себя одиноко.

Говоря об этом, я должна добавить, что чувствую себя так, как будто передо мной открытая дорога, пустое полотно, а у меня в руках уголек. Настало время, как мне кажется, начать рисовать на этом холсте. Я не могу просто ждать, когда воспоминания вернуться, ведь этого может никогда и не случиться, либо они вернуться не до конца. Вместо этого, я должна заново открыть себя в буквальном смысле, а не в смысле самосовершенствования. Итак... мой врач сказал мне начать эти записи. Он сказал, это может помочь подтолкнуть мою память и даже, если нет, это поможет упорядочить мысли, весьма возможно, даже улучшить мое состояние катарсиса.

Может быть.

Облекая мысли в слова, вы каким-то образом связываете себя с ними. Они начинаются с идеи, возникшей в вашей голове, и разворачиваются в черно-белый план. Сегодня я решила попробовать примерить на себя различные личности, может даже взять людей вокруг себя в качестве источника вдохновения. Или посмотреть ТВ ради идей. Я могу быть любящей семейную жизнь богиней или мастерицей. Или великолепным хакером, обладающим моралью. Или даже преступницей, как Робин Гуд, который крал у богатых, чтобы раздавать бедным – хорошей преступницей, я думаю. Или активисткой, что борется за тех, кто не имеет голоса, как дети и животные или может быть эмигранты и прочие. Или корпоративной деталькой в большом колесе, чьей единственной движущей амбицией станет сделать тонны денег, не заботясь о том, по чьим головам придется идти.

Может быть, это будет похоже на примерку туфель. Некоторые выглядят просто замечательно на полках: сексуальные, дорогие туфли на шпильках, скажем от Маноло Бланик, или же дизайнера обуви на платформе, такого как Лабутен или Джимми Чу, но, когда вы скользите ногой в такие туфли, они уже не выглядят так круто. Сегодня, меряя обувь в моей гардеробной, я ощущала себя маленькой играющей девочкой, надевающей туфли ее матери. Как я раньше и делала. И прекратила только тогда, когда начала

ненавидеть свою мать.

Это я помню.

Дорогие туфли на шпильках в моем гардеробе поразили меня. Могли ли они быть моими? Они выпадали из общей картины, напоминая тест для детей с узорами: какой отличается от других? Определенно этот. Но, когда я попыталась их примерить, как хрустальную туфельку на маленькую ножку Золушки, они идеально мне подошли. В действительности, я гордо прохаживалась по моей комнате в нижнем белье и на каблуках, серьезно умотавшись, пока мои ребра не заболели, а в спине не начались пульсирующие боли. Может высокие каблуки и не очень хорошо сказываются на теле, особенно на таком, что было скрючено и сломано адскими перегрузками.

Но опять же: если туфли подходят, одевай их, мать твою.

Теперь представьте, каково это найти личность, которая идеально вам подойдет. Это нелегко. Все же я должна продолжать делать это, пока не найду верную – стеклянную туфельку личности.

Все не так плохо. Немного понемногу, я верну файлы в каталог моей памяти. Это как собирать кусочки мха, откладывая их до тех пор, пока не наберется приличное количество в корзине. У меня есть люди, которые мне помогут и все расскажут. Иногда, именно хорошие факты делают меня счастливой. Как тот факт, что мне двадцать пять лет, мне нравится этот возраст: не слишком молода и не слишком стара. Даже лучше, в прошлом году моя заработная плата превысила шестизначную сумму. Не хило для человека, окончившего школу только два с половиной года назад.

Также это пугает. Например, это было в тот момент, когда на прошлой неделе Мэл упомянула, что я практически одна в этом мире. Единственный ребенок, родители далеко. Мало друзей. Я не была популярной, будучи ребенком – я, к сожалению, это помню. Боги подростковых несчастий проводили много времени, измываясь надо мной.

Я весила много фунтов в средней школе, набрав в среднем двадцать фунтов в седьмом классе. Я не была патологически тучной, просто слегка слишком пышной.

К счастью, у меня была хорошая кожа и волосы, но не хватало воображения, когда дело касалось моды, так что я предпочитала что-то однообразное и неопределенного вида – все, что угодно, лишь бы избежать привлечения внимания к себе. Становиться зрелищем было той вещью, что пугала меня в школе до жути, так что я держала голову опущенной, а нос среди книг. В результате, я стала получать хорошие отметки, другая вещь, что кричала: «*Я изгой!*» верхнему эшелону школьных сливок. В конце концов, я стала частью школьного интерьера, такой же, как парты, доски или мензурки в кабинете химии. Просто той, мимо которой проходят не замечая.

Всю эту информацию приятно иметь, но она все еще не отвечает на вопрос: кто я есть? Теперь. У меня светлые каштановые волосы, янтарные глаза, как говорит мне зеркало, но все равно я кажусь себе незнакомкой. Я могу быть кем угодно.

Задачей, которую я установила для себя на этой неделе – просмотреть свой гардероб. Я начала еще во вторник, когда Мэл ушла на работу – медленно и осторожно. Меня постоянно мучили сильнейшие боли. Доктор Лавелль попросил меня попытаться отказаться от «Оксикодона», но я глотала по две таблетки каждые шесть часов, потому что ибупрофен не мог притупить мою боль. Но я хотела пройтись по моей гардеробной по двум причинам: во-первых, я хотела навести там порядок. Я поняла, что чувствую себя неуютно, когда вещи находятся в сильном беспорядке.

Вторая причина – я думала, что распаковка вещей может помочь разблокировать воспоминания. Вид знакомых предметов одежды, мог стать тем толчком, что мне нужен, и помог восполнить пробелы. Воспоминания, ассоциируются с вещами: одеждой, музыкой, и по большей части с запахами. Если я смогу их высвободить, это может помочь с дальнейшим.

Я поняла, что распаковать все вещи было нереально на данный момент, но все-таки была в состоянии просмотреть некоторые из них. Они все были разного размера, что было странно, но я недостаточно выздоровела, чтобы их все перемерить. Очевидно, после аварии, я сильно похудела.

Знаю, что хочу в ближайшем будущем. Я хочу быть красивой, стройной, богатой и счастливой. Вот и все.

Думаю, что хочу быть и хорошим человеком тоже. Никто не хочет быть плохим человеком... верно? Это было бы печально, если бы кто-то хотел.

Но может быть я вовсе и не хороший человек. Может быть, жизнь меня побила, превратив в ожесточившуюся, обиженную суку. Кто знает?

Я нет.

Вот, что я знаю наверняка:

Меня зовут Джейн Джейсен, и я недавно купила собственный дом в Ривердейле, штат Нью-Йорк. Он был двухквартирным двухэтажным домом в английском стиле, построенном где-то в 1927 году. Я работаю в «МТ Системс» в средней части Манхэттена, где я являюсь айти специалистом, и они щедро платят за мою работу.

Мои родители живут в Седоне, штат Аризона, и я вполне уверена, мы очень рады тому факту, что между нами много миль. Я всегда была разочарованием для них: я не была такой же красивой как моя мать или атлетически сложенной, как мой отец.

К вечному разочарованию моей матери, я абсолютно не интересовалась шмотками или макияжем или чем-либо хоть отдаленно напоминающим девчачье, когда я была ребенком.

Я все еще могла слышать ее голос: *«Ты знаешь, Джейн, меня волновало, во что я одеваюсь раньше, чем я могла соединить слова в предложение».*

Как будто это должно было впечатлить десятилетнего ребенка, которого не волновало, что я ношу, покуда оно не начинало вонять или если не выглядело абсурдно.

Я закатила глаза и огрызнулась на нее. *«Сколько тебе было лет, когда ты смогла соединить слова в предложение, мам? Пятнадцать?»*

Если моя мать выказывала презрение по поводу отсутствия у меня женственности, я выказывала такое же по отношению к недостатку у нее мозгов.

Я также была разочарованием в плане моих перспектив – помню разочарование в темных глазах моего отца, когда он пришел посмотреть на мою игру в футбол или баскетбол, а я абсолютно проваливалась в этом. Командам приходилось драться за то, чтобы я не была в их команде, никто не хотел получить обузу в виде Джейн Дженсен, которая была неудачницей в любом виде спорта. Те первые дни начальной школы были началом моих детских унижений. Я хотела бы забыть это, но они были единственным, что очень живо помнила и в больших деталях. Ну, конечно же.

Мой отец тоже был с прибабмахом. Однажды вечером за ужином, я слушала, как он рассказывал жениху своей младшей сестры, *«Есть две вещи, что ты должен знать о нашей семье. Первая, мы все крикуны. Вторая, мы всегда идем по пути меньшего сопротивления. Это может быть не самый успешный путь, чтобы прожить жизнь, но это то, как мы*

живем... и теперь, ты собираешься стать одним из нас».

Он говорил, так сильно в это веря и с таким самодовольством, что я взрывалась смехом прямо за столом. Все игнорировали меня – это было нормой. Бедный парень просто смотрел на моего отца, как будто тот был сумасшедшим и слабо кивал. Моя тетя Кара неубедительно улыбалась, но было очевидно, что она хотела провалиться на месте. Я думала, все это было невероятно уморительным.

Он, по сути, говорил правду: Дженсены были семейством крикунов, но к несчастью для меня я родилась без этой способности. У меня тихий голос, а громкие голоса заставляют меня подпрыгивать. Но, однако, я обладаю склонностью следовать по пути наименьшего сопротивления, и это лишь модное слово для обозначения неудачницы. Все знают, чтобы преуспеть в жизни нужно рисковать – чем больше риск, тем больше награда.

Ох, верно. Если уж я и не почувствовала себя одинокой (из-за моей нехватки личности), то факт, что я была единственным ребенком решил меня добить. У меня была одна хорошая подруга, что тоже работала в «МТ»; ее зовут Мэлани Б., но все зовут ее Мэл. А не Мэл Би Спасибо Богу, у меня есть Мэл и спасибо, что я ее помню. Она единственная в моей взрослой жизни, кого я *вспомнила*. Я знаю, есть и другие люди, но их я помню смутно, и они мелькают как тени в покрывшихся паутиной закоулках моей памяти. Когда я пытаюсь вспомнить слишком усердно, я получаю в ответ ослепляющую головную боль.

Итак... три недели назад случилась авария, когда я ехала назад из северного пригорода. У меня нет никаких идей, почему я там была. Моя машина не подлежит ремонту. Другая машина превратилась в пыль, а ее водитель, сорокадевятилетний мужчина, умер мгновенно. Я перенесла черепно-мозговую травму и восстановила где-то на шестьдесят пять процентов моей долгосрочной памяти. Моя краткосрочная память начала отсчет только через четыре дня после аварии, когда я пришла в сознание. Время между ними пропало, кажется навсегда. Это ощущается очень странно.

Мне ужасно дурно от мысли, что мужчина умер. Никто не хочет мне ничего рассказывать о нем; они говорят, что чувство вины помешает моему выздоровлению. Я набралась смелости узнать больше об аварии: статья утверждала, что он умер от смертельных травм. Это в принципе может означать что угодно. Я надеюсь, что он умер быстро. Очень надеюсь. Полиция сказала, что авария случилась не по моей вине... что другая машина резко подрезала мою. Человек, сообщивший об аварии, был также и свидетелем столкновения, я так думаю. Похоже, мне очень повезло, что он был – или это она – там. Очень повезло.

Доктор Лавелль сказал мне, что облечение моих мыслей в слова поможет в моем восстановлении – так что сегодня я сходила ранее в магазин канцелярских принадлежностей и отстояла очередь, которая казалось, никогда не закончится, чтобы купить дорожную маленькую записную книжку в кожаной обложке с пустыми страницами, которые – надеюсь – я заполню. Мои ребра болели от перенесенных усилий, и когда я пришла домой я выпила еще две таблетки «Оксикодона».

Я начала с того, что изучила свое отражение в зеркале, закусив щеку от усердия. Потянувшись к бумаге и ручке, я начала описывать себя:

Двадцать пять лет. Рост – пять футов восемь дюймов. Прямые светло-каштановые волосы. Янтарные глаза. Правильные черты лица. Прямые ровные зубы – я носила брекеты пять лет. Вес сейчас составляет сто тридцать восемь фунтов¹⁴. Мэл сказала мне, что я потеряла, по крайней мере, тридцать фунтов¹⁵, а может даже больше. Я, наверное, была как

поросеночек.

Прямо как в старшей школе. Да и в средней.

Авария помогла мне сбросить вес. Может даже это стоило всей этой боли... но не смерти мужчины. Ничто не будет стоить этого.

Мои родители так и не приехали меня навестить. Они звонили дважды, но я была в коме в первый раз и спала во второй. Моя мать собиралась в Нью-Йорк, когда она только узнала об аварии, но затем поняла, что здесь со мной есть Мэл, и решила не приезжать. Кандидатка в *Матери года*. Мои родители больше не хотели покидать юго-восток.

Даже ради того, чтобы навестить единственную дочь.

Которая почти погибла в автомобильной аварии.

Неважно.

Джейн приняла вертикальное положение в постели, ее сердце сильно билось об ребра. Светящиеся зеленые цифры на часах показывали три восемнадцать ночи. Потянувшись к стакану воды, что стоял на ее ночном столике, она залпом выпила его половину. Боже.

Странные, почти зловещие, кадры из прошлого налетели на нее как обломки торнадо. Джейн не была уверена, это была правда или ей это приснилось. Вероятно, это были воспоминания. То как резко они вернулись, было жестоко. Она спала, и они посыпались на нее как бесконтрольные видеопленки, приводящие в замешательство изображения, атаковали ее мозг, одно за другим, и теперь она сидела в темноте, пытаясь понять, что же она видела. Там была светловолосая девушка, лет пятнадцати. Выглядевшая жутко – на лице ухмылка, обнаженные лошадиные зубы... и она насмеялась над Джейн. Прямо злопыхала недоброжелательностью. Джейн не знала, кем та была, но ее лицо казалось смутно знакомым, и она знала, что ненавидела эту девушку, но не знала почему.

Может быть, там была скорая и полицейская машина – огни мерцали. Ее авария?

И прямо сверху этого, она получила изображение, где она сидела за столом, напротив кого-то, и делала записи. Делала домашку с подружкой? А затем они с родителями кричали друг на друга. Повышенные голоса звучали так, как будто произносились под водой – Джейн не могла понять ни слова, только пронзительные голоса. Она надеялась, что воспоминания – если они вообще были воспоминаниями – были с десятого года обучения в школе, это бы значило, что ее воспоминания стали возвращаться в хронологическом порядке.

Осталось подождать, что будет дальше.

Сегодня была суббота, и Мэл планировала заняться шопингом, чтобы купить Джейн одежду подходящего размера. Они пережили ночь, и теперь сидели в солнечной кухне Джейн, и пили кофе.

— Мне вчера приснился эротический сон.

Глаза Мэл широко распахнулись.

— Серьезно? Расскажи мне.

— Там был мужчина.

— В мокрых мечтах всегда есть мужчина, Джейн, — прервала ее Мэл. — Расскажи мне

то, чего я не знаю.

— Я не могла видеть его лицо... но у него было красивое тело, ну знаешь, мускулистое такое?

— Нет, я не знаю. Опиши его поподробнее.

Джейн засмеялась.

— Он был больше грустным, чем сексуальным. Сон. Я чувствовала, как будто... Я любила его... а когда проснулась, была подавлена.

— Может быть, ты знала его когда-то?

— Может быть. Но... если бы я с кем-то встречалась, то, наверное, упомянула бы это при разговоре с тобой?

— Не обязательно. Ты одна из тех скрытных личностей, что сводят с ума таких любопытных девчонок как я.

Издав маленький смешок, Джейн быстро сменила предмет разговора.

— Мне интересно, я бикини то хоть раз надевала?

Мэл встала, постукивая ногой и ожидая, пока кофе остынет.

— Я не знаю, но ты можешь, если хочешь. У тебя имеется в наличии хорошая фигурка.

Джейн улыбнулась. Это ощущалось крайне странным слышать, как кто-то говорит ей такие слова. В прошлом году в то же время, она, должно быть, была намного тяжелее, так как большая часть ее гардероба состояла из коричневых мешковатых одежек, четырнадцатого¹⁶ размера, некоторые были даже шестнадцатого – мешковатые, чтобы скрыть недостатки фигуры, предположила она, а коричневыми, чтобы не привлекать внимание.

Сегодня она весила сто тридцать шесть фунтов и могла влезть в джинсы шестого размера, что Мэл купила ей. Она припустилась в счастливую пляску, и до нее вдруг дошло, что может быть ей стоит взять пару уроков танцев. Было странным смотреть в зеркало и любить то, что она видит. Не было никаких свидетельств того, что ее тазовые кости вообще существуют.

Нравится ли красивым людям смотреться в зеркало, или же они видят недостатки, которые не видны другим? Джейн не была уверена, но позднее, она ловила себя на том, что частенько смотрится в зеркало. Ей нравилось смотреть на себя новую, но легкое чувство страха при приближении к зеркалу все еще сохранялось. Было ли оно от того, что она привыкла быть толстой и непривлекательной или было остаточным явлением после аварии и от того страха, что она пережила тогда, Джейн не была в этом уверена. Тот первый раз, когда она посмотрелась в зеркало в госпитале, был довольно ужасающим. Даже ничего не помня, она могла понять, что смотреться в зеркало сейчас и не ненавидеть себя, было чем-то новым.

Ее волосы отросли ниже линии подбородка. Мэл сказала ей, что она всегда коротко стригла их, но добавила, что они у нее растут быстро. Было чудно, когда кто-то другой знает о ней больше, чем она сама.

Вчера вечером Джейн пошла с Мэл в ее салон в городе, чтобы постричься. Как только Аннабель посадила Джейн в кресло, она сказала ей, что не будет убавлять длину.

Джейн посмотрела на стилиста скептически. Женщина выглядела как самый настоящий гот, а она собирается прислушиваться к ее советам? Она посмотрела на Мэл, но ее подруга оживленно кивала, выражая свое согласие со стилистом. Двое против одной.

— Более длинные волосы смягчат углы на вашем лице. Вам повезло иметь высокие

скулы и четкую линию подбородка, но мы лишь немножко их смягчим. Я бы хотела, чтобы вы отрастили их еще подлиннее, чтобы я смогла сделать вам слоистую стрижку. Пока что, я их просто подстригу и добавлю мягкую челку.

Мэл стояла, перекрестив руки на груди и лыбилась. Ее парикмахер, Грегори, порхал рядом, восторгаясь изумительной стрижкой, хотя сам же ее и сделал. Когда Аннабель закончила с волосами Джейн, он сначала разразился тирадой о великолепно проделанной работе.

— Сладкая, — сказал он, затем, наклонившись, чтобы изучить лицо Джейн под различными углами, поворачивая его влево и направо, — я просто обязан тебе сделать макияж в следующий раз как придешь стричься. У тебя очень выразительные глаза.

Она улыбнулась, наслаждаясь вниманием и гадая, всегда ли симпатичные девушки себя ощущают? Ей не хватало таких ощущений в ее подростковом периоде.

— Не красавица ли она? — спросила его Мэл.

— Однозначно, особенно с этим гигантским белым бандажом на носу, — сухо добавила Джейн. — Последний писк моды.

Мэл покачала головой.

— Джейн, его практически незаметно. Честное слово. Просто ты знаешь, что он там...

Джейн прищелкнула языком на нее.

— Ты просто глумишься.

Спасибо Богу, что у нее есть Мэл, чтобы составить ей компанию и веселить ее. Джейн не знала, чтобы она без нее делала. У нее есть вещи в жизни, за которые стоит благодарить... начиная с Мэл.

И... на следующей неделе она наконец-то избавится от банджа и увидит свой новехонький нос, любезность доктора Филиппа Крэншоу, выдающегося пластического хирурга.

Крэншоу был найден и получил оплату от Стивена Рено, генерального директора ее компании. Было очень приятно быть настолько ценимой... даже, если это было только потому, что она сберегла и принесла корпорации тонны денег. Каждый день она строила догадки, как же будет выглядеть ее новый нос. Ее прежний был нормальным, но имел легкую горбинку на переносице – которая так бросалась в глаза на всех ее старых фото. Доктор Крэншоу просиял, когда снял бандаж и заглянул под него, обещая Джейн, что она полюбит результат его работы. Он сказал, что она будет выглядеть как Мишель Пфайфер. Джейн не знала, кем та была, но поняла, что хирург считает ту красивой.

Ее жизнь приняла очень странный поворот.

На следующий день она вспомнила, что любит животных, когда остановилась сказать привет обворожительной маленькой собачке. Она вспомнила, что сама хотела собаку, когда была маленькой. Отчаянно хотела. Или может даже кошку. Но остановила выбор на гребаном хомячке. Ее родители никогда бы не позволили ей завести домашнее животное. Ни братьев, ни сестер. Никаких животных. Одна единственная одинокая маленькая девочка, что разочаровывала всех.

Может быть, она заведет теперь – свою собственную собаку или кошку в своем новом доме.

Она сказала Мэл, что, если она любит животных, значит должна быть хорошим человеком. Мэл напомнила ей в ответ, что Гитлер любил немецких овчарок.

— Это не считается, — парировала она.

Мэл осталась с ней. Она привезла свою рабочую одежду и возвращалась каждый вечер. На выходные обычно она уезжала к себе. Джейн нравилось, когда Мэл была рядом. Если бы у нее была такая подруга, как Мэлани, когда она была ребенком, ее жизнь стала бы другой. Намного лучше.

Но не стала. Друзьями Джейн были такие же чудачки, обожающие литературных персонажей.

Прозрением на сегодняшней день стало то, что несмотря на все, что происходило, она была своего рода счастлива и ценима замечательными людьми. Особенно теми, которые помогали ей собирать свою жизнь по кусочкам. Однажды она отплатит им тем же. Единственным, что сделало бы ее жизнь еще лучше – это найти человека, с которым она могла бы ее разделить. Мужчину. Джейн было одиноко, и она ощущала, как ей не хватает чего-то важного.

Возвращение ее воспоминаний поможет обрести покой. Она хотела вновь вернуться к той жизни, что у нее была до аварии. Она хотела продолжить жизнь с того самого момента, на котором та остановилась, на темном хайвее той ночью. Она ощущала, как будто потеряла большую часть себя, оставляя ее как осколки – обломки аварии – в темноте, где никто их не увидит.

Глава 12

Кейт Колдвелл опаздывала. Она задержалась в офисе дольше, чем планировала, а теперь она тащила задницу в химчистку, пытаясь успеть туда раньше, чем та закроется. Мейсону нужен его темно-синий костюм к завтрашнему вечернему походу на балет и ни у кого из них не будет времени забрать его завтра. Кейт была бы дома уже несколько часов назад, если бы не послеобеденный цирк с конями в офисе.

Кейт никогда не планировала уделять меньше внимания замужеству, но такие вещи начинают происходить сами собой. На самом то деле... для Кейт это было еще одним веселым увлечением, и никогда не должно было стать чем-то большим, но... Если бы она знала каким вечно ноющим козлом Джаред станет, она бы никогда с ним не связалась. У Кейт не было никакого намерения бросать Мейсона, так что Джареду придется перестать страдать херней и быстро. Это был лишь одноразовый перепихон. Одна ночь, которая слишком растянулась. Кейт это не беспокоило бы, если бы она не знала, что Джаред цепкий как репей.

Теперь она протискивалась сквозь толпу, чтобы забрать костюм из химчистки вовремя, будучи в плохом настроении после того, как съела сладкий пончик и в нетерпении добраться до дома. Единственной светлой частью дня стало то, что она надела свои новые лодочки от Прада и ей было трудно оторвать взгляд от туфель – они вполне могут стать ее любимой парой. Кейт знала цену хорошей обуви, и тому, как они придавали ей уверенности в себе. Она полгала, что такой же эффект они оказывают на всех женщин, вот почему женщины так обожают новую обувь. Туфли и новая стрижка делают мир прекрасным. Не забыть: сделать запись у Андре на следующей неделе. Ее глаза опустились вниз, чтобы вновь посмотреть на ноги, в то время как она пробиралась по парковочному месту.

Ее прелестные лодочки были последней вещью, что она видела.

Дело по расследованию убийства Колдвелл было поручено детективам Фитцгиббонсу и Кельвину из пятидесятого участка. Во вторую смену всегда происходило гораздо больше преступлений. Хотя Ривердейл в основном был известен низким уровнем криминала, а в Филдстоне, где проживала Кейт Колдвелл, он был почти на нуле, но этот район, прежде всего, был частью Бронкса, соответственно, криминальные элементы всюду орудовали на задворках района поздним вечером.

Когда они прибыли, было несколько минут после семи вечера. Две патрульные машины приехали первыми и огородили место преступления. Зеваки и свидетели собрались за желтой лентой, которую офицеры возвели в форме трапеции вокруг свежего места преступления. Офицерам на месте преступления, необходимо тщательно оберегать его, пока не прибудет судмедэксперт и фотограф, чтобы заснять сцену, а эксперт по баллистике затем определит вероятную траекторию пули. Фитцгиббонс и его напарник добудут пленки с камер видеонаблюдения на парковке, чтобы проверить автомобильные номера всех проезжавших машин и может им повезет. Но он сомневался, что это будет так просто. Поднырнув под ленту, которую для него приподнял офицер, он пошел напрямик к застреленной жертве, чтобы рассмотреть получше. Рукой в перчатке он осторожно приподнял полу пальто, которое кто-то использовал для прикрытия тела, осмотрел окружающую обстановку и прочитал записи, нацарапанные первым прибывшим на место офицером, и ему сразу стало ясно, что скорее всего убийство заказное. Оно было очень эффективно и продумано – никаких эмоций.

Он посмотрел на свою напарницу, которая приближалась к нему.

— Выглядит безличным, — сказал он ей.

Она кивнула, и стала осматривать окружение.

— Я думаю, что убийца, вероятно, стоял за теми деревьями.

Она указала налево.

— При быстро наступивших сумерках, его было практически незаметно.

Фитцгиббонс покачал головой и встал, пытаясь вдохнуть воздух сквозь забитый нос.

— Не-е, он оставался в машине, бьюсь об заклад. Зачем ему рисковать и выходить? На людной парковке в час пик, кто заметит мужчину – или женщину – сидящую в машине с открытым окном?

Оглядываясь вокруг, он заметил патрульного, стоящего на страже места преступления и поманил его пальцем. Молодой коп пришел в движение, бросившись к двум детективам.

— Дайте мне быстрый отчет, офицер... — он наклонил голову, приглядываясь к именному жетону, — Мендоза.

— Сэр, первый звонок поступил в шесть сорок вечера, через девять-один-один. У меня есть имена и контакты четырех свидетелей.

— Они видели сам выстрел?

— Они говорят что видели, как упала женщина, и подбежали помочь ей. Только когда они приблизились, рассмотрели, что она была мертва. Шесть последующих звонков поступило в девять-один-один менее чем через минуту. Один мужчина, — он приостановился, чтобы жестом показать по направлению к своей патрульной машине, прежде чем продолжить, — слышал выстрел, но не видел, откуда он произошел.

— Значит, был один выстрел?

Лицо офицера покраснело.

— На данный момент мы не располагаем достаточной информацией или подтверждающими свидетельскими показаниями. Мы ждем результатов криминалистической экспертизы.

Фитцгиббонс кивнул.

— Благодарю вас. Как быстро после совершения выстрела место было огорожено? Кто-либо что-нибудь трогал?

— Они утверждают, что нет, сэр. Ну, за исключением Мистера Джонсона... — он проверил свои записи, — ...нет, простите, Дженсена, Ричарда Дженсена, он сказал, что присел на корточки рядом с жертвой, чтобы помочь ей, но сразу же увидел, что она мертва. Он дотронулся до ее запястья только чтобы проверить пульс и понял, что ей уже ничем не помочь. Он ожидает там, — сказал он и указал на долговязого и усталого мужчину, возраста ближе к сорока, ждущего за полицейской лентой. Фитцгиббонс коротко на него взглянул. — Другие не подходили к жертве так близко, — закончил офицер.

— Во сколько офицеры прибыли на место преступления? — побудил он к дальнейшему рассказу.

— Мой напарник и я прибыли на место в шесть пятьдесят один, сэр. Мы сразу же занялись огораживанием места.

— У нас есть идентификационный номер?

Своими руками в перчатках, офицер Мендоза вручил своей напарнице, детективу Кельвин, пару латексных перчаток, а затем кошелек жертвы. Она взяла его за самый краешек, и быстро просмотрела содержимое, остановившись на водительских правах. Она посмотрела на фото, а затем, склонившись вниз, заглянула в лицо жертве.

— Кэтрин Колдвелл с Киплинг-роуд, Ривердейл.

— Вы уже связывались с офисом судмедэксперта?

— Да, мэм. Он уже в пути.

— Хорошо.

Она посмотрела на Фитцгиббонса.

— Я думаю нам надо уведомить родственников, — она покачала кошельком, который держала так осторожно. — Начнем с этого адреса.

— Езжай. Я дождусь судмедэксперта.

Глава 13

Машина гудела, долго и протяжно, как будто кто-то навалился на чертов клаксон всем телом.

Джейн услышала ее одновременно со звонком в дверь, поэтому она схватила свои балетки и направилась вниз, босые ноги прошлепали по эбонитовому паркету, в то время как звонок прозвенел еще раз. Прошлой ночью, Мэл вернулась в свою квартиру по каким-то делам, но обещала вернуться поздним утром, у нее сегодня был выходной. Джейн не могла идти слишком быстро, но она с каждым днем ощущала себя все энергичнее по мере выздоровления и будучи более легкой.

— Да подожди ты, я иду.

Она открыла тяжелую входную дверь, уверенная, что позади нее стоит нетерпеливая Мэл, постукивающая ногой и проверяющая время на телефоне. Но это оказалась не она.

За дверью стояли высокий широкоплечий мужчина, около тридцати лет, и более низкая

гибкая женщина с темной кожей и примерно того же возраста. Джейн подумала, что они незнакомы ей, но не могла быть уверенной, ведь ее память теперь напоминала швейцарский сыр. Это было до глупого странное ощущение, что не знала даже кто она такая.

— Привет. Могу я вам помочь? — спросила она, в тот же момент как в ее голове промелькнула мысль, что они могли быть копами.

— Вы Джейн Дженсен?

— Да, это я. Что вам нужно?

— Мисс Дженсен, я детектив Роб Фитцгиббонс, а это моя напарница детектив Мила Кельвин. Мы хотели бы задать вам несколько быстрых вопросов, если вы не возражаете.

Она стояла, цепляясь за дубовую дверь, прислонив весь свой вес к двери, чтобы не шататься от слабости.

— Эм-м, Ладно.

— Можем ли мы зайти на минутку? Сейчас... Я покажу вам мой значок, — мягко продолжил он.

Из внутреннего кармана своего пиджака он извлек черный кошелек и раскрыл его. Ее глаза метались между значком и его лицом, а затем она указала подбородком на женщину.

— Что насчет нее?

Мила Кельвин, крепкая латинская женщина — или быть может мулатка — с хмурым выражением лица закатила глаза, но, тем не менее, достала свой значок и протянула его так, чтобы Джейн могла прочитать. Кивнув, она сделала шаг в сторону, позволив им пройти в дом.

— Итак, что привело вас сюда?

— Если вы немножко потерпите, мы вам все объясним, — сказал детектив Фитцгиббонс, сканируя глазами пространство, изучая холл и гостиную.

Джейн повела их в гостиную.

— Эм-м, простите, я только недавно въехала и еще не завезла мебель. Но есть раскладные стульчики, так что... присаживайтесь, пожалуйста.

— Благодарю, — проговорили они в унисон.

— Могу я предложить вам что-либо? — Джейн направила свой вопрос Фитцгиббонсу — поведение женщины ее оттолкнуло.

— Спасибо. Кофе или стакан воды было бы замечательно, — сказал Фитцгиббонс.

Мила Кельвин пропищала в след.

— Мне то же самое, спасибо.

Джейн кивнула.

— Я сейчас вернусь.

Мэл вошла, когда Джейн заливала свежую воду в кофе-машину.

— Что происходит? — прошептала она, зайдя на кухню. — Почему здесь этот горячий коп? Они ведь копы, верно?

Джейн закатила глаза.

— Одна и та же заезженная пластинка, Мэл. Да, они детективы, и я понятия не имею, почему они здесь. Они появились пять минут назад и хотели задать мне вопросы. Я делаю им кофе. Ты сегодня никуда не торопишься, верно?

Мэлани покачала головой.

— Хм-м. Не особенно. Мне может понадобится съездить в Джерси сегодня вечером поужинать с отцом, но это случится не раньше семи. Стоит ли мне подождать здесь... или

где?

— Без понятия, — Джейн покусала губу — она определенно не хотела разозлить своих дружелюбных соседских копов на третий месяц проживания в этом доме. — Знаешь что, просто пошли со мной. Они не говорили, приватный ли предстоит разговор или нет.

— Божечки, я смогу любоваться им в свое удовольствие.

Мэл смотрела, как кофе капало из конуса, превращаясь в густой, темный запах, заполнивший воздух своим ароматом. Она помогла Джейн донести его до двух детективов. Вместе они поставили дымящиеся кружки на картонный стол, который служил Джейн импровизированным самодельным столиком, а так же разместили на нем поднос с молоком, сахаром и ложками. Скучно, но сгодится. Оба детектива пристально смотрели на Мэл, и Джейн поспешила представить ее.

— Ох, ах, простите, э-это моя подруга, Мэлани Бартоломью. У нас на сегодня были планы, так что когда мы закончим здесь, то уйдем из дома. Она и я.

Кельвин потягивала свой кофе, Фитцгиббонс пристально смотрел на Мэл, его глаза задержались на ней дольше, чем было бы вежливым. Через минуту он отвел глаза, чтобы также пристально посмотреть на Джейн.

— Мы будем настолько краткими насколько возможно, мисс Дженсен, — сказал он, врываясь в ее мысли. — Во-первых, я хотел бы спросить вас, случалось ли вам познакомиться с вашими соседями Колдвеллами?

Прежде чем Джейн могла понять, что делает, она повернула голову и посмотрела на Мэлани расширившимися глазами.

Кельвин поерзала в кресле, ее поза стала жесткой.

— Почему вы смотрите на вашу подругу? Есть что-то, что вам нужно сказать нам?

— Хм-м...

Сердце Джейн начало скакать, как будто девушка провинилась в чем-то, и она начала потеть. Джейн помнила этот эффект домино со школы: смутись или начни нервничать и неуверенность сразу заставит тебя покрыться холодным потом. И он сделает твою кожу мокрой и блестящей, затем ты начнешь задаваться вопросом, а не пахнет ли от тебя. Страх, что от тебя воняет, ведет к панической атаке, и ты начинаешь чесаться. Прежде чем тыловишь себя на этом, ты вся исцарапана, оставляя злые красные припухшие отметины на коже и выглядя как идиотка. Вызывая беспокойство у людей.

— Я...эм-м... Мэлани спрашивала меня, знаю ли я Мейсона Колдвелла. Я сказала ей, что ходила в школу с кем-то с таким же именем.

— Детективы, я не уверена, знаете ли вы, но Джейн попала в серьезную автомобильную аварию несколько недель назад, и как результат черепно-мозговой травмы, она страдает значительной потерей памяти, — вмешалась Мэлани.

— Нет, мы не знали. Мне жаль слышать это, — возразила детектив Кельвин. — Значит, вы говорите нам, что можете знать Колдвеллов, но на деле не помните этого наверняка?

— Именно так.

— В какую школу вы ходили мисс Дженсен?

— В Плезанвиле, как ни парадоксально... где я выросла.

Никто ничего не сказал, даже не бросил на нее вопросительного взгляда. Джейн заключила, что либо оба детектива полностью были лишены эмоций, либо же они просто невзлюбили ее по каким-то причинам. Пятьдесят на пятьдесят.

— Это иронично, — выпалила она, не получив вопроса, — потому что это место вовсе

не было приятным. По крайней мере, для меня.

Детектив Кельвин сверилась со своим блокнотом, пролистав назад несколько страниц, прежде чем закрыть его и одарив своего напарника взглядом, по которому ничего нельзя было определить.

— Да, Колдвелл рос в Плезантвиле, так каковы шансы, что он ходил в ту же школу, что и вы? Вы были знакомы?

— Нет, — она покачала головой. — Не совсем. Я имею в виду, я знала о нем — он был очень популярен — но я не знала его лично. Мы не встречались в одних кругах..., — ее голос затих. Так как детективы продолжили смотреть на нее, как будто ожидая получить больше информации, она продолжила. — Я была толстой, некрасивой девушкой, а он красавчиком-спортсменом. Я была влюблена в него — как и другие девушки и вероятно несколько мальчиков — но он даже не знал о моем существовании.

Если детектив и был удивлен, он этого не показал. Фитцгиббонс потягивал свой горячий кофе, глядя на Джейн поверх кружки все время, его лицо было лишено любых эмоций. Она могла ощутить его глаза, смотрящие на нее, и это заставляло ее сжиматься в своем удобном кресле. Затем он поставил кружку с кофе на стол и прочистил горло.

— Я уверен, что это не правда, мисс Дженсен, — он произнес это обвинительным тоном. Его тон сказал значительно больше любых слов. — Восстановилась ли ваша память?

— Да, — сказала он быстро. — Когда я впервые очнулась, я не могла ничего вспомнить о своей жизни после девятого класса. Теперь же у меня есть некоторые воспоминания о событиях, произошедших несколько лет назад, когда я впервые стала работать. И о колледже. Но они не последовательны. Воспоминание тут и там — не в хронологическом порядке.

— Я вижу.

В этот раз он посмотрел на Кельвин, и она кивнула.

— Как давно вы живете по этому адресу? — продолжил он.

— В соответствии с бумагами, я купила дом в конце июня, но не въезжала сюда до середины августа. Вот почему здесь так мало мебели..., — она печально улыбнулась.

— Где вы жили, прежде чем переехали сюда?

— У меня нет представления о примерно последних десяти годах, но мне говорили, что у меня есть квартира в Уайт Плэйнс.

Он резко на нее поглядел.

— Вы не помните, как жили в Уайт Плэйнс?

— Нет. Я уже говорила — у меня есть только отдельные воспоминания, там и тут, о прошедших десяти годах.

— Почему вы не перевезли мебель из старой квартиры?

— Ох, я могу ответить на этот вопрос, — воскликнула Мэл, поднимая руку как школьница. — Выберите меня, выберите меня.

Сейчас Фитцгиббонс улыбнулся — и казалось искренне, заставив Джейн подозревать, что ему просто не нравится она и взял кружку с кофе. Мэл ему нравилась, он смотрел на нее с интересом и увлечением.

— Хорошо, расскажите нам.

— Та мебель, что у нее была, досталась ей от ее матери и Джейн считала, что она была цвета блевотины. Она пожертвовала ее в Армию спасения и сказала, что собирается купить новую мебель.

— А-х-х. Это имеет смысл. Как давно произошла ваша авария, мисс Дженсен? —

вмешалась Кельвин.

— Около месяца тому назад. Второго сентября. День, что оставит после себя дурную славу.

Опять же никакой реакции от копов. Либо она им не нравилась или же они оба были безэмоциональными. Вероятно первое, ведь мужчина коп нашел с Мэл общий язык. По крайней мере, Мэл просияла от ремарки Джейн, но Мэл всегда улыбалась как идиотка. Это была одной из причин, почему Джейн любила ее так сильно. Она была счастливой.

Фитцгиббонс поставил свой кофе обратно на картонный столик и потянулся за скоросшивателем, который он положил на пол рядом с ногой. Вытащив блестящее фото размером восемь на десять, он протянул его Джейн.

— Кто-либо из этих людей кажется вам знакомым?

Джейн внимательно посмотрела на фото, сохраняя нейтральное выражение лица. Когда она подняла взгляд, то покачала головой и слегка улыбнулась.

— Нет, простите, но я никого не узнаю. Эта пара и есть Колдвеллы?

— Да. Вы не узнаете ни одного из них?

— Нет, правда, никого. Я имею в виду, он выглядит совсем иначе, чем тогда, когда мы учились – а это было почти десять лет назад...

— Тогда ладно. Мисс Дженсен, я был бы очень благодарен – *мы* были бы очень благодарны – если бы вы позвонили нам, когда вы что-то вспомните касательно Колдвеллов. О... прежде чем мы уйдем: вы с ними не встречались недавно?

— Я даже не знаю, как они выглядят, — призналась Джейн. — Я могла видеть их, когда только вселилась, но честно говоря, я не помню. Насколько я могу судить, я не видела Мейсона со старшей школы.

— На самом-то деле они въехали сразу же после вас. В конце августа... несколько недель назад. А... — Кельвин снова полистала свой блокнот, и Джейн задалась вопросом, почему они не пользуются электронными устройствами, — вы переехали два месяца назад. Таким образом, на три недели до них.

— Х-м-м. Может быть, если я и видела их, то не помню. Что происходит? Теперь-то вы можете рассказать мне?

Детектив Фитцгиббонс поднял свои бледно-зеленые глаза, глядя прямо на нее. Она чувствовала себя так, как будто завладела его полным и безраздельным вниманием, и это по какой-то причине взволновало ее.

— Мисс Колдвелл была застрелена прошлой ночью.

Мэл и Джейн обе слышно ахнули, прижав ладони ко рту. Они посмотрели друг на дружку в шоке, и Мэл убрала руку ото рта, чтобы сказать:

— Когда я приезжала собрать кое-какие вещи Джейн на выписку, я видела мужа женщины. Позже, когда выглянула из окна, то снова его увидела, предположительно с его женой и собакой.

Фитцгиббонс сверился со своим блокнотом.

— Афганской борзой. Да.

— Где собака? С ней все в порядке? — быстро спросила Джейн.

Детектив просто посмотрел на нее ничего не выражающими глазами и ничего не ответил, пока Джейн не спросила снова. Он с неохотой, но все же уступил.

— Да. Ее мать приходила и забрала собаку вскоре после инцидента.

Его глаза перешли к Мэл.

— Когда это было? Когда вы видели их с собакой?

— На прошлой неделе, как мне кажется.

Джейн повернулась к своей подруге.

— Нет, Мэл, это был четверг. Ты забрала меня в четверг.

— Верно. Четверг.

Джейн вмешалась снова.

— Не могло ли это быть случайным преступлением?

Фитцгиббонс покачал головой.

— Мы в самом начале расследования, так что ничего нельзя исключать. Конечно же, мы рассмотрим все версии.

Джейн прочистила горло.

— Да, но в любом расследовании супругов подозревают в первую очередь. Верно?

Ни один из детективов не ответит на комментарий.

— Пи*дец. Бедный сукин сын, — сказала Мэл и встала, чтобы собрать пустые кружки и отнести их на кухню.

— Мэл, — пожурила ее Джейн.

Мэлани закатила глаза.

Детективы тоже встали.

— Почему вы так сказали? — Кельвин спросила Мэл, шмыгая носом, как будто была простужена. — Складывается ощущение, что вам жаль его? Он мог нанять кого-то убить свою жену.

— Нет, я имела в виду, бедный парень, если он не виновен, конечно же. То есть, он выглядел таким милым человеком, когда я разговаривала с ним на днях.

Фитцгиббонс фыркнул.

— Люди так говорят о почти каждом еб*нном убийце – я не имею в виду, что мистер Колдвелл один из них. Но на каждого признанного виновным убийцу, найдется тот человек, который скажет, что тот потрясающий парень.

Он повернулся к Джейн и сказал:

— Мисс Дженсен, спасибо, что уделите нам время. Как я и просил вас ранее, пожалуйста, свяжитесь с нами, если вспомните что-либо имеющее значение.

— Конечно. Эм-м... она была убита в их доме? То есть, если да, это заставит меня почувствовать себя здесь неуютно.

Кельвин взяла вопрос на себя.

— Нет, она была застрелена по пути с работы, на парковке у железнодорожной станции. Она доезжала до станции и садилась на метро «Северная» до Манхэттена.

Как только детективы вышли из дома, Мэл повернулась к Джейн.

— Как это все жутко. Ты можешь жить с убийцей по соседству, Джейн. Боже.

— Это просто предположение. Они не арестовали его за это, так что должно быть нет никаких улик.

— Да ладно, это все рано жутко. Я гадаю, не видела ли я этого детектива раньше. Он выглядит так знакомо.

— Вот почему он так на тебя пялился?

Голова Мэл пернулась в сторону Джейн.

— Нет, он так смотрел, потому что не мог поверить, что кто-либо может быть настолько обворожительным.

Она замолчала, давая Джейн время, чтобы посмеяться над ее шуткой.

— Он мне не очень понравился. Он постоянно бросал на меня эти взгляды, как будто не верил ни единому моему слову. Он вел себя отвратительно.

— Отвратительный коп? Стоп, такого не бывает. Итак, — сказала Мэл, откусывая и жуя кусочек от брауни, что Джейн дала ей, — Я крайне интересуюсь, чем же Мейсон зарабатывает на жизнь?

Джейн покачала головой.

— Без понятия. Почему ты не спросила офицера Фитцгиббонса.

Она не могла сдержать усмешку. Мэл увидела ее.

— Сотри эту ухмылку с лица. Между нами ничего нет... пока. Если бы все зависело от меня, я бы заполучила его в постель, прежде чем закончился месяц. Он великолепно сложен, правда?

— Наверное.

Пальцы Джейн теребили маленькую дырочку на ткани ее изношенных штанов для йоги. Копы заставили ее понервничать. Как будто она нарушила закон.

— Спорим, что у него большой член.

— Мэл, ради Бога, зачем ты заставила меня об этом думать?

Она порочно улыбнулась.

— А что не так с этой мыслью? Он горяч.

Сильные удары в дверь их напугали.

— Да? — крикнула Джейн.

Приглушенный голос едва проникал сквозь тяжелую деревянную дверь.

— Это снова детектив Фитцгиббонс.

Мэл с покрасневшим лицом вскочила на ноги, чтобы открыть дверь, распахнув ее пошире для широкоплечего полицейского.

— Детектив? Вы что-то забыли?

— Да, — ответил он, смотря на ее грудь. Мэл стянула свой свитер и сейчас была только в обтягивающем топике. Она имела невероятно пышную грудь для тощей девчонки, о чем теперь был в курсе Фитцгиббонс. — Просто хотел, чтобы вы леди знали, — он вернул глаза к ее лицу и быстро продолжил, — не распространяться ни о чем из только что услышанного.

— Конечно же, нет.

Она посмотрела через плечо.

— Джейн ты же знаешь, что так нельзя делать?

Джейн кивнула, изобразив, как закрывает рок на замок.

— Раз уж вы здесь детектив Фитцгиббонс. Нам любопытно, кем работает Мейсон Колдвелл. Не могли бы нам рассказать?

— Он управляет фирмой, занимающейся земельной недвижимостью. Он и его партнер восстанавливают заброшенные дома. Они занимаются полезным делом, на самом-то деле.

— Ох-х. Звучит классно. Дружелюбно по отношению к окружающей среде. Удастся сберечь больше деревьев, верно?

Фитцгиббонс закатил глаза на Мэл.

— О, Боже. Удачного дня, леди.

Он коснулся воображаемой шляпы и ушел. Мэл повернулась и наградила Джейн наиболее своей самой озорной улыбкой.

Ей определенно понравился коп.

Глава 14

Джейн смотрела на сковородку с антипригарным покрытием, на которой жарилась яичница, белок становился белым, с коричневыми краями, а в вот в центре вокруг желтка шел пузырями и опадал. Через какое-то время пристального всматривания в яичницу, она перестала ее видеть, вместо этого ей привиделся шоколад. Пузырящийся, кипящий шоколад в огромном котле, напоминающем по форме горшок в необычной большой промышленной печи из нержавеющей стали, и она смеялась... с кем-то. Кто-то еще был с ней, и они смеялись. С кем-то, имеющим низкий голос.

Мужчиной. Но она не могла видеть его лицо. Мог ли это быть мужчина из госпиталя? Эд Дженсен? Был ли он ее парнем?

Этого не могло быть. Если бы у нее был парень, он бы уже приехал к этому времени, напомнил бы ей о своей роли в ее жизни. Но никто не появился. Может быть, Эд Дженсен был просто человеком, видевшим аварию и озаботившимся судьбой незнакомцев?

Но с другой стороны она принимала противозачаточные таблетки. Она нашла их в частично опустевшем пузырьке и увидела напоминания на календаре. Для чего все это? Джейн могла бы выяснить достаточно быстро – назначить прием у гинеколога и спросить ее о причинах, по которым ей выписали таблетки. Это должно было быть чем-то медицинским.

Ее часто посещало ощущение, что она скучает по кому-то... или возможно чему-то. Она списала его на то, что потеряла огромные куски своей жизни из памяти, но может быть, это было чем-то более специфическим. Незнание крайне ее расстраивало.

Она решила завести собаку, чтобы бороться с одиночеством. Чем больше она думала об этом, тем больше ей нравилась эта идея. После завтрака, она сделает небольшое исследование по поводу того, какую собаку завести.

Мэл уехала домой на уикенд и не вернется до утра вторника, так что Джейн придется развлекать саму себя ближайшие три дня. Она подумала, может быть ей стоит заняться покупкой кое-какой мебели для своего нового дома. Жизнь как у студента колледжа, ждущего финансовой помощи, поднадоела.

Джейн откусила яичницу с кусочком намазанного маслом тоста. К чему ей привиделся весь этот шоколад, недоумевала она?

Вздор, пришел ответ, прорезав ее мысли, как будто кто-то просто ответил на ее вопрос. Вздор? Она что знала, как изготавливаются конфеты?

— Кто делал конфеты вместе со мной? — спросила громко вслух, почти ожидая, что ответ придет так же легко.

Он не пришел, но в этот раз Джейн увидела проблеск красивой улыбки, с прямыми белыми зубами и ямочкой на одной стороне рта. Неважно как сильно она пыталась сконцентрироваться, но не смогла припомнить больше ничего. Оттолкнув от себя наполовину съеденный завтрак, Джейн сложила руки на столе и положила голову поверх них, закрыв глаза. Она устала от бессвязных изображений, приходящих к ней во сне и в сознании. Попытки составить из них связное целое забирали все ее силы.

Наверху Джейн схватила из гардероба джинсы и майку. Когда натягивала джинсы, то рассмеялась. Они были слишком большими для нее. Она попыталась затянуть их поясом, но это выглядело смехотворно. Покусывая губу и смотрясь в зеркало, Джейн пыталась придумать, что еще одеть.

Мэл обещала скоро пойти с ней по магазинам, чтобы купить Джейн новый гардероб. А сейчас ей приходилось довольствоваться штанами для йоги на шнурках и майками. Она нашла черную пару, что подошла ей более других, набросила поверх розовую майку и толстый серый кардиган, и скользнула в балетки от Мэри Джейн и вышла из дома. Ей просто нужно было выбраться из дома хоть ненадолго. Гуляя, она вновь пыталась понять, о чем были те видения, что пришли к ней прошлой ночью. Сегодняшнее, о шоколаде, было слишком фрагментарным. Всего кусочком.

Предыдущее должно было иметь какое-то отношение к автомобильной аварии, так как там стояла скорая – в этом Джейн была уверена. Что еще? Та блондинка. Кто она? Джейн думала, что та может быть из школы – ее лицо выглядело очень знакомо. Как только она это подумала в ее голове всплыло имя Кендра.

Кендра? *Кендра.*

Кендра Орталано. Одна из тех девушек, что делали жизнь Джейн адом в старшей школе, и которую Джейн ненавидела каждой клеточкой своего тела. Какого черта Джейн вспомнила ее?

Джейн не видела Кендру вероятно с самого выпускного. С тех пор прошло семь лет. Было причудливым, что ее ненавистное лицо всплывает теперь в мыслях у Джейн, когда она наоборот пытается вспомнить что-то хорошее, что поможет ей восстановить душевное равновесие. Эта жуткая стерва. Почему она стояла у машины скорой помощи? Там было много и других детей. Это не могло быть аварией.

Джейн порылась в закоулках памяти на предмет воспоминаний о старшей школе, где кто-либо получал ранения, достаточные для вызова скорой, но не смогла ничего припомнить. Опять же, она едва помнила старшую школу.

Купив несколько романов в независимом книжном магазине, Джейн направилась в Хоул Фудс купить продуктов и остановилась в вино-водочном отделе, чтобы купить вино для Мэл. Так как она не могла ничего нести без боли в ребрах, она вывезла их в тележке, в надежде поймать такси снаружи. Сядь в машину, она на краткий момент почувствовала страх, но это быстро прошло. Странно, что она не чувствовала никакого страха, когда Мэл везла ее домой из госпиталя. В действительности, Джейн начала думать тогда, что ей стоит купить новую машину.

Глава 15

— Как давно вы знаете Джейн Дженсен?

Мэл сидела за столиком снаружи кофе-бара, споря по смс со своей сестрой, когда из всех людей на планете к ней вдруг подошел горячий детектив Фитцгиббонс. Как, черт возьми, он нашел ее здесь?

Он засмеялся в ответ на ее недоуменное выражение лица и повторил свой вопрос.

— Эм-м, около двух лет. Может дольше. Как вы меня нашли?

— Я детектив, помните? Я пришел съесть ланч. Не желаете присоединиться ко мне? Я плачу.

— Оу, это мило с вашей стороны.

Она посмотрела на часы.

— Так случилось, что я тоже здесь на ланче. Мы отправимся куда-то неподалеку, верно?

— Нет, мы полетим в Париж поесть улиток.

Мэлани очень старалась не закатить глаза. Почему он говорит такие глупости? Он был красив собой и имел отличную фигуру, но она не была уверена, что сможет выносить его полицейский сарказм и туповатые ремарки.

— Ну же, — сказал он более неуверенно в этот раз. — Я знаю хорошую пиццерию в двух кварталах отсюда. Вам понравится.

— Если там есть пицца и всего в радиусе мили от меня, весьма вероятно, что я ела ее там уже раз десять.

— Ага. Так вам нравится пицца?

— Какого дьявола? Я выгляжу как чудачка или кто? Конечно же, я люблю пиццу. Возносит ли это меня в ваших глазах?

Он рассмеялся, откинув голову назад.

— Признаюсь, что да. Мне никогда не нравились люди, не любящие пиццу. Это совсем не по-американски.

— Хорошо. Ведите меня в этот эталон заведения пиццерии. Я проголодалась.

— Идемте.

Пока позволял оживленный тротуар, они шли бок о бок, если же нет, она уходила чуть вперед. Через какое-то время она спросила:

— Не надеетесь же вы получить от меня грязную информацию на Джейн и ее соседей? Поэтому вы здесь?

Глаза детектива Фитцгиббонса опустились к его потертым черным ботинкам, в то время как он продолжал идти рядом с ней.

— Если у вас есть любая информация, которая может помочь делу, я однозначно ее поприветствую. Но нет. Я здесь, потому что оказался неподалеку и знал из моего расследования, что вы работаете рядом. Я планировал пойти в «МТ», чтобы вас найти, но тут увидел вас на площади, сидящей на лавочке.

— Да, моя сестра взбесила меня. Текстовые баталии доводят до бешенства, ведь вы печатаете так быстро, что не замечаете автокоррекцию, пока не становится слишком поздно. И в результате отправляете сообщение, которое невозможно понять.

Они дошли до пиццерии и он, открыв дверь, придержал ее.

— Вы с сестрой часто спорите по смс?

— Моя сестра и я спорим любыми доступными средствами. А почему вы спросили?

Он одарил ее кривой улыбкой.

— Мне просто кажется это забавным. Сердитое печатание.

— Да, ну, если бы вы знали мою сестру, то вам бы уже не было так смешно. Она ядовитая ведьмочка.

— Говоря о ядовитых особах, это возвращает меня к моему первоначальному вопросу: вы сказали, что знаете Джейн около двух лет?

— Вы только что назвали Джейн ядовитой?

— Может быть, — сказал он непринужденно. — Я ни в чем не уверен, за исключением того, что молодая женщина, у которой была вся жизнь впереди, мертва. Убита гораздо раньше, чем пришло бы ее время.

— А когда правильное время быть убитой? — насмешливо спросила Мэл.

Мужчина за прилавком слышал то, что она сказала, и пригляделся к ним.

— Что мне принести вам, народ?

Фитцгиббонс посмотрел на Мэл с таким серьезным выражением лица, что стало почти

смешно. Очевидно, он относился к пицце очень серьезно.

— Я бы порекомендовал сырную и сицилийскую. Положите слишком много начинки сверху, и вы испортите пиццу, как я считаю.

Мэл кивнула, пытаясь не засмеяться.

— Я тогда возьму кусочек сырной.

— Да, мы возьмем два куса сырной и один сицилийской, пожалуйста.

Он повернулся к Мэл.

— Что вы будете пить?

— Воды. Спасибо.

Он не позволит ей заплатить.

— Плачу я. Ничего, что тянулось бы от пиццы, кроме того что сделано из моцареллы.

Мэл засмеялась. Фитцгиббонс был забавен, в дополнение к адской сексуальности, обутой в пару кожаных ботинок. Но коп?

Как только они уселись друг против друга, Мэл одарила его долгим взглядом.

— Итак... чем я обязана этому визиту?

— Вы мне нравитесь, Мэлани. И я беспокоюсь за вас.

— Беспокоитесь?

— Да.

— Из-за чего?

Он просто посмотрел на нее с каменным выражением лица.

— Беспокоитесь, что мой босс завалил меня работой? Что мне почти тридцать, а перспектива замужества даже не маячит на горизонте? Что я слишком много пью алкоголя? Тщательно подумайте, что выбрать, детектив.

— Беспокоюсь о том, что ваша подруга опасна, — он вздохнул. — Послушайте, я просто не хочу, чтобы с вами случилось что-либо плохое.

Мэлани быстро дожевала откушенный кусок пиццы. Она была такой обжигающе горячей, что опалила ей рот, когда Мэл в первый раз от нее откусила, но она не позволит ожогам третьей степени остановить ее поедание; колоссальным усилием воли девушка положила пиццу на стол остывать.

— Скажите мне, почему вы считаете Джейн такой?

Роб откусил огромный кусок пиццы и продолжил жевать, глядя на нее прищуренным взглядом. Она терпеливо ждала, пока он не проглотит.

— Это не то, что бы я решил, что она... Я просто пока не уверен кто, что из себя представляет, — он опустил пиццу на стол и ровно расположил руки возле нее. — Давайте посмотрим в лицо фактам. Жена Мейсона Колдвелла застрелена профессиональным киллером. Убийство чистое, быстрое и без свидетелей. Что мы имеем? Ладно, мы имеем мужа, который может или не может иметь социопатические наклонности. Колдвелл достаточно дружелюбный парень, но судя по его внешнему виду, можно сказать, что он тщеславен, эгоцентричен и несколько поверхностен. Я не могу сказать, что он убийца — пока что нет — но он не самый искренний убитый горем вдовец, которого я видел.

— Он просто слишком молод и легкомысленен, — вмешалась Мэл, прежде чем он мог продолжить.

— Может быть. Теперь идем дальше, по соседству мы имеем женщину, что ходила в старшую школу вместе с Колдвеллом. По ее собственному признанию, она пускала по нему слюни, но он никогда ее не замечал. Затем из всех людей в городе, так случилось, что она

переехала по соседству с ним и...

— Подождите, — прервала его она. — Это *он* переехал по соседству с *ней*. Помните?

Фитцгиббонс взял салфетку и вытер руки от жира.

— Вероятно, но Колдвеллы подписали договор раньше Джейн Дженсен. Они лишь попросили о более поздней дате заключения сделки.

— Итак... Джейн поспешила и купила дом по соседству, а затем бросилась подписывать договор? Кажется притянутым за уши.

Если детектив и заметил ее скептическое выражение лица, он не показал этого, продолжив излагать факты.

— По всему выходит – и мы опросили несколько людей, что знали из обоих в школе – Джейн имела склонности преследователя, когда дело касалось Мейсона Колдвелла. Все с кем мы говорили – честно говоря, это не так уж много людей – припоминали, что она ходила вокруг него как потерянный щенок. Она не особо то и скрывала свою одержимость им. Что касается Колдвелла, он едва вспомнил, что Джейн Дженсен ходила в ту же школу, что и он.

Мэл резко дернула плечами, чувствуя, как мороз проходит по коже.

— И что? Она втюрилась в горячего парня в старшей школе, который не знал о ее существовании. В мире полно людей, что могут сказать о себе то же самое – и это не делает их убийцами. Не все могут похвастаться популярностью в школе, вы знаете. Парню достаточно быть атлетически сложенным, и он в теме.

Ее руки прочертили фигуру в воздухе.

Фитцгиббонс подмигнул и приподнял левую бровь.

— Так ли это? Ну, думаю, что я подхожу под эту теорию, так как был квотербеком.

Она фыркнула и зацепила подгоревший краешек сыра на своем куске.

— Не удивлена. Так к чему вы ведете?

Смеясь, он покачал головой.

— Ни к чему. В любом случае, я пока что не знаю, кто заказал выстрел, Мэлани. Но я не могу исключить из числа подозреваемых и вашу подругу. Я должен сказать, что она начинает становиться главным подозреваемым, все больше фактов указывают на нее.

— Почему вы все это мне рассказываете? Разве это не против того, что написано в настольном руководстве для копов?

Фитцгиббонс усмехнулся.

— Да, как я и говорил до этого... это не самая умная вещь, что я делал. Но по какой-то причине вы мне нравитесь.

— Гладенько. Я вам нравлюсь, и вы обливаете мою подругу грязью у меня на глазах?

— Просто предупреждаю вас, это все. Я хочу убедиться, что вы вне опасности.

— Опасности от Джейн? Да ладно вам.

— Не рассказывайте ничего из того, что я вам рассказал.

— Я не скажу ни одной душе, даже своей собаке. Клянусь своим засохшим черным сердцем.

Он покачал головой, подавляя улыбку.

— Какой породы у вас собака?

— У меня на самом-то деле нет собаки. Но у моих родителей есть, так что она в каком-то роде моя. Это бернесский зенненхунд. Пьер. Я безумно его обожаю. Итак... продолжайте.

Он только что вновь сделал большой укус от пиццы и теперь промокал губы квадратиком салфетки.

— Все шансы на то, — начал он с набитым ртом, затем дожевал и проглотил, — что в браке Колдвеллов были неурядицы, но это все что я могу сказать. Я, должно быть, сошел с ума, что рассказываю вам все это, — добавил он едва слышно.

Мэл тихо вздохнула. Колдвеллы были молодоженами и, кроме того, Мейсон был супергорячим, а его жена красавицей. Из-за чего им ругаться? Если именно то, что он имел в виду.

— Я шокирована. Значит, круг подозреваемых расширяется?

Он покачал головой.

— Не обязательно. Но нам необходимо приглядеться к каждому повнимательнее. Особенно, к ее мужу. Мейсу. Дело лишь во мне или этот ник раздражает не только меня? — не ожидая ответа, он продолжил, — в любом расследовании убийства, самым мудрым будет в первую очередь присмотреться к семье и друзьям. Ежу понятно, если дело не касается краж.

— Воу, — сказала Мэл, делая глоток из бокала с водой, — сюжет, как говорится, становится более запутанным. Зачем люди вообще женятся? — Роб лишь покачал головой выражая согласие, и она продолжила, — итак кто новые подозреваемые?

— Пока что не уверен; мы все еще копаем. Но твоя девочка определенно в списке, так как по утверждениям всех источников была его сталкером в старшей школе. Все с кем мы говорили, знали об этом.

— Старшая школа была давным-давно, детектив.

Она, наконец, осмелилась сделать новый укус от горячей пиццы.

— Так как давно были женаты Колдвеллы?

— Чуть более года. Они познакомились несколько лет назад через кухню Мейсона. В колледже миссис Кейт Колдвелл встречалась с его кузенком — Джейком Эмерсоном. Потом Джейк перекинулся на другую девушку, а Мейсон начал встречаться с Кейт. Кейт Кобб.

— Как долго они были вместе в целом?

— Ах... Предположительно три года. Почему вы спрашиваете?

— Они не так давно поженились. Я имею в виду... — она вздохнула, — почему люди убивают своих супругов... в основном?

— По разным причинам. Ревность. Месть. Деньги могут стать самой важной причиной — обычно страховка или алименты. Очень много причин.

— Хорошо, стали ли деньги причиной в данном случае?

Он покачал головой.

— Не думаю, что они играли здесь существенную роль. Обе стороны были обеспечены. Так же были заключены страховые договоры, но цифры там не впечатляющие.

— Тогда... могли ли быть вовлечены другие мотивы?

Он глубоко вдохнул, а затем выдохнул.

— У нас есть несколько теорий, вокруг которых мы ведем расследование. Я не могу обсуждать их с вами.

Мэл несколько минут ела пиццу и думала о том, что он сказал. Он был прав: пицца была превосходной. Она может даже попросит еще кусочек. Она повернула голову, чтобы посмотреть на прилавок — может быть, не стоит. Она отвернулась.

— Я считаю, что если бы они женились по любви, то прошло слишком мало времени, чтобы желать убить друг друга по какой-либо причине. Вы согласны?

На его лице отразилось веселье.

— И сколько же времени вы полагаете необходимо паре, чтобы захотеть убить друг друга, заказав киллера?

Она поджала губы, имитируя предельную концентрацию.

— Осмелюсь предположить, что как минимум пять лет.

— Значит, покончив с этим куском пиццы, вы можете захотеть убить меня?

Мэл посмотрела на его тарелку: там ничего не было, кроме пары корочек, оставшихся от его двух кусков. Она всего лишь съела половину своего единственного куска.

— Вы слишком быстро едите...

— Да, ну, я был голоден. Итак, мисс Бартоломью... есть ли что-то что вы хотите рассказать мне о вашей подруге, что может помочь нам исключить ее из списка подозреваемых? Ну, к примеру, что у нее есть парень, которого она обожает... или она стала закоренелой лесбиянкой?

— Нет и нет. Но обе этих вещи не могли бы убрать ее из-под подозрения, верно?

— Это бы помогло.

Он повернул запястье, чтобы посмотреть на часы.

— Вам, похоже, пора возвращаться на работу. Должен ли я проводить вас?

— Конечно.

Она встала и перебросила сумку через плечо, а затем забрала пиццу.

— Не могу уйти, оставив это.

Перед тем как оставить ее перед входом в здание, он схватил ее за руку.

— Сделайте мне одолжение и будьте осторожны, о'кей?

— Что?

— Будьте осторожны. Не будьте такой доверчивой и уверенной, что ваша подруга не опасна. Вы можете быть в опасности, даже не подозревая об этом.

— В опасности от Джейн?

— Да.

Его тон был непреклонным.

— Даже, если она вовлечена в это дело – а она точно не вовлечена – вы сказали, что убийца был снайпером, верно? Это означает, что тот, кто несет ответственность за это убийство, сделал его не сам, а заплатил кому-то. Может ли это лицо технически называться убийцей и быть опасным?

Его глаза неверяще уставились на нее.

— Вы меня разыгрываете? Если кто-то настолько порочен, чтобы заказать убийство, то он без сомнения является убийцей. Если киллер загнан в угол, он или она убьет снова, — он покачал пальцем перед ее лицом, заставив ее отшатнуться. — Не ошибайтесь насчет этого. Так что да, в опасности от Джейн. Оглядывайтесь за свою спину, Мэлани.

Глава 16

Мэл уставилась на детектива.

— Где вы нашли фото Джейн?

Роб Фитцгиббонс неожиданно появился в доме Джейн ранним вечером пятницы. Обычно, в это время Мэлани была бы у себя на Манхэттене, но когда Джейн узнала, что Мэл уходит с работы сегодня раньше, она попросила ее приехать в Ривердейл. Будучи обрадованной тем, что она его видит, Мэл не могла отрицать тот факт, что ей нравился

детектив, но становилось странным находиться меж двух огней. Роб же все больше и больше начал ощущать себя противником Джейн и вовлек Мэлани в перетягивание каната между ними.

— В комод в доме Колдвеллов, — ответил он мрачным голосом и вручил ей фотографию. — Зачем бы ему иметь ее фотографию?

— Вы спрашиваете меня? — сказала она, намеренно смотря на фотографию, целую минуту, прежде чем резко выдохнуть. — Значит ли это, что он преследовал ее... а не наоборот?

Большой коп протяжно вздохнул.

— На данный момент мы понятия не имеем, что это значит. Где мисс Дженсен?

— Она на приеме у врача.

Она вновь посмотрела на фото.

— Подождите-ка. Я кое-что поняла. Эту фотографию сделала я.

— Вы ее сделали?

— То есть я фотографировала. Джейн попросила меня сделать фото ее дома в лучах утреннего солнца. В это же время я сделала несколько и ее фотографий — я думала они вышли замечательно.

— Джейн видела фото?

— Да, они ей понравились.

— Вы не знаете, размещала ли она их где-либо онлайн? Может быть, таким образом, Мейсон получил копию?

— Я не уверена, но могу спросить ее.

— На самом-то деле, я бы предпочел спросить ее сам. Когда вы сказали, ожидаете ее возвращения? Сейчас вы живете с ней?

— Ах, она скоро должна быть дома. Нет, я не живу с ней. Я всего лишь осталась на пару недель пока она выздоровеет. Я помогаю ей со стиркой, готовкой и прочим.

Детектив смотрел на нее продолжительное время, отвлекая ее тем, как хорошо выглядит. *Но коп, Мэлани? Не самая лучшая идея.* Даже так, она не будет возражать, если посмотрит на работу этих бицепсов в действии... на близком расстоянии и лично. Мэл готова биться об заклад, что он сможет, с таким-то телом, поразить ее в постели.

— Ну, — сказал он, ворвавшись в ее грязные мыслишки, — вы хорошая подруга мисс Дженсен. Вы не будете возражать, если я подожду ее?

— Скажу вам вот что. Если вы поможете мне с готовкой, я вообще не буду возражать.

Мэл не могла поверить, в то, что сказала это детективу, расследующему убийство, но она стала воспринимать его как друга. И вместо того, чтобы разозлиться, коп, известный каменным выражением лица, расплылся в улыбке, а Мэл почувствовала порхающих бабочек в животе. Да, решила она, он определенно был красавчиком.

— Я сомневаюсь, что от меня будет так уж много пользы. Я умею готовить только две вещи более-менее прилично, вот и все мои умения.

— Позвольте мне угадать, — сказала она, вытянув руку. — Что-то приготовленное на гриле и...

— Неверно, — шикая, прервал ее он. — Какая сексистская ремарка. По правде говоря, это бекон. А второе соус маринара, к вашему сведению.

— Маринара? Х-м-м. Я бы хотела его как-нибудь попробовать.

— Моя мать деревенский житель — я учился у лучших. А бекон я просто обожаю...

Теперь была ее очередь шикать.

— Бекон убийственен для фигуры, а поросята такие милашки. Я не могу их есть, если быть откровенной.

— Тогда не ешьте их откровенно. Ешьте их хорошо приготовленными.

— Ах-х-а. Нет ни за что. Я закоренелая вегетарианка... по большей части... Я ношу кожу, — сказала она извиняющимся тоном. — Имею пристрастие к обуви, так что тяжело избежать употребления кожи животных. В любом случае... сегодня вечером я готовлю на ужин чили *кон карне*¹⁷ минус *мясо* и готова поспорить, что вам, мясоеду, оно понравится.

— Вегетарианка? — тяжело вздохнул он. Разочарование в его голосе было таким почти осязаемым, что Мэл не смогла не усмехнуться. — А я-то думал, что вы идеальны.

Ву-ху. Это несколько смутило Мэлани. Даже в качестве фигуры речи, она не ожидала этого от него. Это значило, что он так думал о ней. Так что может быть, влечение было обоюдным.

— Я идеальна, — непринужденно сказала она. — Попробуйте и вам понравится.

Его смешок сказал иначе, но он послушно последовал за Мэл на кухню, и она вручила ему нож для чистки, указав на кучку морковки, в ней нуждающейся.

Джейн пришла домой почти час спустя. Мэл услышала, как хлопнула входная дверь.

— Скоро вернусь, — сказала она Фитцгиббонсу и, схватив полотенце со стола, чтобы вытереть руки, поспешила к своей подруге. — Привет, как все прошло?

— Взгляни.

Джейн подняла подбородок, широко улыбаясь.

— Не замечаешь что изменилось?

— Эх... изменилось?

Мэл наклонила голову.

— О, мой бог. Твой нос. Тебе сняли бандаж. Джейн, он прекрасен. Ты в восторге?

Лицо Джейн расплылось в широкой улыбке.

— Да, он мне нравится. Это сделало мой нос только лучше. Тот хирург феноменален.

Схватив подбородок Джейн рукой, она изучила ее нос под разными углами.

— Он действительно проделал фантастическую работу. Это прекрасный нос. Слушай, Джейн, — она понизила голос, — детектив Фитцгиббонс здесь — он хочет задать тебе еще несколько вопросов.

Улыбка Джейн померкла.

— Зачем? Я больше ничего не помню.

— Я здесь из-за этой фотографии, мисс Дженсен, — сказал Фитцгиббонс, входя в фойе и помахав конвертом в руке. Он извлек фото из конверта, чтобы вручить Джейн, внимательно следя за ее реакцией.

Она долго ее изучала, прежде чем посмотреть снова на Фитцгиббонса.

— Это прекрасное фото, но я не помню, как снималась на нем.

— Вы не публиковали никаких фото онлайн?

Глаза Джейн вернулись к фотографии.

— Я не помню. Зачем вы хотите знать это?

Он посмотрел на Мэл.

— Фотография была в цифровом виде или вы делали копии на бумаге?

Мэл покачала головой.

— Я делала только цифровые копии, но я не могу говорить за Джейн.

Его глаза переместились на Джейн.

— А вы ничего не помните по поводу фотографии?

— Нет, честно нет. Я, возможно, отпечатала несколько штук, но... я не помню об этом.

— Вы вспомнили что-либо еще с момента нашего последнего разговора, мисс Дженсен?

Может что-нибудь о вашем соседе?

Его внимание сосредоточилось на ее лице, как настоящий лазер.

Джейн покачала головой, ее глаза расфокусировались.

— Нет... нет. Я имею в виду, я кое-что вспоминаю тут и там, но ничего существенного,

— она пристально взгляделась в детектива, пытаясь заглянуть в его мысли. — А что?

Фитцгиббонс расстегнул запонки и закатал рукава.

— Я спрашиваю потому, мисс Дженсен, что мы нашли это фото в комодке спальни мистера Колдвелла. Он настаивает – с крайним возмущением – что никогда не клал ее туда.

Побледнев, Джейн потянулась к боковому столу и облокотилась об него, не отрывая глаз от фото. Комната погрузилась в затянувшееся молчание, прежде чем Джейн мягко прокомментировала,

— Как странно. Зачем бы ему понадобилось мое фото? Или фото моего дома? — она слабо усмехнулась. — У него у самого такой же дом. — Наконец она посмотрела на него, хотя ее нежелание смотреть ему в глаза было очевидным. — Детектив, я извиняюсь, но при моей потере памяти, я не знаю, что я знаю, а что нет.

— Вас поразили тот факт, что у Колдвелла в комодке находилось ваше фото?

— Да-а-а, — протянула Джейн. — То есть, зачем это ему? Он это он, а я это я.

Коп нахмурился, и покачала головой.

— Что это значит, мисс Дженсен?

— Только то, что..., — она заколебалась. — Он всегда был в милях – нет в целых вселенных – от моей лиги, детектив.

Мэлани хлопнула рукой по лбу, ослабляя повисшее напряжение.

— Черт, мой чили! Детектив, присоединитесь ли вы к нам за ужином? — спросила она, поспешив на кухню, и бросила через плечо, — это будет справедливо, ведь вы помогли его готовить.

Фитцгиббонс позволил отвлечь себя и улыбнулся, глядя на нее.

— Как же мне теперь отклонить такое предложение? Благодарю.

Спустя полчаса, они втроем сидели за длинным резным столом из дуба – одним из недавних приобретений Джейн – и Мэл выжидающе смотрела, пока Фитцгиббонс не попробует. Он медленно пожевал и проглотил; она ждала, но не последовало никакой реакции.

— Ну и? — спросила она, устав от ожидания.

Он улыбнулся.

— Великолепно. То, что вы положили в блюдо, действительно по вкусу напоминает мясо.

— Я знаю, — сказала она, просияв. — Я готовила мое знаменитое вегетарианское чили для многих любителей мяса, и они все сказали то же самое.

— Я впечатлен. Что это, не подскажите?

— Текстурированный овощной протеин, чтобы это ни значило. Я стараюсь не слишком

об этом задумываться.

Джейн вмешалась в их разговор, меняя предмет разговора.

— Итак... детектив Фитцгиббонс... возвращаясь к фото... что вы думаете это значит... и в каком состоянии находится расследование? Или вам не позволено распространяться об этом?

— По сути, я здесь именно поэтому... — начал он, отложив вилку. — Я должен попросить вас об услуге, мисс Дженсен.

— Пожалуйста, зовите меня Джейн.

Он выдавил из себя улыбку.

— Хотя я и создал ложное представление о себе, я должен сохранять профессиональную дистанцию. Главной причиной моего сегодняшнего визита стало желание попросить вас приехать в участок для снятия отпечатков пальцев.

Он увидел выражение ее лица и заговорил быстрее.

— Так как мы нашли вашу фотографию в доме Колдвеллов, нам стоит проверить ваш дом на наличие отпечатков пальцев посторонних лиц, так что для этого нам надо знать какие из них ваши. Не могли бы вы быть так любезны...

Джейн покраснела от его пристального внимания.

— Конечно же. Я приеду. Просто скажите мне, куда и когда, и я буду там, детектив.

Глава 17

Кендре Орлано наконец-то удалось заменить сторевшую лампочку в ее ванной комнате и беспощадный свет от четырех стоваттных лампочек над зеркалом, заставил ее почти ахнуть, когда она его включила. Она прислонилась к тумбочке, чтобы повнимательнее присмотреться к ее множественным несовершенствам.

— Дерьмо. Я должна хорошо выглядеть менее чем через час, — пожаловалась она болезненному отражению в зеркале.

В свои двадцать пять Кендра выглядела неважно, все благодаря тяжелой и насыщенной жизни. Из-за курения и поедания сладкого фастфуда у нее был плохой цвет лица и желтоватые зубы, а благодаря наркотикам и сигаретному дыму изменился цвет кожи. Все это разрушающе повлияло на ее внешний вид.

— Ар-р, — прорычала она громко.

Ее естественный цвет волос был светло-каштановым, если она помнила верно, но еще в средней школе она стала блондинкой. Окрашивание волос было своего рода наркотиком: это желание то усиливалось, то уменьшалось. Вскоре окрашивание на четыре тона светлее уже казалось недостаточным. Она становилась все светлее и блондинистее. Неудовлетворенная пока не довела цвет до платинового блонда, она вскоре поняла, что двенадцать лет отбеливания волос имели тяжелые последствия: волосы приобрели текстуру и мягкость соломы. Даже приобрели такой же оттенок.

Было уже десять минут седьмого, а она встречалась со старым ублюдком в семь сорок пять. Она начала накладывать макияж, что стало у нее привычной рутинной. Шаг первый: нанести толстую основу, чтобы скрыть лопнувшие капилляры от избыточного употребления алкоголя и шрамы, оставленные ей отмороженным сутенером три года назад. Джинго Гонсалес реально сильно поработал над ее лицом той ночью, когда избил ее. «Надеюсь, черви празднуют на этом куске дерьма, в еб*нной неглубокой могиле х*й знает где», —

подумала она. Кендра слабо улыбнулась при этой мысли и приступила к шагу номер два и легко нанесла минеральную пудру на расширенные поры на ее носу и щеках, придав коже более ровный тон.

Шагом номер три стали глаза: аккуратно она нанесла бронзовые тени на веки, дополнив их черным лайнером в уголках глаз, заведя линии чуть дальше, и нанесла черную тушь, чтобы удлинить ее жидкие светло-коричневые ресницы. Финальный шаг включал румяна и помаду, которыми она накрасится, закончив одеваться.

Час спустя благодаря косметике за девяносто долларов, она подумала, что выглядит хорошо. Если быть реалистичной, хорошо, но с пометкой: она выглядела хорошо *по ее меркам*. Она знала, что многие люди обманывают себя по поводу своего внешнего вида, убеждая себя, что они красивее, чем есть. Дорогие зеркала и освещение могут помочь подобным заблуждениям жить, но сейчас у Кендры не было денег на подобную роскошь. Кендра взяла расческу и начала агрессивно расчесывать волосы, думая, что может быть, от этого к ним вернется часть блеска и эластичности, которую краска, отбеливатели и поглощенные наркотики забрали. Это был слишком большой спрос с пятидолларовой расчески.

Поспешив в свою спальню, она начала вытаскивать вещи из шкафчиков, чтобы найти то, что искала. Кендра опаздывала. В ее неупорядоченном гардеробе, она нашла узкое платье темно-синего цвета, но все ее чулки были погребены либо в переполненных туалетных столиках или же в корзине для белья. Наконец Кендра нашла пару, завалявшуюся в задней части ящика с нижним бельем.

Скользя в платье из спандекса, Кендра осознала, что платье не такое облегающее каким оно должно и привыкло быть. Она попыталась вспомнить последний раз, когда одевала его, и когда оно облегало ее тело как перчатка. Шесть или семь месяцев назад? Кендра попыталась разглядеть морщинки своими костлявыми пальцами, но, в конце концов, ей пришлось приподнять его, чтобы надеть чулки телесного цвета. Потом она скользнула ступнями в ее пятидюймовые синие замшевые туфли. Прежде чем покинуть спальню, она нацепила свои серебряные браслеты и четыре из ее любимых колец, затем метнулась назад в ванную, чтобы нанести финальные штрихи макияжа.

Чувствуя, будто забыла что-то, она оглядела перевернутые с ног на голову апартаменты, и, в конце концов, зашла на кухню выпить стакан воды. Кендра умоляла Аарона помочь ей получить место получше, но он отказался вкладывать в это место деньги, скряга. Два года просьб и первоклассных отсосов привели ее в никуда. Но дела, кажется, начали идти в гору. Может быть вскоре, она будет жить в красивом месте с посудомоечной машиной из нержавеющей стали. Было бы классно иметь такую снова – мытье посуды было смертным приговором для маникюра, не говоря уже о состоянии кожи.

Не то, чтобы у нее было так много посуды – если было четыре тарелки, из которых можно было выбирать – это было хорошим днем. Но время было нещадным к Кендре и ей требовалось все сильнее ухаживать за собой. Для девушки, чьей главной ценностью была внешность, это было важным, и Кендра использовала секс как валюту. Это было единственным, в чем она была хороша. Вот почему, когда старый школьный приятель познакомил ее со своим планом, она за него ухватилась. Еще бы мать твою. Денег, что он заплатит, ей хватит, чтобы начать новую жизнь. Бонусом станет то, что она поможет другу – а говоря о друзьях, он был лучшим. Она всерьез обожала его. Очень. Всегда обожала. Было грустно, что жизнь развела их в разные стороны после выпускного.

Ее уровень жизни постепенно сходил на нет, и привел в уродливое место за прошедшие годы, так что обваливающиеся апартаменты очень хорошо отражали существование Кендры, физическая манифестация ее внутреннего разрушения. Так же как он делал в прошлом, когда в жизни Кендры происходило что-то плохое, Мейсон спешил на помощь. Его телефонный звонок в прошлом месяце прогремел как гром среди ясного неба, но Кендра была готова на все, что бы он ни предложил. Первое – у нее никогда не было сильных моральных убеждений, и второе то, что она сделает все ради Мейсона. Она любила его. Всегда любила.

Он также заботился о ней – но, не так как ей бы того хотелось. Они были друзьями, хорошими друзьями. Даже после происшествия в младшей школе, Мейс был одним из немногих людей, что остались с ней, так что она всегда была рядом с ним, и отказывалась покидать его, неважно какими ревнивыми становились его многочисленные подружки.

Опять же, все друзья Мейсона навсегда были преданы ему, а он им. Он был именно таким типом харизматического парня. Бен Бенеке, полузащитник гигантского роста, вечно тусовался с Мейсом, следуя за ним как будто они были привязаны веревкой друг к другу и купался в отраженных лучах славы Мейсона. Они познакомились в первом классе или это была, какая то тупая история наподобие.

И, конечно же, Джейк Эмерсон, лучший друг Мейсона и его кузен – они были вместе с рождения, учитывая, что были родственниками, а сейчас вместе владели бизнесом. В средней и даже в старшей школе, они оба были так похожи, что могли бы сойти за родных братьев, даже за гребаных двойняшек, но все равно Джек не шел ни в какое сравнение с Мейсом.

Никто не мог с ним сравниться – даже если бы у него был идентичный близнец или клон. Просто в Мейсоне было нечто такое, некая непостижимая и непреодолимая энергетика, обаяние, харизма, драйв – что-то такое.

Что касается девушек, Кендра была уверена, что одна из Мейсоновских подружек в старшей школе попытается удержать его, но ни одна не будет успешна в этой гонке. Тесс Гарднер из кожи вон лезла, терроризируя девушку ради которой он ее бросил – маленькую-мисс-совершенство Шеннон Грэхем. Кендра находила всю эту драму забавной, особенно когда Тесс зашла так далеко, что подбросила дохлую крысу в шкафчик Шеннон, совершив преступление, за которое осталась безнаказанной. Она определенно напугала Шеннон, психованная сучка, но ей не удалось вернуть парня. Он уехал в колледж холостым и встретил свою жену через некоторое время. Кендра не была уверена, когда; она только знала, что он был женат год или около того.

Из-за его недавней просьбы Кендра не утратила сон. Она никогда не встречала эту женщину, но Мейсон сказал, что та редкостная сука, что стало достаточным аргументом для Кендры. Да и кому какая разница? Никакой... ну, кроме самой миссис Колдвелл.

И той женщине, на которую они хотят повесить убийство.

Но когда вообще Кендре было какое-то гребаное дело до нее? Она была толстой и неуклюжей, непривлекательной девчонкой, которая даже не пыталась понравиться людям. Как она осмелилась быть и уродиной и вместе с тем сукой. Кендра сразу же и очень сильно невзлюбила эту тупую девчонку, появившуюся в холле старшей школы, на первом курсе. Последний раз, когда Кендра пыталась поставить Джейн на место, замарашка попала на неделю в больницу, а Кендра была исключена из школы за участие в этом деле. Не то, чтобы она планировала это или что-то в этом роде. Просто так вышло.

Но Кендра не пролила не слезинки по этому поводу, по правде говоря. Когда Мейс

впервые позвонил чтобы рассказать свой план и сказал, что им нужен козел отпущения, может быть кто-то из старшей школы, она сразу же подумала о Джейн. Кендра очень ясно помнила, как жалкая девчонка пускала слюни по Мейсону, когда он вообще едва знал, что она живет на планете. Кендру раздражало, что толстая сука ботаничка будет ошиваться около него.

Кендра на самом деле начала ненавидеть Джейн после первого футбольного матча на первом году старшей школы. Мейсон стал сверхновой звездой в команде, попав в команду еще в средней школе «Сандрингхем», чтобы присоединиться к ней как перейдет в старшую школу.

У Кендры и ее друзей были места в первом ряду, прямо позади чирлидерш. Кендра почти попала в чирлидеры, но Шеннон Грэхем тоже решила попробовать и взяли ее, а не Кендру. Шеннон была одной из самых популярных девчонок в городе, конечно же, потому что она начала встречаться с Мейсоном на тот момент. Они составляли идеальную пару. В тот вечер Кендра поживалась, сидя на трибуне, тонкие пальцы держали в руках чашку горячего шоколада, и следила за игрой, когда услышала разговор двух девушек позади.

— Мейсон победит в игре, ставлю на все. Только посмотри на него: он совершенен.

— Я не знаю, насчет совершенен, но он определенно горяч. Я сомневаюсь, что он будет решающим фактором в игре, все-таки он новенький. Может в следующем году... или на третьем году, но не сейчас.

Первая девушка практически зашипела на свою подругу:

— Не смей высказываться неуважительно о нем. Он принесет больше чем один тачдаун. Просто подожди. Я могу чувствовать это костями. Его игра это поэзия в движении.

— Неважно, — протянула другая девушка.

Кендра повернула голову, чтобы посмотреть на своих конкуренток. На тот момент, она все еще надеялась, что между ней и Мейсом могут возникнуть романтические чувства. Эта надежда не умирала до середины второго курса, пока он кристально ясно не обозначил, что считает ее очень хорошим другом, но никогда не сможет испытывать к ней ничего кроме платонических чувств. Он сказал, что не хотел бы портить их прочную дружбу. Кендра надеялась, что именно это послужило причиной, а не то, что она недостаточно хороша собой. В действительности, Кендра успела закрутить роман почти с каждым в футбольной команде к концу четвертого курса. Единственные с кем она не переспала, были Мейсон и Рик Брандо, но Кендра была уверена, что Рик был гомосексуалистом.

Когда она увидела, кто млел по Мейсону тем вечером, она ощутила, как ее разрывают две эмоции: смех от абсурдности этого и гнев на дерзость тупой девчонки. Как будто бы у нее хоть когда-нибудь появился бы шанс с самым горячим парнем школы. В ту минуту Кендра была наполнена ненавистью к девчонке-изгою по имени Джейн Дженсен.

Просто потому что та имела дерзновенность думать, что может быть влюбленной в самого популярного парня в школе.

Просто потому что та существовала.

Просто потому что.

Не то чтобы Мейсон принадлежал Кендре – определенно нет. Она знала это и даже через какое-то время смирилась. Он будет встречаться с другими девушками, но они всегда должны терпеть Кендру как его подругу. Если нет, они его девушками долго не пробудут.

Они и так долго не держались: Мейсон был нетерпеливым и девушки ему быстро надоедали, но эти два недостатка были его единственными, так что можно было их не

считать – по крайней мере, пока они не были направлены против Кендры. Таким образом, несмотря на то, что она хотела Мейсона как никого в мире, они оставались только друзьями, пока Кендра последовательно прорабатывала весь состав спортсменов старшей школы. Некоторые из них ей даже понравились. Например, Томас Велес... и Адам Толедо. Да, Адам был чертовски мускулист.

Ни один бойфренд надолго не задерживался – в отличие от ее дружбы с Мейсоном. Она была его защитницей; устраняла ради него помехи. Вот почему Кендру так взбесило, что тупая, толстая Джейн Дженсен проводит свои дни, пуская слюни по Мейсону, как будто он в ближайший миллион лет обратит на нее внимание. Она не имела права даже думать о нем.

Кендра решила заставить Джейн заплатить за ее дерзость. Вот почему когда предоставился шанс, Кендра уцепилась за него, чтобы унижить девчонку, что вечно одевалась в коричневое и очень старалась быть незаметной. Сегодня Кендру можно назвать задирой, но тогда... это стало неким гребаным обрядом посвящения. Сильный против слабого. Никто не мог винить Кендру за ее подростковые выходки больше, чем кого-либо можно было обвинить за тупое дерьмо, совершенное в юности.

В тот раз... в тот раз это было золотым шансом, чтобы добраться до Джейн. И все прошло как по маслу. Мейс взбесился по поводу ее импровизации, но Кендра воспринимала каждую неожиданную вероятность как подарок. Она до сих пор еще не понимает его реакции. Да, они так не планировали, но все прошло просто отлично. Но нет, он хотел, чтобы каждая маленькая деталь была спланирована до девятой степени – Кендра же с другой стороны была девушкой лови-момент, а не тем типом парня, которым привык быть Мейсон.

В любом случае, она загладила свою вину перед ним, когда рискнула пойти в дом Джейн, выдавая себя за риелтора, когда какой-то жуткий чувак начал мешаться ей, спрашивая ее, что она там делает. Кендра пошла туда, в надежде оставить больше инкриминирующих улик, письмо якобы написанное Джейн Мейсону, в котором она признавалась бы в своей любви к нему. Она положила его в шкафчик с нижним бельем замарашки, засунув его под трусики, которые к удивлению Кендры были довольно интересными. Какая растрата, это уж точно.

Она уже собиралась к дьяволу убраться из дома Джейн, когда ее посетила мысль, а стоит ли оставлять там письмо. Что если из-за него Мейсона тоже посчитают виновным? Здесь они переступали тонкую и опасную грань – супруг всегда первый подозреваемый. Плюс, Мейсон предупреждал ее не приближаться к дому Джейн, хотя она и думала, что он чрезмерно осторожничает. Не то, чтобы полиция когда-либо заподозрила Кендру. Решая оставить письмо или нет, она услышала, как прозвенел звонок на двери, и смылась оттуда. Теперь же она слегка беспокоилась, не сделала ли ошибку, но у нее было много времени забрать его, если понадобится.

Вибрация ее телефона вернула ее в реальность – ей сегодня предстояла встреча с боссом. Она называла его боссом, потому что он, по сути, владел ей – на данный момент, по крайней мере. Наиболее точно старое ублюдка можно было бы описать как сладкого папочку, хотя он и не давал ей вдоволь сахара, а лишь ровно столько, чтобы держать ее на плаву и на поводке. Он оплачивал ее месячные счета в обмен на услуги, предоставляемые, когда и где бы он ни хотел их получить. Целую кучу еб*ных услуг. Когда она подцепила его несколько лет назад, то считала, что он не на многое то и способен в своем возрасте и это будут легкие деньги.

Они ими не были.

П-ф-ф. Ей *очень* повезло заполучить мужика, который все еще может в постели тоже, что и молодой парень. Она жарится с ним уже три года, а он не показал никаких признаков увядания. Схватив телефон, она проигнорировала звонок, вместо этого написав текстовым сообщением, что будет внизу через пять минут, но его это не удовлетворило. Через минуту ее телефон зазвонил снова.

— Я почти готова, сэр.

Козел настоял на том, чтобы она называла его так. Ему в следующем году исполнится шестьдесят, и он сказал, что заслуживает уважения и почтения в его годы.

— Кендра как много раз и какими способами я должен тебе сказать, что ожидаю пунктуальности? Моя рука болит от битья твоей тощей задницы на прошлой неделе, так что не заставляй меня делать это снова.

Ее лицо запылало от воспоминания о битье ремнем, что устроил ей этот ублюдок садист, чтобы наказать ее за то, что она забыла принять противозачаточную таблетку. Он жестоко отхлестал ее по бедрам и заднице, и они только начали заживать.

— Нет, сэр. Я просто хочу выглядеть красивой для вас.

— Ну, для этого должно произойти маленькой чудо, — сказал он едва слышно, но достаточно громко, чтобы она услышала эту ехидную ремарку. — Просто тащи свою задницу вниз. Я уже подъехал.

— Да, сэр, — сказала она и отсоединилась. — О, боже мой, — закричала она на стену, — не могу дождаться, чтобы сказать старому козлу пойти и трахнуть себя самому. Миллион долларов подарит мне возможность сжечь все мосты. И кто знает? Может я даже смогу приобрести немного мебели пока я в деле.

Она выскочила из апартаментов, ее каблуки застучали по голому деревянному полу.

Аарон Риндер сидел в своем белом «Лексусе» с не выключенным двигателем. Он выглядел как мужчина, который был в молодости красив, но те же самые черты, что делали его привлекательным – глаза цвета миндаля, заостренный нос, угловатые скулы – теперь придавали его лицу жесткость. Или все дело было в его мерзком характере – все его дурные настроения отпечатались на лице в виде вечной хмурости.

Что бы ни было причиной, Кендра была вынуждена на это смотреть. Она ближе подошла к обочине и открыла пассажирскую дверь.

— Добрый вечер, сэр, — сказала она настолько сладким голосом, насколько могла выдать, и села в машину.

Его анемичные голубые глаза просканировали ее вверх и вниз, прежде чем он, нахмурившись, завел мотор и мягко отъехал от обочины. Как только они выехали на автомагистраль, он набросился на нее со словами:

— Ты хоть понимаешь, что я плачу целую кучу денег каждый месяц за дырку на стороне – и это лучше что ты можешь предложить? — он указал на нее подбородком. — Ты выглядишь как уличная дешевка, Кендра. Честно, вероятно было бы лучше мне подцепить шлюху в стриптиз клубе. По крайней мере, мне бы не пришлось каждый месяц тратиться на твое содержание.

Кендра практически прикусила язык, пытаясь молчать. Старый ублюдок оскорблял ее с тех пор, как они встретились год назад на вечеринке, но в этот раз его жалящие слова пересекли даже ее практически несуществующие границы. Называться частью тела – да еще и так грубо – как будто вся ее ценность заключалась только в этой части ее анатомии, было практически больше, чем она могла вынести. Мысль о том чтобы вонзить свой маленький

выкидной нож в его бледный живот всерьез ее захватила.

Его глаза вновь оторвались от дороги и посмотрели на нее.

— Все поздние ночи и все наркотики, что ты принимала, сыграли свою роль, моя дорогая. Если ты полностью утратишь свою привлекательную внешность... тогда что ты будешь делать?

Она отклонилась назад на подголовник и повернула голову, чтобы вступить с ним в спор.

— Какое тебе дело? Ты просто покупаешь товар, верно? Дырку, так ты сказал?

Он не отреагировал на ее комментарий. Вместо этого, держа глаза на дороге, его рука скользнула вниз, чтобы расстегнуть молнию на его брюках, а затем он потянулся рукой к ней, схватив ее за шею, и заставил ее опустить голову на его колено.

Кендре пришлось использовать каждую унцию силы воли, чтобы унять ярость. Она ненавидела этого уе*ка каждой клеточкой своего тела. Она не могла дождаться дня, когда он ей больше не понадобится.

Скоро.

Кто знает? Может он встретит ту же судьбу, что и жена Мейсона?

Глава 18

Мотор автомобиля находился в режиме ожидания, в то время как детектив Фитцгиббонс ждал пока его напарница не выйдет из гастронома. Было пасмурное утро, а влажный воздух был густым и неприятным, повисшим как туман. Слишком тепло для октября, подумал он, ослабив воротник, дернув его вниз двумя пальцами. Он подумал, может ему стоит оторвать свою задницу от кресла и пойти посмотреть, что ее так задержало, но тут же заметил, как она выходит позади большой группы покупателей. Роб потянулся через автомобиль к открытому окну, чтобы взять у нее стаканы с кофе.

— Спасибо. У меня для тебя есть булочка с маслом. Вот.

— Что никаких яиц и сэндвича с беконом сегодня?

Она открыла дверь и забралась внутрь.

— Тебе бы лучше употреблять меньше холестерина, Фитц.

Он фыркнул.

— Хлеб и масло звучат не намного лучше.

Мила шикнула.

— Не смей меня! Я не знала, что еще взять. Это чертов магазинчик у дома, а не ресторан.

Раскрыв вощеную бумагу, он откусил большой кусок от булочки. Та была все еще теплой, а масло растеклось внутри и впиталось в хлебные поры. То как оно скользнуло по его горлу, сразу же улучшило настроение. Крякнув, мужчина облизал губы.

— Сегодня нам предстоит поговорить с некоторыми из коллег миссии Колдвелл — разделаться с этим. Попытаться доказать или опровергнуть слухи об адюльтере.

Фитцгиббонс поднес свой бумажный стаканчик с кофе к губам, ожидая ее ответной реакции.

Мила покосилась на него.

— Я в этом уверена. Послушав ее мать, ты бы подумал, что она чертова-мать-Тереза.

Он сделал первый глоток кофе и почти выплюнул его, обжегшись. Проглотив его, Роб

покачал головой:

— Вот дерьмо. Обычно кофе теплый. Я не ожидал, что там будет жидкая лава.

Его напарница закатила глаза и вздохнула.

— Тебе всегда есть на что жаловаться, Фитц.

— П-ф-ф. Да ладно. Давай посмотрим, что всем этим рекламщикам есть сказать о мадам Колдвелл.

Мила пристегнула ремень и захлопнула дверцу.

— Поехали.

Пока они ехали, Фитцгиббонс размышлял о том, что удалось узнать в ходе расследования на данный момент. Все его внутренние ощущения покалывали в отношении Джейн Дженсен, хотя головой он понимал, что она мало подходит на роль убийцы. Интересно, что думает его напарница?

— Итак... Мила, — начал он.

Она была занята, жуя свою булочку. Ее была с ломтиком бекона, как он заметил. Может быть, ему достанется такая завтра. Наконец, когда она на него посмотрела, ее рот был набит едой.

— Что?

— Расскажи мне, что думаешь о нашем расследовании.

Женщина проглотила еду и запила кофе.

— О-у, ты прав. Он горячий. Э-м-м... Я пока не сформировала определенного мнения если быть честной.

— М-м-м, — все, что сказал мужчина, его мысли, пробегались по всей информации, как по картотеке.

— Чем вообще занимается эта контора? — спросил Роб, оглядывая высокотехнологичное лобби в офисном здании.

Мила Кельвин засмеялась.

— Они называют себя бутик-агентством — что бы, черт возьми, это не значило. Они занимаются написанием пресс-релизов и пытаются скрывать своих клиентов от глаз публики. Плюс, если кто вовлечен в скандал, они пытаются снова их отбелить через свое агентство. Что-то вроде этого. Красивое здание, верно?

Роб Фитцгиббонс засмотрелся на роскошную мебель.

— Да, красивое. Рекламщикам должно быть много платят. На каком они этаже?

Мила просмотрела указатели.

— На семнадцатом. Номер семнадцать-одиннадцать. Пошли.

Они зашли в лифт из нержавеющей стали с другими людьми и молча, смотрели, как мелькают цифры этажей.

На семнадцатом этаже, четверо из них, включая двух детективов, вышли. Роб вытащил свой блокнот из кармана и проверил имя: парень по имени Рафаэль Боно был главой маленькой фирмы.

Два человека, что вышли из лифта вместе с ними, также направились к номеру семнадцать-одиннадцать. Мила пробормотала что-то себе под нос, но он не расслышал.

Они быстрее пошли к двойным дверям номера и были остановлены длинным невысоким стеклянным столом. За ним сидела женщина с красными волосами. Она была одета в платье с принтом черное на белом, черные леггинсы, балетки, а ее ногти были неоновой оранжевой цвета. Она кивнула, тем двоим, что прошли мимо нее, очевидно

работникам, и затем обратила свое внимание на детективов, ее ясные зеленые глаза зажглись любопытством.

— Могу я вам помочь?

Он протянул свой значок.

— Детектив Фитцгиббонс, а это детектив Кельвин. Мы здесь, чтобы увидеть Рафаэля Боно.

Он произнес это все с ирландской певучестью.

— Боно, — возразила она, — как Сонни Боно.

Она приглушила голос до громкого шепота и сказала:

— Если вы знаете, кто это, потому что я нет. Но это то, что Рейф говорит людям все время.

Роб криво улыбнулся, никогда не стесняясь использовать свой ирландский шарм на женщинах, неважно какого они возраста. Даже его четырехлетняя племянница не была спасена от этого.

— Сколько лет Рейфу?

Она ответила на его улыбку подмигиванием.

— Старше чем я, это уж точно. Подождите здесь, пока я посмотрю, не свободен ли он.

Роб почти что возразил, что ему лучше бы быть, ведь у него нет выбора, но решил, что будет пока что хорошим копом. Она вскоре вернулась и повела детективов в офис Боно.

Рафаэль Боно совсем не был старым. Ему, вероятно, было ближе к сорока годам, примерно несколько лет еще ему оставалось до этой отметки. Фитцгиббонс внимательно посмотрел на него. Мужик был ростом всего пять футов восемь дюймов (*прим. перевода: примерно 1 метр 72 см*) или даже меньше, но его уверенная осанка компенсировала это. Он был одет в пошитый на заказ жемчужно-серый костюм и белую крахмальную рубашку, так безупречно, что его невысокий рост несколько не влиял на впечатление от него. Он также был весьма сердечен по отношению к ним. Когда Роб пошел вперед, следуя за женщиной от стойки ресепшена к роскошному угловому офису, Боно вышел поприветствовать их, протягивая руку и одарив гостеприимной улыбкой.

— Добрый день, детективы. Пожалуйста, проходите в мой офис.

Роб осмотрел офис, прежде чем сел на кожаную лавочку напротив стола, указанную ему. Боно же пошел на другую сторону и положил руки, с широко расставленными пальцами на стол.

— Спрашивайте все, что вы хотите знать. Я хочу помочь всем, чем могу, если это поможет расследовать ужасное убийство Кейт, — он сцепил свои наманикюренные пальцы на груди. — Это стало личной потерей для нас — она была отличным работником и великолепным человеком.

Как только Боно открыл свой рот, Роб уже знал две вещи: во-первых, Рафаэль Боно был геем и, во-вторых, несмотря на всю его правдоподобную игру, он презирал Кейт Колдвелл, но держал ее на работе, потому что она была незаменима. Назовите это коповской интуицией.

— Начнем с самого простого, — начала Мила. — Как долго она здесь работала?

Глаза Боно метнулись к потолку. Роб заметил, что тот повернул их вправо. Это было очень важной деталью, несмотря на всю свою достоверность, он будет отвечать правду на этот вопрос.

— О, должно быть уже более двух лет. Я могу запросить записи о сотруднике, если вы

хотите и сказать вам более точно.

— Пока что не утруждайтесь, но по пути отсюда, если кто-то мог бы взглянуть, это может помочь. Вы наняли ее сами или это сделал кто-то другой?

— Это был я.

— Вы помните, что вас тогда заинтересовало в ней?

Его глаза снова повернулись направо – честный ответ.

— Ее клиентская база данных, которую она наработала, будучи фрилансером, была впечатляющей. Я бы взял ее только за это, но она также обладала личным стилем – и идеально вписалась бы в наше агентство.

Еще один вопрос и честный ответ.

— Как давно существует ваше агентство?

Вверх в потолок и направо.

— Мы будем праздновать нашу пятую годовщину в марте.

— Какой была ее репутация здесь? Ее любили?

— Х-м-м, — сказал он и в этот раз, когда он подумал об этом, посмотрел налево. Роб решил, что здесь он соврет. — Я бы сказал... она весьма нравилась некоторым людям.

— Вы могли бы выразиться точнее?

Он издал сдавленный смешок.

— Ладно, мужчины в особенности любили Кейт – она была красавицей. Женщины... — он неопределенно помахал рукой, — не очень. Если быть откровенным, Кейт могла быть временами той еще сукой. Она всегда была очень прямолинейной, то качество, которое не все оценят.

— Кто-нибудь ненавидел ее достаточно, чтобы причинить вред, как вы думаете?

Его руки задрожали.

— Боже, нет, не думаю. Я говорю о мелких склоках, а не о чем-то, что может повлечь за собой убийство, боже сохрани. Все очень ценили способности Кейт в сфере рекламы. Она была так хороша в этом, что могла заставить, кого угодно выглядеть отлично – превратиться из демона в ангела. Наше агентство без нее уже не то, что прежде. Фактически, — сказал он, выпрямляясь в кресле, — я умолял ее перейти на полный рабочий день. Она начала работать здесь только по паре дней в неделю, и я продолжал просить ее задержаться или прийти в выходные. К тому времени как она умерла, то почти перешла на полный рабочий день.

— Не было ли у нее интрижки с кем-либо из сотрудников мужчин?

Станный взгляд отобразился на его лице, а его глаза снова посмотрели налево. Другая потенциальная ложь.

— Этого не может быть, я о таком не слышал. У нее был замечательный муж.

Роб почти засмеялся при его комментарии. Боно влекло к Колдвелл?

— Как много сотрудников работает в вашей фирме, сэр?

— В текущий момент у нас шесть рекламных представителей и два администратора. Также мы нанимаем временных сотрудников.

Мила подняла взгляд от своего блокнота.

— Вы учили также и мисс Колдвелл?

— Да. Так что, пожалуй, теперь у нас их пять.

— С кем еще мы могли бы поговорить?

Боно покачал головой.

— Я не знаю никого, кто бы мог пролить больше света, чем я, но есть ее самая близкая

помощница, ее зовут Беттина Росс.

— А мужчина? Помощник? — подтолкнул Роб.

— Мужчина?

Он засмеялся.

— Ну, здесь трое мужчин и считая Кейт, три женщины, не считая административный персонал – из администраторов Кейт имела дело только с Эммой. Вы можете поговорить со всеми тремя парнями, но я не обещаю никаких результатов.

— Все трое работают здесь два года? — Роб закрыл блокнот и повернул голову, чтобы попытаться разглядеть что-либо сквозь матовую стеклянную стену. — Они сейчас здесь?

Боно взял трубку телефона и нажал кнопку.

— Тесс, кто сейчас в офисе? Ага. Кай когда вернется? О'кей, спасибо.

Он посмотрел на детективов.

— Из троих мужчин, здесь сейчас только один, а еще один вернется в офис через час.

— А третий?

— В Лос-Анджелесе. Вернется во вторник.

Они оба встали, затем их примеру последовал и Боно.

— Отведите нас к первой жертве, пожалуйста – о, и нет ли здесь офиса, который мы могли бы использовать?

Боно кивнул, когда они втроем толпились в дверях.

— Вы можете использовать наш конференц-зал.

Фитцгиббонс поместил свое большое тело в черное офисное кресло напротив Алекса *Йойо* Арройо, пристально изучая его, прежде чем заговорить. Его черные волосы были зачесаны назад, а ногти отполированы. Но самым выдающимся аксессуаром все же была чрезмерная самоуверенность. Вокруг парня распространялась некая аура, на которую было плевать Робу. Арройо было около тридцати, хорошо выглядящий парень, который слишком заморачивался по поводу совей внешности.

— Рейф сказал, вы хотите видеть меня, детективы?

Такой типаж хипстеров вымораживал Роба, и он не мог понять, почему женщин тянет к таким придуркам, но краешком глаза, он мог видеть, как загорелся интерес в глазах его напарницы, как только этот говнюк важно прошел в конференц-зал. Роб не смог сдержать усмешки, так как мог бы поклясться на целой куче Библий, что Кельвин играла за другую команду.

Может быть, ему стоит уступить ей право вести допрос? Он практически молниеносно решил сделать именно так и подождать пока она не начнет. Когда она посмотрела на него минутой позже, он подал ей знак начинать.

— Йойо. Необычное имя, — начала она с небольшого комментария. — Это прозвище, сокращенное от имени или потому что вы играете с игрушками?

Мужчина, обладающий темной красотой, тонко улыбнулся.

— От моего имени.

Роб следил за выражением его лица, так же как и за языком тела. Он сразу не проникся к нему доверием – но мог бы сказать тоже самое о каждом в этом офисе. Они все были, до какой-то степени, ненастоящими. Этот парень выглядел, так как будто регулярно посещал спортзал и тратил все свои лишние деньги на шмотки.

— Хорошо, мистер Арройо, мы здесь, чтобы задать вам вопросы о Кейт Колдвелл. Как хорошо вы ее знали?

Йойо пожал плечами и растянул губы.

— Я знал ее достаточно. Достаточно, чтобы знать какой беспощадной она была, когда дело касалось бизнеса.

— Как долго вы ее знали?

Его глаза посмотрели вверх и налево.

— М-м-м, я бы сказал, с тех пор как она появилась здесь. Кейт была тем типом женщин, что привлекают к себе внимание.

— Вы с ней встречались? — закинула удочку Мила.

— Не совсем.

Детектив выдала легкую усмешку.

— Я думаю, мой вопрос подразумевает да или нет ответ. Да, вы с ней встречались, или нет, вы с ней не встречались. Только что-то одно.

Он вдохнул с раздражением.

— Да, я встречался с ней, но очень непродолжительно и уже год как назад.

— Была ли она тогда замужем?

— Нет еще, но уже готовилась.

— Это должно быть забавно?

Он пожал плечами.

— Я не фанат женитьбы. В любом случае, Кейт видела в этом последний шанс завести интрижку – или, по крайней мере, я так думал в то время.

— Что изменило ваше мнение?

— Она забавлялась с мужиками и после свадьбы. Кейт не была способной хранить верность, я так считаю.

— Нет? Почему, вы полагаете, ее тяготило замужество?

— Я не знаю. Я думаю, что по-своему она любила Мейсона. И я сомневаюсь, что она бросила бы его из-за легкого увлечения. Но Кейт проживала свою жизнь на скорости девяносто миль в час, вы знаете? Она была природной стихией.

— Правда? Знаете ли вы, с кем у нее еще были интимные отношения?

— Я не могу сказать с уверенностью, но кажется, она была близка с Джаредом. Хотя может, между ними ничего и не было. Я не уверен.

— Что послужило причиной вашего разрыва?

— Ничто. Просто наши отношения изжили себя.

— И как долго вы к этому шли?

Он поджал губы.

— Кажется около двух месяцев, плюс минус неделя-две.

— Кто ушел первым?

По его лицу быстро пробежала какая-то эмоция, которую было трудно определить.

— Она.

— Вы были расстроены?

— Не особо. То есть, я был, застигнут врасплох, что все закончилось так быстро, но вы знаете, я ничего большего то и не ожидал?

— Нет, я не знаю. Вы сказали, что ожидали, что ваши отношения продлятся чуть дольше?

— Может быть.

Его пальцы ухватили нижнюю губу.

— Может чуть дольше. Неважно, как мне кажется, я знал, что все идет к концу, как только она вышла замуж.

— Все хорошо, мистер Арройо, если вы вспомните о чем-то, что может помочь в нашем расследовании, мы вам будем очень признательны. Тем временем, если бы вы были на моем месте, с кем бы вы пошли поговорить?

Скользкая улыбка.

— Джаред Экстон. Определенно с Джаредом Экстоном.

Два детектива обменялись взглядами, когда Джаред Экстон важной походкой прошел через дверь. Он носил джинсы в обтяжку, синюю оксфордскую рубашку в мелкую клетку и итальянские кожаные туфли без носков. Что Фитцгиббонс точно не мог простить, так это прическу-пучок на голове у парня, которая держала его длинные, песочного цвета волосы в неаккуратном узле – он считал это смехотворным и немужественным. Просто взгляд на Экстона, заставили копа поежиться в его кресле. Недостойная тотальная трата Джаредом кислорода и осознание того факта, что у Кейт что-то было с этим парнем, принизило ее в глазах Роба еще на пару делений – даже еще ниже, чем когда он узнала что она была обманщицей.

Единственное что они хорошего могли сказать о парне, было то, что он привлекательный: светловолосый, с большими зелеными глазами и по-женски худощавым телом.

Он казалось, нервничал в их присутствии. Его глаза быстро бегали между детективами.

— Вы хотели поговорить со мной о Кейт?

— Пожалуйста, присаживайтесь, мистер Экстон, — показала жестом Мила.

Он сел на кресло, что она ему указала, и закинул ногу на ногу. Ни один из детективов пока не заговорил, пытаясь заставить его нервничать. Это была отточенная временем техника, которая ни разу не подводила, и приводила к быстрым результатам.

Он поставил обе ноги на пол и наклонился вперед.

— Чем я могу помочь вам? — спросил Экстон, потирая правую руку о штаны.

Потеет.

Фитцгиббонс прочистил горло и сразу бросился задавать вопросы.

— Как долго вы с Кейт Колдвелл имели общие дела?

— Общие дела? — бесхребетный парень почти что улыбнулся.

Фитцгиббонс помахал рукой в воздухе.

— Имели интрижку, неважно. Как долго?

Экстон пожал плечами.

— Только несколько месяцев – если вам так это важно. Она была слишком интенсивной, так что быстро перегорела.

— Расскажите нам об этом.

Облизав губы, он казалось, тщательно подбирал слова.

— Я знал, что Кейт была замужем, когда я начал здесь работать, но меня к ней физически влекло. Она была красивой. Думаю, что к ней бы потянуло любого гетеросексуального мужчину, который повстречал ее.

— И?

— И я узнал спустя пару недель, что я ей тоже нравлюсь. Мы как то пошли выпить после работы одним вечером... ее мужа не было в городе... одна вещь привела к другой.

— Когда вы прекратили встречаться?

Экстон сжал губы и смотрел на Роба, прежде чем ответить.

— Не то чтобы мы прекращали. Но Кейт сказала мне тем вечером – когда ее убили – что наши отношения изжили себя.

— Как вы это восприняли?

Его голос повысился.

— А как вы думаете, я это воспринял?

— Не имею понятия. Почему бы вам не просветить меня?

— Я был расстроен, бога ради. Я влюбился в нее, а для нее я был просто постельным увлечением.

— Все хорошо. Так, что было дальше?

— Это было ужасно, как мне кажется. Когда я не согласился с ней, не захотев прекращать наши встречи, она взбесилась и начала бросаться в меня оскорблениями и она... неважно. Она вскоре покинула офис.

— Она что? Вы что-то начали говорить.

— Она просто была собой – она может быть безжалостной сукой, если захочет, и она сказала реально отвратительные вещи.

— Вы оскорбляли ее в ответ? Кричали на нее? Как вы отреагировали?

— Я был расстроен, ладно? Я сказал вещи, которые не имел в виду, — он обвел взглядом комнату и взмахнул руками. — Это смехотворно, мать твою. Я не убивал ее, бога ради.

— Вы знаете, кто ее убил?

Он вскочил со своего кресла, его голос звенел от ярости.

— Нет, я мать вашу не знаю, кто ее убил, но осмелюсь заявить, что Кейт бл*дь заслужила это своим отношением к людям. Он правильно поступил с сукой.

Три часа спустя, они опросили каждого кого могли. Там сегодня был один админ и один временный сотрудник, так что они опросили и их. Когда последний человек вышел из конференц-зала и закрыл дверь, Фитцгиббонс перевел свои усталые глаза на свою напарницу.

Он изогнул брови.

— Что ты думаешь?

— Не уверена. Экстон – вероятный подозреваемый – его не сложно вывести из себя. Нам нужно тщательно проверить его прошлое. Остальные? Пустая трата времени.

— Да, но та Ванесса казалась, ужасно взбешена тем, что Кейт купила такие же туфли, как и она – как будто Кейт увидела их на ее ногах и побежала покупать такие же.

— Эй, — сказала Мила, — так все и могло быть. Представь себе весь ужас, когда она поняла, что у той такие же туфли, и они одели их в один и тот же день.

Она драматично содрогнулась.

Роб засмеялся. Глядя на комнату, выполненную в пурпурно-сером и слоновом с акцентами оловянного цветах, он ощущал, что у него начинается нервный тик просто от нахождения здесь несколько часов.

— Да, ну нам было надо опросить этих людей, но я должен быть честным – я не могу дождаться, когда выберусь из этого места. Практически чешусь от этого желания.

— Все дело в негативной карме, что летает здесь повсюду, — возразила она. — У тебя должно быть на нее аллергия.

— Да, может быть. Аллергия или нет, мы должны найти убийцу.

Глава 19

С Джейн, наконец, сняли последние медицинские приспособления – фиксатор для шеи ушел в прошлое. Два дня спустя – в субботу – когда в одиннадцать часов утра прозвенел звонок в дверь, она все еще была в пижаме: свободных штанах для йоги и футболке оверсайз. Вся ее одежда болталась на ней, за исключением нескольких вещей, что она добавила к своему гардеробу после выписки из больницы. Правда, они не были настолько мешковатыми, как она ожидала, учитывая, как все комментировали ее прежние размеры, но было хорошо, что многие из ее вещей были все еще пригодными для носки. Она направилась вниз.

Звонок прозвонил снова, когда она была на последней ступеньке.

— Иду, — пропела она. Пospешив к двери и почти споткнувшись о коврик, она едва успела восстановить равновесие. *С моей-то удачей, я снова окажусь в гипсе или фиксаже.* — Кто там?

Голос был приглушенным, но слышным.

— Не роскошный мужчина, пришедший тебя трахать, к несчастью для тебя.

Джейн закатила глаза. Распахивая тяжелую дверь, она поприветствовала свою подругу хмурым выражением лица.

— Серьезно, тебе нужно вытащить мозги из сточной канавы. И какого черта ты здесь делаешь так рано?

Мэл лыбилась как идиотка.

— Ты официально выздоровела, и чтобы это отпраздновать, мы пойдем по магазинам. Когда ты вернешься к работе, ты станешь адски горячей бейбой, и все упадут к твоим ногам в восхищении.

— Они так уже делают, ведь я ставлю им подножки, когда они проходят мимо моего стола, — парировала Джейн. — Это мое единственное развлечение в жизни.

Брови Мэл сошлись на переносице.

— Я всегда гадала, почему все становятся такими неуклюжими рядом с тобой. Ну, тебе не придется ставить людям подножки, чтобы они падали перед тобой ниц, когда они увидят тебя новой, белла. Ты будешь секси сучкой. Давай же, мы вынесем несколько магазинов, а затем съедим поздний ужин, перед тем как закончить, — остановившись на красном свете, Мэл перевела на нее взгляд. — Так как ты поживаешь последнее время? У меня было не так много времени, чтобы заехать к тебе.

Джейн кивнула, ее лицо стало печальным.

— О'кей... не очень, если быть честной. Никаких новых воспоминаний, моя голова все еще болит, и меня мучают кошмары. Я думаю, это все из-за той истории с убийством.

— Ты думаешь, что знаешь больше, чем помнишь?

Длинный вздох вырвался у Джейн.

— Я просто не знаю. Я порылась в голове, пытаюсь вспомнить, но не смогла. Я не могу представить, что за то короткое время, что здесь жила, мы с ними так уж общались – с Колдвеллами. Я даже не помню, знала ли я, что Мейсон живет по соседству. И тот детектив, кажется, думает, что я знаю больше, чем говорю. Он мне не нравится – извини, я знаю, что он тебе симпатичен.

Лицо Мэл казалось обеспокоенным.

— Ты думаешь, что ты в числе подозреваемых?

Голова Джейн резко повернулась к Мэл.

— А я считаюсь, ты не знаешь?

— Просто кажется... копы продолжают задавать тебе вопросы. Я не знаю.

— Мэл, будет просто ужасно, если меня подозревают. Я имею в виду, как я смогу оправдаться, когда ничего об этом не помню?

— Не сходи с ума, но позволь мне спросить тебя: у тебя когда-либо были склонности к проявлению жестокости?

Ее глаза широко распахнулись.

— Мэл, пожалуйста, не говори мне, что думаешь, будто я могу быть замешанной в убийстве?

— Конечно же, нет. Я просто пытаюсь помочь тебе почувствовать себя лучше. Эй, знаешь что? Мы идем по магазинам, и собираемся веселиться, черт возьми. Никаких больше разговоров о тревогах, памяти или убийствах. Мы сегодня здесь, чтобы заставить тебя выглядеть еще роскошнее, чем ты уже есть – и может быть стать немного пьянее.

Джейн попыталась улыбнуться и ответ... но счастливой улыбки у нее не получилось.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Шесть часов спустя Джейн рухнула в удобное кресло на нижнем этаже дома, измотанная от скоростного шопинга Мэл. Они, должно быть, зашли в десять магазинов, прежде чем закончили с шопингом. Перекус был единственным отдыхом за день. Мэл хотела выпить по коктейлю, прежде чем разойтись по своим делам, но Джейн слишком устала. В любом случае, она не собиралась пить алкоголь пока полностью не перестанет принимать обезболивающее. Она просто хотела добраться до дома, зайти в него, бросить пакеты и упасть в коричневое вельветовое кресло, на данный момент единственное удобное место для сидения в доме. Она не желала двигаться, чтобы пойти посмотреть на ее новые вещи.

— Ар-р-р, почему я просто не могу сидеть здесь вечно, — простонала она и стащила себя с кресла, призывая все свои силы, чтобы поднять сумки и поплестись наверх. Она открыла каждую сумку, начала аккуратно раскладывать вещи на постели, пока не завалила одеждой свою королевских размеров кровать. Джейн улыбнулась. — Это Мэл шопинг-богиня, — сказала она пустой комнате. — Она находит лучшие цены и находит прелестные бриллианты среди камней на распродажах. Плохо, что она также безумна, заставив меня ходить по городу весь гребаный день.

Она стащила с себя свою правую туфлю, а затем левую и бросила их по направлению к открытому гардеробу, в тоже время, любуясь своими трофеями. За девять с небольшим сотен долларов Джейн получила приличный новый гардероб. Она купила костюм, пару соответствующих темно-синих сапог, две пары брюк, три шелковые рубашки, две хлопковые, облегающий черный кардиган и пару джинсов. Мэл перед этим просмотрела свой гардероб и увидела там приличную коллекцию обуви, кроссовки, сандалии, туфли-сабо. Размер ступни Джейн к счастью не изменился.

Мэл прочтала ей затем лекцию о необходимости покупки нового белья и ночнушек, но Джейн имела два комода полные этими самыми предметами одежды, и если предыдущие вещи стали несколько большими, так что? Как будто кто-то на ней их увидит. Она любила спать в своих штанах для йоги, чем более поношенных, тем лучше, о чем так и сказала Мэл.

— Ах, — ответила Мэл, оживленно качая головой. — Шелк в постель.

Джейн сгримасничала от этой мысли.

— Зачем? Я сплю одна. Нет необходимости наряжаться.

— Пока что, может и одна. На данный момент. Но это для тебя, чтобы ты чувствовала себя сексуально и комфортно.

Мэл легонько потянула Джейн за волосы.

— Говоря о сексуальном и хорошем, могу ли я позаимствовать те «Лабутены» в твоём гардеробе?

— Это, какие?

— Это, какие? — спародировала ее подруга. — Ты должно быть шутишь. Они как будто сделаны из неона, ведь блистают красотой в твоём мрачном гардеробе. Я не должна была говорить тебе, но это приди-и-трахни-меня черные туфли на высоком каблуке с красными подошвами. Меня даже не заботит, что они не моего размера. Я хочу одеть их всего лишь раз — они настолько роскошны. Пальцы на ногах восстановить ведь недорого, верно?

Покачивая головой, Джейн рассмеялась. Это было в духе Мэл. Она обязана отдать подруге туфли — или еще лучше, купить ей идентичную пару ее размера. Джейн сделала ментальную пометку это сделать. Мэл заслужила это, да и гораздо больше за то, что была настоящим верным другом.

Отказываясь сдвигать матрас, чтобы под ним поискать, Джейн обнаружила свою тетрадь на прикроватном столике. Она должна написать пару строк. Вот уже какое-то время на задворках ее разума плавала какая-то мысль. Она чувствовала, что там что-то очень важное, пыталась вспомнить, но не могла извлечь ее из своего поврежденного разума. Может письмо поможет ей восстановить память?

Неохотно она взяла тетрадь, ощущая тревогу от того, что может содержать воспоминание. Она знала, что самые ужасные из них еще не пришли.

Особенно воспоминания об аварии.

Глава 20

Из тетради Джейн, 3 ноября

Мэл думает, что я убийца?

Сегодня мы ходили на шопинг — Мэл и я — обновлять мой гардероб. По пути туда, Мэл начала задавать мне странные вопросы. Когда она увидела, что расстроила меня, она так резко сменила тему, что у меня аж закружилась голова, от того, как неожиданно Мэл начала говорить о другом. Честно говоря, я даже не могу думать об этом больше. Мне становится нехорошо от всех этих мыслей.

Я была подавлена и, Боже, я так благодарна, что у меня есть Мэл. Я не могу представить, насколько унылой моя жизнь была бы без нее. Я определенно не хочу, чтобы она думала, что я плохой человек.

Мэл замечательная и сегодня мы веселились. На прошлой неделе подруга сказала, что мне нужна новая одежда и что она поможет ее подобрать. Сначала мы прошли с ней по моему гардеробу, и Мэл отобрала предметы одежды, которые считала приемлемыми и которые можно оставить, а остальные велела отправить на благотворительность. Это было сложно, так как мне приходилось сражаться с ней за каждую вещь. Тогда я попыталась примерить каждую из них, чтобы доказать что мне она идет, но лишь несколько блузок подошли мне по размеру и отправились в кучу спасенной одежды. По сути, мы начали

шопинг с нуля – у меня осталась лишь ультракэжуал одежда (прим. перевода: *casual – повседневный стиль одежды с акцентом на удобство и практичность*), такая как мои многочисленные штаны для йоги и пара джинсов с поясом.

Сегодня мы нагрянули в три или четыре бутика одежды, обувной, ювелирный – где я ничего не купила, а Мэл купила себе отличный серебряный браслет – и два универмага, прежде чем рухнуть за столиком кафе. Менее чем за тысячу долларов, я прикупила почти все, так что я оплатила ланч Мэл, ведь она была сегодня моим экспертом по покупкам. В основном, я приобрела одежду в бизнес стиле, но также у меня был полный комод спортивных штанов, но Мэл сказала, что теперь они на мне плохо сидят и что мне можно ходить в них только дома. *Когда я одна.* Она пообещала, что в следующий шопинг мы купим более удобную одежду, такую как секси штанишки и футболки для йоги.

Мне понравился шопинг, и мне понравилось проводить время с Мэл, но эти тупые головные боли мне надоели, а новые воспоминания прекратили появляться. Мне продолжали сниться сны, где я еду на поезде. Небольшие фрагменты воспоминаний без связи с контекстом более чем доводили меня до расстройств, но это все что я получала в последнее время. Я ощущала, как мое ментальное восстановление идет к полной остановке.

Хорошей новостью стало то, что мой доктор разрешил мне вернуться к работе по скользящему графику. Дирекция МТ пошла на уступки. Я действительно счастлива, что работаю на такую замечательную компанию. Теперь я работаю три дня в неделю по шесть часов в день, и если я почувствую что смогу, то буду работать из дома еще два дня, в общей сложности все составит тридцать часов.

Этой новостью я поспешила поделиться с Мэл.

— Поговори со мной. Что происходит?

— Я получила медицинское разрешение вернуться к работе – по крайней мере, на часть дня. Да!

— Да? Seriously, тебе необходимо пройти консультацию у психолога. Большинство людей будут рыдать над своим пивом от перспективы возвращения на работу после приятного долгого отпуска.

— Обычно я не пью пиво, — рассмеялась я. — Замечательный отпуск в госпитале – каждый должен попробовать это хоть раз в жизни. Лично я считаю, что карибские острова малость лучше. Слушай. Я листала свою чековую книжку, и там был один реально крупный чек, который я выписала Детскому фонду Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ). Я так думаю, это было пожертвование, верно?

— Ну, если только посредством коррумпированных людей ты не покупаешь детей на черном рынке, я бы сказала, что это верная догадка. А почему ты спрашиваешь?

Она задержалась с ответом на полминуты.

— Я не знаю. Просто приятно знать, что меня заботит судьба детей.

— Я, кажется, помню, как ты говорила мне как за два дня до Нового года ты сидела за столом и выписывала кучу чеков для благотворительных организаций. Не только для ЮНИСЕФ, но также и для «Гринпис». И «Докторам без границ», я полагаю.

— Я счастлива, что сделала благотворительные пожертвования. Это значит, что я забочусь о других.

— Конечно, ты заботаешься о других. Джейн, ты добрая и достойная. Иначе я бы не была твоей подругой.

Она замолчала и добавила:

— Ты знаешь, есть и другие веселые занятия в постели кроме чтения и просмотра ТВ,

— она преувеличенно прочистила горло.

— Ах-ха. Мне просто надо найти человека, с которым я могла бы это делать.

— Не обязательно...

Я засмеялась, но если об этом уж зашла речь...

— Мэл, звонил ли тебе тот парень Эд Дженсен после того, как ты оставила ему голосовое сообщение?

— Нет, он не звонил.

— Х-м-м, — я попыталась скрыть свое разочарование. Мысль о том, что он мог быть моим парнем меня захватывала... успокаивала даже. Что по поводу мужчин в моей жизни? Они вообще были?

Я знаю, что я не девственница... ну, во-первых, потому что мне двадцать пять. Но также, потому что у меня есть осколки воспоминания, как я была с мужчиной... или может с разными мужчинами. Я не могла видеть их лиц, но это была некая мышечная память. Я просто не знаю, встречаясь ли я, с кем-либо, в настоящее время или не так давно.

И опять же я принимала противозачаточные таблетки. Я могу назначить прием у врача и узнать у нее больше подробностей.

Если бы сейчас в моей жизни был мужчина... ну, я бы уже знала об этом. Было странно, что тот парень спросил обо мне в день моей аварии. Он оставил свой номер, Мэл пыталась дозвониться до него, но никто не ответил, а голосовая почта тоже не дошла до адресата. Мэл не была уверена, дала ли женщина в госпитале ей правильный номер или нет. Он сказал, его зовут Эд Дженсен. Не родственник.

Имя никак не откликнулось в моей памяти. Кроме того, если бы он был связан со мной, почему он не вышел со мной на связь позже?

Единственным очевидным выводом является то, что я одинока.

Щемящее чувство в моей груди напомнило мне, как сильно я бы хотела иметь кого-то рядом.

И кем, черт возьми, был этот Эд Дженсен?

Я проснулась, чувствуя жажду. Попыталась открыть глаза достаточно широко, чтобы увидеть часы по другую сторону кровати. Полночь. Последнее время я просыпаюсь с постоянным чувством жажды, так что держу наполненный графин с водой на ночном столике. Я села в постели, чтобы выпить воды, когда в моей голове взорвалось новое воспоминание, появившееся как будто из ниоткуда.

В одно мгновение я думала о прохладе воды, а в следующее погрузилась в воспоминание о старшей школе. Ощущение было таким резким, что я задрожала.

Это было лето между первым и вторым курсом старшей школы, когда я собралась взяться за себя капитально. Я никогда не была слишком уж полной — максимум весила от тридцати до сорока фунтов. Поздней весной, я начала сидеть на диете и к лету я уже худела вовсю, упорно придерживаясь строгой диеты и делая упражнения как сумасшедшая. К августу я потеряла четыре-шесть фунтов и пришла к ста двадцати двум фунтам при моем росте в пять футов восемь дюймов — с тех пор я выросла на дюйм. Я хотела стать абсолютно новой «я», так что подстриглась по-другому и начала носить легкий мейкап. Моя мать была в таком восторге, я думала, что от радости ее хватит удар, но когда школа вновь стартовала в сентябре, я была до ужаса напугана предстать в своем новом виде.

Так что я отказалась от этой затеи.

Я надела мешковатую одежду, чтобы замаскировать мой потерянный вес и стерла макияж, возвращаясь в относительный комфорт быть невидимкой. В любом случае, не было новой Джейн Дженсон. Мать неодобрительно на меня посмотрела, когда я спустилась по лестнице в первый день школы, но ничего не сказала. Вообще. Могло ли это быть, потому что она поняла меня впервые в жизни?

За неделю до Хэллоуина я услышала разговоры о вечеринке, которую устраивает Джо Торрес. Он жил в большом доме с собственным маленьким озером, а его родители уезжали на неделю, оставляя Джо и его старшую сестру дома. Что могло пойти не так? Его родители могли с таким же успехом разослать приглашения по всем окрестным школам. Хотя время близилось к Хэллоуину, прошел слухок, что костюмы были не обязательными. Все кто слышал о вечеринке, были приглашены.

Я вспомнила, как я нервничала, когда готовилась тем вечером. Я никому не сказала из своих знакомых, что пойду, даже Сулу, так как планировала идти в костюме. Я собиралась пойти в образе новой Джейн, и немного надеялась, что никто меня не узнает.

Из задней части ящика моего комода я вытащила узкие джинсы, которые купила летом в качестве награды в достижении моей цели в похудании, и натянула их. Они сели идеально. Потянувшись под кровать, я вытащила сумку, оставшуюся после шопинга из любимого всеми подростками магазина в молле. Внутри находилась рубашка Рамонес, с глубоким вырезом, короткими рукавами и ассиметричным подолом – длинное по центру и короткое по бокам. Оно плотно облегало тело, и подчеркивало мою новоприобретенную талию.

Затем, я надела черные кожаные полусапожки на высоком каблуке.

Я не привыкла ходить на каблуках, так что мне пришлось поковылять в ванную комнату, чтобы сделать макияж. Как только боевая раскраска была нанесена, я знала, что мне придется выбраться из дома так, чтобы этого не видели мои родители. Мне пора идти.

Накладывание макияжа не было для меня легким делом. Однажды в высшей школе, я осмелилась спросить Мэлани Картер, прекрасную блондинку, которая посещала уроки английского и французского вместе со мной, о том, как накладывать макияж. Ее лицо было доведено до совершенства китайской фарфоровой куколки и было очень тяжело отвести от нее взгляд. Когда я спросила ее, каким образом она узнала, как правильно наносить макияж, она посмотрела на меня так, как будто я была результатом странного научного эксперимента. За ее внутренней борьбой было забавно наблюдать. Было ясно, что она не хочет быть застигнута за разговором с безымянной девушкой, какой была я, но возможность поговорить о себе была непреодолимо соблазнительной. Я, конечно же, ожидала, что она поддастся этой слабости и использовала ее для своего собственного развлечения.

— Ну, во-первых, я наблюдала за своей матерью, — наконец сказала она. — Но обычно я следую указаниям в журналах и онлайн видео уроках.

— О, — ответила я.

Она повернула эти неземные глаза, подведенные черным лайнером на меня.

— Твоя мать не носит мейкап?

— О, тонны его, но я не могу научиться многому, так как она наносит его толстым слоем штукатурки.

Я не была полностью уверенной, что Макенна знает, что такое штукатурка, но она уловила суть мысли.

— Ну, тогда, зайди в сеть и найди tutorial. Это легко, если у тебя под рукой есть вся необходимая косметика.

— Ладно, спасибо.

У меня был один из материнских номеров «Космополитан», засунутый в туалетный столик, в котором я могла найти указания. У меня было всего две помады и немного туши, которая давно засохла, так что мне предстояло совершить рейд за косметичкой моей матери. Я размазала угольно-серые и бронзовые тени по векам, затем использовала серый карандаш для век, чтобы оттенить ресницы и затем накрашила ресницы тушью. Я нанесла немного тональной основы, но она была слишком светлой, так что я подтерла большую часть ее так, как бесчисленное количество раз, делала моя мать и затем накрашила губы темно-красной помадой, покрыв ее сверху блеском. Когда я отступила от зеркала, я не могла поверить, что в отражении была я. Косметика творит чудеса. Он преобразил меня в привлекательную стерву.

Я не могла уложить волосы в один из своих двух приличных стилей – длинные и разделенные пробором или затянутые назад в свободный хвост. Так что я втерла в них немного мусса для укладки, а затем перекинула их на другую сторону лица – почти закрыв один глаз, а затем стянула их в беспорядочный пучок. Я посчитала, что стоит надеть большие серьги, чтобы оттянуть от лица часть внимания.

Теперь я была готова, оставалось только накинуть пиджак из материнского шкафа, так что ни одна часть меня не останется узнаваемой, как Джейн Джейсон. Я прошмыгнула в главную спальню и на цыпочках подошла к ее гардеробной комнате. Щелкнув выключателем, я залила гардероб ярким светом, и быстро нашла темно-синий кардиган с серебряными пуговицами. У моего отца был намного более крутой пиджак в военном стиле, но он оказался мне слишком велик. Я остановилась на свитере, желая заменить его байкерской косухой, если бы таковая была в наличии.

Оба моих родителя были в гостиной и смотрели телевизор, а я тихо скользнула мимо них, шаркая ногами так, чтобы мои высокие каблуки не цокали по плиточному полу. Я почти прошла в двойные двери арки и думала, что уже ушла, когда услышала визгливый голос матери.

— Джейн? Куда ты собралась?

Закатив глаза, я простонала, завидев, как она встала и направилась в холл. Ее глаза почти вылезли из орбит, когда она рассмотрела меня, так что, по крайней мере, это было смешно.

— На вечеринку.

Такая чистая радость полилась из ее глаз, что я почти засмеялась ей в лицо. Моя мать была популярной девчонкой в школе, так что ее вечным разочарованием стало то, что ее единственная дочь была неприкасаемой.

— Чудесно.

Она прижала свои сцепленные руки к губам.

— Ты прекрасно выглядишь. Иди, повеселись, но будь дома до полуночи.

Я проверила время на часах. Едва стукнуло семь тридцать. Да я сомневалась, что буду позже девяти, но нет никакой необходимости портить ей радость.

— Хорошо, я буду.

До дома Торреса было не больше четверти мили, и я почти уже преодолела большую часть пути. Чем ближе я подходила, тем сильнее меня сковывал страх, мои шаги замедлялись и становились все короче, и, в конце концов, я почти остановилась. Могу ли я сделать это?

Да. Ответ был да. Я могу сделать это, и сделаю. Точка.

Я помню музыку. Нирвана. Кобейн был святым покровителем всех мятежных

подростков. Я начала слышать ее по мере приближения к его собственности. Подойдя ближе, я увидела, что входная дверь была приоткрыта, услышала гремящую музыку и вылетающие оттуда голоса, почувствовала запах травки. Две девушки, что были на десять шагов ближе, чем я, вошли внутрь, и я последовала их примеру. Рассматривая переполненную комнату, я пыталась разглядеть знакомые лица. Там и тут я видела знакомых из старшей школы, но ни одного из моего класса, ни одного кого я знала лично. Они вытекали из другой комнаты и кучковались в широком, высоком фойе. Я прокладывала путь сквозь смешавшуюся толпу, пытаюсь пройти глубже в дом. Когда мне удалось добраться до гостиной, я увидела кулеры, выстроенные в ряд вдоль деревянного пола, наполненные до краев пивом и вином. Я наклонилась и схватила «Корону» прежде чем двинуться дальше.

Прямо впереди был небольшой затор. Я прошла привычной походкой мимо, заметив высокого парня в центре, который выглядел смутно знакомым. Когда я подошла вплотную к кругу, я посмотрела на них всех поближе и поняла, что ни один не был из моего класса.

Но прежде чем я смогла сделать вздох облегчения, то краем глаза увидела лицо парня в центре, когда он повернулся чтобы ответить кому-то: Мейсон Колдвелл.

В круге придворных, как и всегда.

Когда он закончил рассказывать историю, все разразились громким смехом. Я поднесла пиво к губам со слишком большим энтузиазмом, и оно полилось ручейками по углам моих губ. Я вытерла губы тыльной стороной ладони, забыв о нанесенной помаде. Полоска красного теперь украшала мою кожу, но меня это на самом деле не волновало. Я была слишком увлечена наблюдением за Мейсоном. Когда я снова посмотрела на него, я заметила, что он смотрит прямо на меня.

Меня. Мейсон Колдвелл смотрит прямо на меня. Мейсон Колдвелл разглядывает меня.

— Привет, — сказал он, приближаясь ко мне. — Я Мейсон, — добавил он немного нечетко и протянул руку.

Он меня не узнал. И он пьян. Я потянулась, чтобы взять ее, мое сердце громко билось в груди. Этот парень... Я была влюблена в него годами.

— Привет. Я... Джанин.

— Милое имя. Ты живешь неподалеку, Джанин?

— Э-м-м, да. Я сейчас навещаю кухню. А ты?

Я быстро перевела тему разговора на него. Чем меньше мне придется врать, тем лучше. Даже если он абсолютно меня не узнал на данный момент, чем меньше я скажу, тем будет лучше.

— Да, я тоже.

Он покачнулся назад, но быстро восстановил равновесие. Его глаза, хоть и затуманенные, не теряли фокуса и заставили меня поежиться.

— Ты выглядишь знакомо. Когда вы въехали?

Я вновь потянула пиво, чтобы выкроить немного времени. Как он мог меня не узнать? Я стала выглядеть настолько по-другому?

— У-м-м, около четырех лет назад.

— О, ты ходишь в Сангрихэм?

Покачав головой, я вновь отпила из бутылки. Если я буду пить, тем меньше мне придется разговаривать. Плюс, мне понадобится напиток вскоре.

— Не, частная школа. А ты? Ходишь в Сангрихэм?

— Да, хожу. Итак... ты здесь с кем-то?

Его глаза просканировали все вокруг меня.

— Нет. Я пришла одна.

— Не хочешь ли еще одно пиво, и может, мы присядем где-нибудь поговорить? Здесь так шумно и накурено.

— Да. Да, конечно.

Вот на этом месте воспоминание закончилось в тумане амнезии. Я знала, я просто знала, что это не конец истории, там есть больше, но детали отказывались всплывать из места, где они прятались. Что-то случилось потом, я знала это, и это имело какое-то отношение к инциденту в старшей школе, но я не могла распутать перекрученные воспоминания. Я попала в аварию – подождите, нет, меня сбила машина – но я практически уверена, что это случилось накануне Дня Святого Валентина, так что не могло иметь отношение к вечеринке на Хэллоуин... но мой мозг говорил мне, что это имело к нему какое-то отношение. Я просто не могла соединить точки.

Инцидент был травматичным и разрушил весь мой первый год в старшей школе.

Сулу и я пошли в кино. Там было много детей из школы – это было открытие марафона Звездных войн. Что-то плохое случилось... Я не могу вспомнить что... но что-то... и я побежала. Я выбежала прямо на дорогу. Я видела джип только секундой ранее, прежде чем он врезался в меня. Это был огромный внедорожник, и раскаленная боль от удара была невыносимой. А затем... что-то еще последовало за этим.

Что-то ужасное.

Это воспоминание несло с собой и кое-что еще: я могла ощутить тяжелую депрессию. Я чувствовала ее, эту уничтожающую печаль... она увлекла меня в психическую тьму...

Я думаю, кто-то умер. Я думаю, кто-то был убит.

Глава 21

В семь часов утра Мэл оделась для свидания с детективом Фитцгиббонсом. Для такого закоренелого альфа-мужчины – каким он был, при своих шести футах одном дюйме роста и широченных плечах – он был несколько робок, когда приглашал ее на свидание. Он заполучил ее телефонный номер в тот полдень, когда они готовили вместе чили. Его телефон начал вибрировать, и он отложил нож и вытер руки о кухонное полотенце.

— Фитцгиббонс. Да. Понял. Завтра в девять утра. Я там буду. Спасибо.

Мэл пыталась вести себя как будто она не слышала ни слова из разговора. Когда комната погрузилась в тишину, она бросила на него взгляд украдкой. Он сидел там, с широко расставленными ногами, просто изучая то, как она скользит по кухне.

— Что? — спросила она.

— Ничего. Только сейчас, когда вытащил мобильник, понял, что должен взять у тебя номер телефона. Ну, знаешь, — он ухмыльнулся, — в случае, если мне на ум придут вопросы, которые помогут в расследовании.

Она обдумала его притянутое за уши объяснение: они оба знали, что у нее больше нет никакой информации для него, но если ему нужно прикрытие для того, чтобы спросить у нее номер, так быть посему. Он позвонил ей следующим же вечером. Сегодня вечером было их второе свидание на этой неделе, на первое они пошли на джаз-представление в маленький бар на Лудлоу-стрит. Этот бар, должно быть, был единственным в нижнем Ист-Сайде, что не подвергся реконструкции. Она была впечатлена, что он любил джаз – это не вписывалось в

ее стереотипное мнение о нем. Кантри, да, но джаз оказался приятным сюрпризом.

Как только началось представление, Мэл подумала, что музыка была, вероятно, неплохой, но она была слишком сосредоточена на том, чтобы не умереть от гипотермии, чтобы уделять ему слишком много внимания. Место было абсолютно холодным, дверь продолжала открываться, впуская опаздывающих, позволяя холодному воздуху постоянно врывать внутрь.

Сегодня вечером они будут в теплом ресторане, а затем пойдут в кинотеатр. Намного лучше, ведь был уже чертов холодный ноябрь.

Роб сказал ей одеться, чтобы ей было удобно, так что она натянула узкие джинсы, новый мохеровый свитер и полусапожки на невысоком каблуке. Нанося тушь, она думала о Джейн и обо всей этой зверской истории с соседями. Тщательно крася губы между линиями контура, Мэл решила, что Джейн будет лучше продать свой дом и переехать. Нанося бронзатор, она пришла к выводу, что по *фэн-шуй* плохо иметь убийцу, живущего по соседству.

Чем ближе часы приближались к отметке семь сорок пять – времени, когда Роб должен был забрать ее – тем сильнее Мэл начинала волноваться. Когда она думала о нем, то сердцебиение зашкаливало. Кто знает? Может быть, у них что-то, да и получится. Она не была напугана тем, что он полицейский – по многим причинам. Все же, Роб имел больше плюсов, чем минусов. Для разнообразия.

Если бы не маячивший призрак расследования дела об убийстве, Мэл действительно бы наслаждалась этим знакомством, но у нее было неприятное ощущение, что Робу не нравится, или же он не доверяет, Джейн. Когда он говорил им о фотографии, найденной в комоду у Колдвеллов, это больше ощущалось как допрос Джейн.

Чтобы избавиться от дурной мысли, Мэл решила выпить бокал вина. Она была уже на пути в кухню, когда дверной звонок прозвенел дважды, как по часам. Сменив курс и направившись к двери, она открыла ее, готовая наброситься на него без предупреждения, но один взгляд на мрачное выражение лица Роба и от хорошего настроения Мэл не осталось и следа. Он выглядел... злым. Или может быть обеспокоенным. Она не знала его достаточно хорошо, чтобы определить это различие.

— Все в порядке?

Он кивнул, его губы были плотно сжаты.

— Да, конечно. Голодна?

— Умираю от голода. Куда мы отправимся?

— Тебе нравится тайская кухня?

Ее глаза расширились.

— Обожаю ее.

— Я так и думал, — сказал он, издав небольшой сардонический смешок. — Я зарезервировал нам столик в крошечном местечке в Челси. Еда там просто отличная. Ты готова?

— Ага. Позволь мне лишь взять мой бушлат.

— Итак... ты не собираешься мне рассказать что с тобой? — наконец спросила его Мэл через час, когда их ужин окончательно погряз в неудобной атмосфере.

Она не выносила обедать в такой неловкой тишине еще со времен семейных ужинов три года назад, когда ее дядя Эдди объявил, когда подали салаты, что он воспринимает себя как женщину и хочет, чтобы все звали его Алисией в будущем. Его объявление реально убило все разговоры за столом, вспоминала Мэл. Были кое-какие попытки восстановить беседу, но после каждой ремарки напряженное молчание охватывало стол.

Как только подали десерт, дядя Эдди вскочил и отправился в спальню, а затем оттуда вышла тетя Алисия в длинном платье королевского синего цвета и в пятидюймовых туфлях на шпильке. Десерт стал увлекательным для всех. Все глаза приклеились к тарелкам, они все поглощали пирог и мороженое, как будто от этого зависела их жизнь, а затем бросились врассыпную из-за стола. Мэл осталась за столом, примечая, что Алисия неровно нанесла подводку на веки и решила дать ей несколько советов как этого избежать в дальнейшем. Ее тетушка оценила совет и послала ей воздушный поцелуй над пирогом с черникой.

— Не обращай внимания, Мэлани, — голос Роба вырвал ее из воспоминаний о злополучном ужине. — Это из-за дела и ты же знаешь, что я не могу обсуждать его с тобой. Конфликт интересов.

— Ты не хочешь отклониться от этого правила, ведь мы теперь встречаемся?

— Ну да, — сказал он, накалывая брокколи на вилку, — я недавно так и поступил. — Он хмуро посмотрел на свою вилку. — Что заставляет людей есть это? Брокколи не выглядит тем, что я бы положил в рот, будь я неандертальцем ищущим пищу.

— Ты такой и есть, Роб. И я могу услышать продолжение разговора?

Он фыркнул.

— Любители природы. Я говорил, что мой младший брат попал в переделку, и мне пришлось бросить дело, чтобы соблюсти конфликт интересов. Я не могу сделать это снова... не так быстро после... или это будет выглядеть странно.

Неважно, ей все еще было необходимо знать, что так укусило его за зад. Он появился у нее дома хмурым, и это нисколько не изменилось, пока они пили пиво и ели. Что происходит? Она беспокоилась за Джейн. Мэл сжала губы, пытаясь найти выход из сложившегося тупика.

— Что может случиться, если ты мне расскажешь, а я буду молчать? Ничего, верно?

Он оторвал взгляд от тарелки, его глаза выглядели злыми.

— Проблема возникает оттого, что ты можешь не удержать свой рот на замке и я...

— Я буду молчать, чтобы защитить тебя, — вмешалась она. — Зачем бы я стала намеренно саботировать твою работу?

— Не мою работу, Мэлани, а мое дело. Тебе действительно надо спрашивать меня почему?

— Да, мать твою, мне нужно, Роб, — выплюнула она его имя.

Он нахмурился, качая головой, прежде чем отрезать:

— Чтобы помочь твоей подруге. Зачем же еще?

— Моей подруге? Джейн? — Он посмотрел на нее просто враждебно. — Зачем бы Джейн понадобилась моя помощь? Она в беде?

Он отложил вилку, его губы вытянулись в тонкую линию.

— Очень может быть. Слушай, это все что я могу сказать. Можем ли мы просто приятно поужинать и насладиться прекрасным вечером?

— Чувак, это ты испортил этот вечер. Либо перестань быть таким мрачным и может вечер еще будет прекрасным. Это всего лишь наше второе свидание, бога ради. Оно не сулит

нам будущего, — добавила она шутливым тоном, но правдивость ее слов поразила ее. Ей нравился Роб, ее очень сильно влекло к нему. Прошлым вечером ее единственной мыслью было затащить мужчину в постель, и пока он будет врываться в нее, держаться за его плечи. Это было бы хорошо. Она уже знала, что он упакован чем-то бóльшим, чем его пистолет. Потому что когда они целовались на прощание на их прошлом свидании, Мэл могла ощутить его жесткость сквозь ткань джинсов.

Ощущалось чем-то очень существенным.

Она хотела Роба и чтобы их отношения развивались дальше. Может ей стоит напоить его? Хотя пьяный и коп может быть не самым умным сочетанием. Но довольно возбуждающим...

— Поехали ко мне вместо кино. Я приготовлю нам по чашке ирландского кофе, и мы можем посмотреть старую кинокартину. Как тебе такой план?

Ах, если бы желания исполнялись... и ей, наконец, удалось заставить его улыбнуться.

— Звучит замечательно, Мэл. Давай так и поступим.

Они сидели, касаясь бедрами, на ее большом полукруглом диване, что занимал всю ее небольшую гостиную, потягивая крепкий ирландский кофе. Мэлани плотно налегала на виски, добавив его в кофе без кофеина, так что теперь они не будут на ногах всю ночь. Сверху она добавила взбитые сливки и корицу. Затем пошарилась в своих кассетах в поисках легенького фильма. Так получилось, что фильм «Это случилось однажды ночью» стал победителем. У нее было такое ощущение, что Роб любил черно-белое кино.

Мэл подняла кружку и поднесла ее к губам. Жар скользнул по горлу, как от температуры кофе, так и от виски в нем. М-м-м, она смешала их в идеальных пропорциях. Два года в качестве бармена в многолюдном баре Вильямсбург приносило плоды и сейчас, годы спустя. Приободренная жидкой смелостью, она поставила напиток на стол и придвинулась ближе к Робу. Свернувшись у него под боком, скользнула рукой к его паху. Легкое прикосновение вызвало мгновенную реакцию, его тело дернулось от внимания, и Роб внимательно посмотрел на нее. В его глазах она увидела огонек удивления.

— Что? — спросила она невинно.

— Ничего... просто не ожидал, что ты так далеко зайдешь. — Он приподнял брови. — Мы же только недавно встретились.

— Ну, я не хочу замарать вашу добродетель, детектив Фитцгиббонс; однако, я не соглашусь, что мы только встретились. Мы уже два раза ужинали и ходили вместе на шоу. Плюс, смотрим черно-белую винтажную комедию. Но если вы считаете, что все происходит слишком быстро...

Она ждала, что он сразу же вмешается в ее речь и не согласится с ее последним комментарием, но он этого не сделал. Он не хочет переспать с ней?

В ней пробудилось ужасное чувство и стало распространять свои ядовитые щупальца по всему организму. Она ощутила потребность в движении и отодвинулась от него, наклонившись к кофейному столику, снова потянулась к своему кофе. Ощущение, что ее отвергли, смешалось с каплей паранойи. Может он лишь использовал ее, чтобы получить больше информации по делу? Это кажется бессмысленным, ведь она не знала Колдвеллов. Но он определенно не вел себя как заинтересованный мужчина, а Мэл еще ни разу не

отказывали в сексе. Это было...

Его голос пробился сквозь ее эмоциональное расстройство, прерывая царивший в ее голове хаос:

— Мэл, меня несколько смущает эта ситуация. Я несколько обеспокоен, ты знаешь? О том, какой оборот это все примет.

— Ага.

Ее голос был лишенным эмоций, и она ничего больше не сказала, просто остановила фильм и ждала, когда он заговорит, скажет что-нибудь, чтобы прервать этот затянувшийся неудачный вечер и уйдет. Но он не сделал никакого движения, чтобы уйти, поэтому с дивана встала она и взяла почти полные стаканы, чтобы отнести на кухню, задержавшись там и надеясь, что к тому моменту как она вернется, Роба уже не будет.

Но он не ушел. Мужчина все еще сидел на диване, уперев локти в колени, с непроницаемым выражением лица. Она просто стояла там, в шести шагах от него не желая приближаться ближе. Для Мэл отвержение было тем типом инфекции, которую она старалась избегать любой ценой. Она не ощущала эту мерзкую эмоцию так уж часто, но за свою жизнь испытала ее достаточно, чтобы держаться от нее на расстоянии, как только предвидела ту на горизонте. Только два чувства были хуже этого – потеря близкого человека из-за смерти или ощущение предательства от измены любовника.

Сейчас у нее что-то скрутилось в животе. Единственным способом, которым можно было от этого избавиться, это выпустить на волю праведный гнев, но ему еще нужно время, чтобы закипеть.

Она покусала губу, гадая, что же ему сказать. Он действительно хочет досмотреть кино? В конце концов, она присела обратно, держась на расстоянии от него, но не включила кино снова.

Он оставался неподвижным, только поднял глаза, чтобы внимательно всмотреться в ее, ища... она не знала что. После минуты показавшейся часом, он спросил:

— Может, мы просто закончим смотреть фильм? Я хочу знать чем там дело закончится, — добавил он со слабым смешком, но не получил никакой ответной реакции. — Я все еще пил кофе, пока ты не схватила и унесла его у меня.

— Он все еще на кухонном столе, если ты его хочешь. Я просто подумала, может быть, мы на сегодня закончили. Наша встреча шла по наклонной с тех пор, как ты появился на пороге.

— Почему? Я думал, мы расслаблялись, наслаждались компанией друг друга. По крайней мере, я так и делал, — вздохнув, он похлопал пустое место рядом с ним, — иди сюда. — Когда она не двинулась, он схватил ее за руку и потянул. Мэл позволила себя притянуть. — Посмотри на меня, пожалуйста.

Он использовал свой коповский голос, тот командирский тон, который гражданские игнорировали к собственной глупости. Несмотря на свои намерения, она подняла глаза, но ее губы оставались сжатыми – как портал, который удерживал все слова внутри. Если она будет держать их запечатанными, из нее не вырвется ничего, что она не хотела бы сейчас говорить.

Он потянулся к Мэл своими большими руками, чтобы взять ее за лицо, а она сразу же схватила его за запястья, пытаясь убрать его руки. Но Роб был в десять раз сильнее и не позволил ей оттолкнуть их.

— Слушай меня. Ты мне нравишься, и я нахожу тебя крайне привлекательной. Я думаю,

что ты ощутила, насколько привлекательной я тебя нахожу, Мэлани. Проблема в том, что я не хочу начинать физические отношения с тобой прямо перед тем, как нам придется прекратить видеться. Это будет нечестно по отношению к тебе и по отношению ко мне. А это начало выглядеть так, как будто я должен буду обрубить наши контакты на какое-то продолжительное время... пока это дело не будет закончено.

— Почему?

— В основном, потому что ты близкая подруга женщины, которую я могу арестовать по обвинению в убийстве.

Мэлани втянула воздух, ее глаза потемнели.

— Что? Почему? Джейн ничего не делала.

Роб ответил не сразу. Мэлани смотрела, как у него ходят желваки. Мужчина опустил руки, сжал губы в тонкую линию, его челюсти стали напряженными, и выдохнул через нос. Недовольство или осуждение? Она не хотела слышать, что он скажет следующим, но он все равно это сказал.

— Все начинает указывать на нее, Мэл. Это все, что я могу сказать сейчас. На самом деле, если я являюсь ведущим детективом по делу и встречаюсь с лучшей подругой подозреваемой... ну, я не смогу усидеть на двух стульях. Это навредит моему делу или навредит тебе... или что более вероятно обоим. Здесь не может быть победителя, Мэл. Если только ты не захочешь прекратить общение с Джейн, то я не смогу найти способ продолжать с тобой встречаться. Ты даже не знаешь эту леди так уж долго, Мэлани. Я обеспокоен тем, находишься ли ты в безопасности рядом с ней, пока мы не сможем определено исключить ее из числа подозреваемых – а в последнее время мы вряд ли теперь сможем это сделать.

— Ты и вправду веришь, что Джейн может причинить мне вред? — с недоверием спросила Мэл.

Его густые брови приподнялись, а в глазах зажегся свет.

— Да, я верю. Почему бы и нет?

Он откинулся на диван и закинул ногу на колено.

— Что ты имеешь в виду, говоря, почему бы и нет?

Сжав зубы, он одарил ее нечитаемым взглядом.

— Не так уж и невероятно, что Джейн может быть виновной или же организатором убийства... и если она посчитает, что у тебя есть какие-либо доказательства ее причастности или ты могла что-нибудь видеть... — он покачал пальцем перед ее лицом. — Ты хочешь знать, как выглядит зло? Позволь мне рассказать тебе, что ждало мать Кейт Колдвелл в морге, Мэлани. Ее дочь была красивой молодой женщиной. Она могла бы украсить обложку любого журнала. Квинтэссенция красоты девушки-соседки. Все что осталось на стальном столе для опознания, было телом с одутловатой серой кожей и растекшимися мозгами. Повреждения мозга затронули ее лоб и глаза, все это заставило ее выглядеть так, что матери Кейт стало плохо.

Рот Мэл приоткрылся от красочного описания, но его это не остановило. Ее реакция даже подхлестнула его продолжить.

— Экспансивная пуля вошла в ее мозг, максимизируя повреждение тканей. Такой тип пули никогда не имеет выходного отверстия – или же крайне редко – так что весь беспорядок остался внутри, вызывая гидростатический шок. Можешь ли ты представить себе всю эту энергию, взорвавшуюся, но сдерживаемую в чей-то голове? — он замолчал на миг, затем продолжил, — и еще, ее прекрасный прямой нос оказался сильно поврежден от

посмертного падения. Он был свернут на один бок и забит кровью. Очевидно, сердце все еще продолжало качать кровь, после того как ее мозг был уничтожен. Бедная мать – поначалу она была убита горем, и это естественно. Но увидев свою дочь, которая выглядела совсем на себя не похоже... она была так деформирована... это сокрушило ее. Просто задумайся об этом на секундочку. Когда ты находишься так близко и так лично знаком с последствиями этих преступлений, становится очень трудно симпатизировать виновной в этом личности. Очень, мать твою, трудно.

— Но Джейн не виновата в этом, Роб. То есть, этого просто не может быть. Она хороший человек.

Хоть Мэл и пыталась говорить с яркой убежденностью, вместо защищающегося тона, даже она могла слышать нотки неуверенности в своем голосе. Это ощущалось как сражение... в котором девушка воспринимала Роба как противника.

Его зеленые глаза сверкнули, в то время как он придвинул лицо ближе к ней. Слишком близко.

— Ты не знаешь этого наверняка. Фактом является то, что твоя подруга находится под следствием как вероятный заказчик жестокого убийства. Если она виновна, тогда она не такой уж и хороший человек.

Мэл выдохнула, выпустив весь воздух из легких. Утомленная разговором, она эффектно завершила его тем, что отказывалась произносить хотя бы звук. Роб наконец-то вернулся на свое прежнее место, присел на краешек дивана, нервно дергая ногами. Она видела искру в его глазах, ждущую нового возгорания, бросающую ей вызов продолжать с ним спорить. Мэл отказала ему в этом удовольствии. Вместо этого, она взмахнула в воздухе руками.

— Неважно. С меня хватит разговоров на эту тему. Давай просто досмотрим фильм.

Сядясь рядом с ним, но в миллионе миль от него, Мэл варилась в своем собственном соку. Хоть мысль о том, чтобы отказаться от Джейн, когда та в ней больше всего нуждалась, даже не рассматривалась – и он должен знать это – они все равно продолжили проводить вместе свой дерьмовый вечер. Она принесла обратно кофе – на самом деле сделала новый – и они, молча, досмотрели остаток фильма.

К тому времени как пошли титры, Мэл уже выпила изрядную порцию виски, но этого не было достаточно, чтобы ее перестал раздражать большой парень, сидящий с ней рядом. Когда Роб встал и потянулся, Мэлане поднялась с дивана, чтобы его проводить, в нетерпении желая остаться одной. Вместо того чтобы направиться к двери, его рука обвилась вокруг ее талии и он притянул ее ближе к себе. Другую руку расположил на ее заднице, прижимая к своей эрекции и потираясь ей об ее тело.

— Если ты хочешь чтобы это произошло при таких гребаных обстоятельствах, то я пожалуй согласен.

— П-ф-ф. Как благородно... и романтично, — выдохнула она, посмотрев на него.

Но он не ждал ее одобрения; его губы начали прокладывать дорожки вверх и вниз по шее, горлу и за ухо, посылая мурашки по ее спине.

— Если хочешь, чтобы я остановился, — пробормотал он рядом с ее кожей, — скажи мне сейчас.

Слово «уходи» лежало на кончике ее языка, готовое сорваться, и Мэл так отчаянно желала его произнести, сказать ему, чтобы он ушел – она была раздражена, ей было больно, и она хотела отплатить ему за его предыдущий отказ и за то, что обвинял Джейн в чем-то столь ужасающем. Но она ждала его на протяжении нескольких дней, мечтая о том, чтобы

заняться с ним любовью... изучить его мускулистое тело и облизать каждую татуировку на его золотистой коже.

Так что... дух владеет над разумом, и она проглотила свою гордость всего на одну ночь, надеясь, что это не повлечет за собой серьезных последствий, и позволила ему отвести ее в спальню.

Глава 22

Шум от тяжелого удара, впоследствии сопровождаемый звуком, как будто что-то катится по жесткой поверхности в квартире сверху, бесцеремонно вырвал Мэлани из сна следующим утром. Она села, потирая глаза, и как только туман Морфея рассеялся, сразу вспомнила детали прошлой ночи. Посмотрев вниз на постель, девушка увидела своего сексуального копа во всей его обнаженной красе, спящего рядом с ней, лишь частично прикрытого простыней. Как он может спать при таком грохоте? Мэл посмотрела на потолок. Они что катаются там на роликах?

Она несколько минут наблюдала за тем, как он спит, изучая его черты. Надбровные дуги Роба выступали над почти совершенным носом, высокими скулами и полными губами. Но, несомненно, именно его подбородок более чем что-либо другое делал его мужественным. Он был на загляденье квадратным.

— Черт, — пробормотала она, — он великолепен.

Мысль о том, чтобы нащелкать грязных фото с его участием, наполнила ее разум, но она оставила свой телефон в гостиной... плюс, он может это не оценить. *Но черт*, подумала она, с весельем приподняв уголок простыни, чтобы полюбоваться им, какой соблазнительной была мысль щелкнуть несколько снимков для потомков.

Роб поддерживал себя в отличной форме, будучи как эффективным копом, так и совершенно неотразимым в глазах всех женщин. Он, вероятно, мог запугивать преступников, просто выпрямившись и стоя в полный рост, сцепив руки на груди. В отличие от других женщин, Мэл даже думать не хотела о том, сколько интересных предложений, в среднем, он получает за день. К счастью, как детективу, ему не приходилось ходить в униформе, а то это было бы вообще убийственно. Мэл знала, что шлюховатые женщины и горячие мужчины в униформе были как арахисовое масло и желе.

Пока она была занята тем, что смотрела на детектива Фитцгиббонса, воспоминание об их вчерашнем разговоре беспокоило ее разум. Почему он думает, что Джейн виновна в убийстве? Она даже не знала Колдвеллов – по крайней мере, до последнего времени. Каким мог быть ее мотив? То, что она бегала за ним в старшей школе, и тут вдруг решила избавиться от его жены?

Конечно, такое могло произойти... но это было смехотворно. У Джейн было многое – отличная работа, деньги в банке, молодость, а теперь она еще и сбросила весь этот вес, стала красивой. Зачем ей рисковать всем этим, чтобы сделать что-либо такое безумное ради мужчины, который даже ее не знал? Она должна быть абсолютной психопаткой.

А Джейн не была безумна. Мэл конечно же бы заметила в ней эти признаки. Ведь заметила бы? За два года, что Мэл знала Джейн Дженсен, самое плохое, что она могла сказать о ней, было то, что у той не было чувства стиля, и она была склонна к интроверсии. Ничего такого, что вызывало бы тревогу.

Но все же должна быть некая причина, по которой полиция начала подозревать ее. Мэл

так хотела узнать, что же это, но не могла скомпрометировать Роба. Девушка снова посмотрела на него. В ее груди что-то сжалось от мысли, что она больше никогда его не увидит. Это была, как он ясно дал понять, ситуация где не может быть победителя. Роб, должно быть, проанализировал ее с каждого угла гораздо ранее, чем упомянул это в разговоре с ней.

Бл*ть.

Она даже не могла предупредить Джейн, потому что ведь это будет именно тем, чего опасался Роб. В действительности, он поставил ее в дерьмовую ситуацию, раскрывая то небольшое, что мог себе позволить. Но не мог же он думать, что Джейн убила Кейт Колдвелл из-за школьного увлечения? Мысль была абсурдной.

Копы должны были знать, что-то плохое, что-то гораздо серьезнее, чего не знала она, но Мэл имела странное ощущение, что бы это ни было, ей не захочется это знать.

Посмотрев на часы на прикроватном столике, она поняла, что до того как прозвенит будильник Роба осталось четыре минуты. Это было так чертовски раздражающе... даже не иметь возможности вернуться снова ко сну.

Она все равно закрыла глаза и уже почти засыпала, когда раздался громкий звук, напоминающий удар хлыста. Какого х*я? Там, что, бл*ть, живет еб*нутая доминатрикс?

Опять же, коп продолжал спать, несмотря на этот шум и безобразие. Бедный болван из квартиры сверху, подумала Мэл. Почему он это терпит... даже желает этого? Каких придурков только не бывает...

Может ей стоит отправить туда Роба? Может женщина вобьет в него немного здравого смысла за нее. Помимо этого, лишь шоппинг сможет поднять ей настроение.

Терапия покупок всегда с этим справлялась. Она помогала пережить многие несправедливости мира, а алкоголь заботился об остальных.

Но она не могла примириться с этим. Обвинения Роба против Джейн имели следующий эффект: она начала опасаться Джейн и ненавидела себя за это.

Глава 23

В его, все еще погруженной во тьму, спальне Мейсон проснулся дезориентированным и вспотевшим. Ему снова снилась Кейт. Стирая пот с бровей тыльной стороной ладони, он, наконец, признал тот факт, что скучал по ней. Он даже скучал по ее тупой собаке. Если бы кто-то сказал ему несколько месяцев назад, что он будет так себя чувствовать, он бы рассмеялся в лицо идиоту. Но не сейчас. Кейт вторгалась в его сны почти каждую ночь – преследуя его, без сомнения.

Он потянулся, чтобы повернуть к себе часы и посмотреть время. Пять тридцать утра. Ему не надо вставать раньше восьми. Вообще-то, ему не обязательно было вставать вообще, ведь начальником у него был его кузен. Мейсона мог прийти, когда сочтет нужным. Кроме того, все хотят быть помягче с человеком, чью жену не так давно хладнокровно убили.

Его глаза горели, аллергия, без сомнения, и он потер их кончиками пальцев и наконец, сел в постели, отбрасывая итальянскую простынь из восьмисот волокон со своего тела. Кейт имела тягу к хорошему постельному белью, и кровать была завалена многочисленными напоминаниями ее потворства слабостям. Может быть, ему стоит встать и принять душ. Или пойти в спортзал?

Джейк не будет возражать, если он вообще не придет на работу – он всегда прикрывал

его, всегда помогал ему, когда нужно было отлучиться. Но никто ничем не сможет помочь с Кейт. Она так далеко ушла, и было неизбежным, что подозрения падут на него. Не попасть в тюрьму стало главной целью Мейсона. Он скрестил пальцы, чтобы полиция не вышла на след его внеклассных занятий.

Он вспомнил последний раз, когда видел свою жену, прямо перед тем как уезжал в командировку. Придя домой рано в тот день, он пошел искать Кейт, которая была в кабинете, говоря с кем-то по телефону на повышенных тонах. Когда он вошел, она вздернула голову, и выражение ее лица было смесью тревоги и вины. Она выглядело вообще-то очень виноватой.

— Что такое? — спросил он. — С кем ты говоришь?

Она покачала головой и ответила по телефону.

— Мне пора идти. Мы должны сделать это в следующий раз. Да. Верно. Прощай.

Он мог слышать голос другого человека – мужчины – протестующего, в то время как она прервала связь. Кейт изменяла ему? Это было бы уже слишком.

Стирая с лица все следы беспокойства, Кейт вскочила с дивана и направилась к нему.

— Привет, что ты так рано делаешь дома?

Прежде чем он мог ответить ей, она обвила свои длинные руки вокруг его шеи и поцеловала. И как всегда, этим обезоружила. Держа руки на ее узких бедрах, он отклонился назад и посмотрел на свою жену. Кейт была безупречно одета в любой ситуации, но в этот день она была одета просто убийственно – во все черное и облегающее. Штаны, рубашка – все шелковое – и на высоких каблуках. Шпильках.

— А почему ты спрашиваешь? Я чему-то помешал?

Ее щеки заалели.

— Нет, просто бизнес-разговор. Кстати, — сказала она, отходя от него на шаг, — звонила какая-то женщина, назвавшаяся Тесс Гарднер. Дважды. Сказала, что ты знаешь кто она.

Ее голубые глаза не выражали никаких эмоций, уставившись на него. Даже бросая ему вызов.

Мейсон искусно улыбнулся ей. Она аккуратно перевела тень подозрения на него. Знала ли она о его бесконечной интрижке с Тесс? И он ответил ей обыденным голосом.

— Конечно, я знаю кто такая Тесс. Она была моей любимой школьной подружкой, пока окончательно не помешалась на мне. Оставила дохлую крысу в шкафчике моей новой подружки.

— Оу, — она отодвинулась еще чуть дальше. — Очень приятно знать, что у тебя есть безумная преследовательница, Мейсон. Собирается ли она теперь заняться мной?

— Я всерьез сомневаюсь в этом, Кейт. Это было так давно. С тех пор она успела выскочить замуж и развестись.

Ее глаза сощурились в этой присущей только Кейт манере – том выражении, что казалось, говорило, ты полон дерьма, и она это точно знает. Она мотнула головой, перекинув свои золотистые волосы через плечо, где они послушно и остались.

— Что ей от тебя понадобилось?

Мейсон имел свои собственные запатентованные выражения лица и использовал одно из этого арсенала – свое искреннее лицо: выгнутые дугой брови, губы сжатые вместе. Он держал его на лице какое-то время, а затем мягко покачал головой.

— Мы друзья. Я натолкнулся на нее недавно, и она рассказала мне о собственности, в

которой я и Джейк можем быть заинтересованы. Ничего больше, детка.

— Х-м-м, — протянула она, ознаменовывая конец разговора, но при ее саркастическом тоне, это стало более походить на обвинительный акт, чем на задумчивость. — Итак, — она подошла снова ближе и, поправив его галстук, спросила, — чему я обязана удовольствию от твоей неожиданной компании?

— У меня был легкий день. Я думал прийти домой и отдохнуть. Я встречаюсь с отцом за выпивкой позже.

— О, это мило. Что насчет ужина?

— Давай куда-нибудь выберемся. В какое время тебе удобно?

— Я сегодня не работаю; у меня была встреча ранее, а сейчас я всего лишь делала несколько телефонных звонков. Когда закончишь встречу с отцом, позвони мне, и я встречу с тобой, где тебе будет удобно.

— Звучит замечательно.

— Кстати, — сказала она, проведя заточенным ноготком вниз по лицу в острой ласке, — не забудь, что мы идем на балет послезавтра.

— Не забуду. Я вернусь из поездки после обеда, ранним вечером на худший конец. Занавес в восемь, верно?

— Да. Что ты наденешь?

Кейт всегда беспокоилась о том, чтобы он не смутил ее своими несовершенными портняжными вкусами.

— Я отнес мой темно-синий костюм в химчистку. Он будет готов к завтрашнему дню. Если ты сможешь забрать, то одену его. Тебе нравится тот костюм.

— Темно-синий от Армани? Да, — сказала она, улыбнувшись, а ее глаза блеснули. — Он мне нравится.

Затем последовал фантастический секс тем днем после обеда. Она потащила его вверх по лестнице, держа за галстук, и толкнула на кровать. Кейт всегда была доминантной в постели, вот почему они часто сталкивались – Мейсон тоже любил вести в постели. Два альфы не могли мирно уживаться в постельной жизни, хотя секс всегда был обжигающе горячим.

Следующим утром он уехал в аэропорт и больше никогда не видел ее живой. В действительности, сославшись на свой больной желудок, ему не пришлось видеть ее снова. Ее мать неохотно согласилась опознать тело в морге, спасая Мейсона от этого зрелища, что уж точно въелось бы ему в мозг.

По крайней мере, в его снах, она была все еще совершенной.

Глава 24

Застравший в медленно движущемся трафике час пика, Роб мыслями вернулся к последним двадцати четырем часам. Вчерашний день начался дерьмово, но он утешал себя тем, что вечером у него свидание с Мэл. Затем даже оно оказалось испорченным. Но ведь ему удалось спасти их свидание в конце, так? И как же приятно закончился день.

Свидание стало жарким, по той причине, что он не хотел переставать встречаться с Мэл. Роб должен был признать, что было тупо связаться с кем-то так близко находящимся к центру в расследовании убийства. Также он знал, что ему не удастся убедить девушку бросить свою подругу – Мэл была слишком хорошим человеком, чтобы сделать это. Но черт,

Роб нутром чуял, что Джейн Дженсен причастна к убийству. И... он не только хотел продолжать видеть Мэл, но также хотел убедиться, что она в безопасности. Если мисс Дженсен способна нанять киллера, чтобы убить кого-то, на что еще она способна?

Громкий гудок раздался позади него, и Роб, вырвавшись из раздумий, увидел, что трафик снова пришел в движение. Да, он должен был быть внимательнее, но это не значило, что ему не стоит выйти из машины и не покошмарить идиота, что нажал на гудок. Мужчина подавил это желание и поехал, потому что уже опаздывал на встречу с напарницей.

Когда ему выделили в качестве напарницы Кельвин, он не был счастлив. Совсем нет. Это было не из-за того, что она женщина, сказал он себе. Она была достаточно жесткой, несмотря на свои малые габариты. Роб чувствовал себя неуютно рядом с ней, не только из-за того, что Кельвин была активной лесбиянкой. Он бы рухнул, ударь его даже перышком, когда увидел как она смотрела на того красавчика в офисе Кейт Колдвелл. Теперь он понятия не имел, какой сексуальной ориентации она была, но быстро понял, что это не имеет значения. Кельвин была отличным партнером, великолепным детективом и прикрывала ему спину. Это все, что имело значение.

Почти час спустя, он завернул на место рядом с «Маслкаром» Кельвин. Она была снаружи авто, прислонившись спиной к водительской дверце, с перекрещенными на груди руками. Раздражена, вне сомнения. Он приоткрыл окошко, а она положила руки на крышу и наклонилась.

— Какого черта, Фитцгиббонс? Ты, бл*ть, опоздал.

Роб фыркнул.

— Спасибо, Капитан Очевидность. Я застрял в пробке, ничего нового. Куда мы отправимся сегодня?

Она пожалала плечами, нажав на брелок, заперла свою машину и села к нему на пассажирское сидение.

— Я думаю, нам надо больше поговорить с друзьями Мейсона.

— Плезантвилль?

Кельвин кивнула.

— Да, но сперва кофе.

— Ты его получишь.

Роб перевел внимание на дорогу, пытаясь продумать лучший маршрут в это время дня. Как только они были на Сомилл, он взглянул на Кельвин.

— Думаешь, мы скоро раскроем это дело?

— Надеюсь на это. На моем столе стоит стопка дел выше меня ростом. Мы слишком много часов тратим на это дело.

— Согласен. Меня уже тошнит от него. Я думал, оно будет сразу же раскрыто и закрыто.

— Да, но нам так не повезло.

Он почувствовал жар ее сосредоточенного взгляда.

— Что?

— Ты все еще видишься с подружкой?

— Да. Я сказал ей прошлой ночью... выдал ультиматум. Либо она прекращает свою дружбу, либо больше меня не увидит. У меня отвратительное ощущение, что Мэл избавится скорее от меня, чем от Дженсен.

— Х-м-м. Вероятно. Ну да ладно, легко пришла, легко ушла.

Он вскользь посмотрел на нее.

— Не так уж и легко, Кельвин.

— Нет.

— Нет, она мне нравится.

Они ненадолго замолчали, и вождение успокоило волнение, что Роб ощущал с самого вчерашнего утра. Ему практически было жаль, когда они достигли точки назначения. Он завернул на съезд с автострады и повернул к деревне, не строя планы дальше, чем на несколько следующих часов.

— О, сверни-ка в это место, Фитц. Мне нравится здешний кофе.

Первый глоток крепкого, горячего кофе начал восстанавливать его душевное равновесие почти мгновенно. Поразительно, какой целебной может стать эта первая чашка.

— Итак, сколько у нас на сегодня дел?

— Три, может четыре. Я хочу также поговорить и с друзьями Джейн Дженсен, если мы сможем их найти. Может снова с родителями Колдвелл? Посмотрим, как пойдут дела.

Роб сузил глаза.

— Кто конкретно тебе нравится на данный момент?

— Я не знаю, Роб. Я разделяю твои подозрения по поводу Джейн Дженсен, но я сосредоточена на Колдвелле. Если это он, я сомневаюсь, что он будет в тайном сговоре с Дженсен. Просто в голове не укладывается, что он променяет свою жену на нее. Никак не укладывается.

— Да, я слышал тебя. Затем же тут могут быть замешаны и три сообщника. Кто знает? Если мы найдем одного, мы, вероятно, узнаем и о других, если они есть.

— Я ставлю на мужа.

Роб засмеялся.

— Почему меня это не удивляет? Ты всегда ставишь на мужа, Кельвин.

Теперь усмехнулась она.

— Теряюсь в догадках, почему это так, — Кельвин указала направо. — Поверни на эту улицу. Это короткий путь к нашему первому сбору показаний.

— И кто же это?

— Мы начнем с парня по имени... — она посмотрела на свой блокнот. — Тодд Теннент, старый футбольный приятель Мейсона. Завтра у нас назначена встреча с его кузенком Джейком Эмерсоном и его родителями. Итак, сегодня, может со старыми подружками Мейсона? Я говорила с одной из них вчера. Тесс Гарднер. Если уж мы сюда приехали, давай узнаем, сможем ли мы откопать кого-либо из друзей Джейн Дженсен. Будем действовать по обстоятельствам. — Кельвин повернула голову к нему вопросительно. — Тебе подходит?

— Да, давай сделаем это, сладкие щечки.

Ему даже не надо было смотреть, чтобы знать, что она одарила его грязным взглядом.

— Скажи это еще раз и лишишься яиц.

Роб глубоко рассмеялся. Он любил дразнить ее.

— Ты же не сексуально домогаешься меня, верно?

Кельвин сгримасничала.

— Ни за что. Я со всем справлюсь сама, так что приглядывай за своей задницей, приятель.

— Так и поступлю. Теперь пошли ловить мерзкого убийцу.

— Ладно. Сперва Теннент. Затем Тесс Гарднер. Пошли.

Тесс Гарднер была не такой, какой ее ожидал увидеть Роб. Он вычислил, что все бывшие Мейсона были блондинками типа барби-долл. Тесс была совсем другой. Тонкая, бледная, рыжая, с гигантской грудью, которая выглядела так, как будто вывалится в любую минуту. В старшей школе, прежде чем она отрастила свои формы, она, вероятно, выглядела как жеребенок – одни ноги и долговязая фигура. Множество веснушек. Не тот тип девушки, на который обратит внимание Мейсон. Опять же, раньше она могла быть попышнее – и знала, как пользоваться тем, чем наградил ее бог. На ней было надето зеленое облегающее платье, с расстегнутой молнией на не совсем приличной высоте. Выглядело так, будто под платьем у нее ничего нет, кроме откровенного бюстгальтера без бретелек – этот бедный хрупкий бюстгальтер должен был удерживать то, что выглядело как богом данный восьмой размер.

Близилась сумерки, когда они постучали в дверь большого белого дома в колониальном стиле с черными ставнями, и им открыла устало выглядящая молодая женщина в синих джинсах и потертой черной футболке с Перл Джем.

— Можем ли мы поговорить с Тесс Гарднер? — спросила ее Кельвин.

Та наклонила голову набок и повысила голос.

— Тесс? Тут к тебе пришли люди.

Кельвин подошла ближе к порогу, так чтобы не смогли закрыть дверь, если что, старый коповский трюк.

— Вы ее родственница?

— Она моя сестра.

— Сейчас спущусь, — они услышали, как раздался голос.

Роб взмахнул перед ней значком.

— Можем ли мы зайти, пожалуйста?

Она какое-то время разглядывала значок, а затем повернула покрасневшие глаза к Кельвин и подождала. Раздраженная Кельвин достала свой значок и показала его женщине. Только затем та отступила и позволила им войти.

Она провела их в гостиную.

— Присаживайтесь. Моя сестра скоро спустится. Она готовится к свиданию.

Роб одарил ее долгим взглядом.

— Хорошо, благодарим вас.

Прежде чем занять предложенное место, он осмотрелся вокруг. Комната была красивая, в хорошем состоянии, но мебель выглядела потрепанной. Тут было несколько прекрасных античных вещей, вперемешку с более современными. Но вместе они заставляли выглядеть комнату уютной. Той комнатой, в которой живут. Роб одобрил помещение и выбрал боковое кресло перпендикулярно расположенное к дивану.

— Тесс, — снова прокричала женщина, ее пронзительный голос заставил Роба и Кельвин вздрогнуть. — Не притащишь ли свою задницу сюда вниз. Люди ждут.

— Джо?

— Нет. Офицеры полиции.

— Офицеры полиции?

— Да. Я так и сказала.

Минуту спустя они услышали стук высоких каблуков по деревянной лестнице. Цок, цок, цок. Затем они увидели ее.

Женщина грациозно вошла в комнату, протянув руку, сначала Кельвин, а замет Робу. Они встали и пожали ей руку.

— Привет, я Тесс Гарднер. Извините, что заставила вас ждать.

— Нет проблем, мисс Гарднер, — начал Роб, — мы не займем слишком много вашего времени. Нам всего лишь нужно задать вам несколько вопросов.

— О чем?

— О Мейсоне Колдвелле.

Она кивнула и энергично заняла место на краешке дивана.

— Пожалуйста, присаживайтесь.

Роб оценивал ее, пока Кельвин начала задавать вопросы. Она собрала свои блестящие красные волосы в пучок чуть ниже затылка. Черные лакированные невидимки удерживали его на месте. Тесс была одета в платье цвета яркого изумруда, который обыгрывал ее огненно-рыжие волосы. Ее туфли были из черной кожи и на шпильках. Она выглядела как горячий секс на высоких каблуках.

Очевидно, женщина собирается на выход и Роб жаждал посмотреть с кем, если сможет растянуть процесс с задаванием вопросов на достаточное время. Он вернул внимание к интервью, как раз к тому моменту как Кельвин задала ей вопрос о Кейт Колдвелл.

— Вы когда-нибудь встречали его жену?

— Нет, я знала лишь те крохи, что Мейсон говорил мне о ней.

— Так значит, вы разговаривали с ним не так давно?

— О, да. Мейсон и я оставались друзьями как в колледже так и после.

— Просто друзьями?

Она облизнула губы.

— Хорошими друзьями, да.

— Позвольте мне быть ясной. Были ли у вас интимные отношения с Мейсоном Колвеллом за прошедшие пару лет?

Она слегка заколебалась.

— Да.

— Когда именно?

Смахнув невидимую пылинку с юбки ее платья, она пробормотала ответ таким тихим голосом, что он был еле слышен.

— С начала и до конца. Всегда.

— Так значит и после того как он женился?

Она наморщила носик, как будто пытаюсь вспомнить, но Роб на это не купился.

— Я думаю, мы могли провести один вечер вместе после того как он был женат, но мы часто разговаривали по телефону. У нас были общие бизнес-интересы. Я вышла замуж раньше, чем женился он, так что у нас не было так уж много возможностей встречаться, когда мы оба были не свободными. Но мы умудрялись сохранять наши отношения.

— У вас нет информации, знала ли миссис Колдвелл о ваших отношениях с ее мужем?

— Я не думаю, что она знала. Мейсон не хотел семейных ссор.

— Что вы испытываете по отношению к Мейсону Колдвеллу сейчас?

В этот момент прозвенел дверной звонок.

— Кэм, — крикнула она в другую комнату, — не могла бы ты открыть дверь? Это,

наверное, Джо.

Сестра пробормотала что-то и пошла к двери, а Тесс повернула свои пронзительно зеленые глаза прямо на Роба, когда ответила.

— Я люблю Мейсона, и всегда буду. Он хороший друг.

Сестра провела парня в гостиную. Одетый в костюм угольного цвета с черным свитером под пиджаком, он в замешательстве постоял там какой-то момент.

— Привет, Джо. Эти милые офицеры полиции уже уходят. Они здесь, чтобы поговорить о жене Мейсона Колдвелла.

— О, да. Я слышал об этом. Ужасная вещь.

— Да, так и есть, — ответил Роб и встал. Он вытащил визитку из бумажника и вручил ее Тесс Гарднер. — Вот моя визитка. Если вы вспомните какую-либо деталь, что может помочь нам, пожалуйста, позвоните. Пока этот разговор окончен. Нам можем потребоваться поговорить с вами снова.

Она схватила визитку из его руки.

— Прекрасно. Мы проводим вас к двери, офицеры, нам тоже пора идти.

Роб и Мила сели в машину и смотрели за тем, как парочка скользнула в гладкий черный «Мерседес-Седан».

— Что ты думаешь о мисс Гарднер? — спросил Роб свою напарницу.

Она пожала плечами и посмотрела на него.

— Я думаю, что она грязная лгунья.

Роб засмеялся.

— У меня тоже сложилось такое впечатление. Я считаю, что она не только знает больше о Кейт Колдвелл, но и трахалась с Мейсоном все это время.

Кельвин сморщила лицо, как она привыкла делать, когда думала. Минутой позже, она кивнула головой.

— Согласна. Я бы сказала, что нам нужно лучше приглядеться к большегрудой Тесс.

Перемещая рычаг на первую скорость, Роб аккуратно выехал с узкого парковочного места, усмехаясь прозвищу. У девчонки впечатляющая грудь.

Глава 25

Из тетради Джейн, поздний ноябрь

Мое фото?

О, мой бог. Я не могу поверить, что у него было мое фото в комод.

Мое.

Некрасивой Джейн Дженсен.

Кто этот парень, Мейсон Колдвелл? Он и, правда, убил свою жену? Если да, то почему? Мэл рассказала мне в общих чертах, о том как выглядела эта женщина — молодая, светловолосая и очаровательная — все реквизиты для счастливой женской доли. Превосходный материал для женитьбы с таким горячим парнем, как ее муж.

Для меня Мейсон Колдвелл олицетворял собой чистого американца и ассоциировался с этой культурой. Популярный, спортивный, добрый, дружелюбный, умный, любимый всеми. У него было все...

Стало быть, он не знал, что я — или такие люди как я — существуют.

Все эти мысли и вопросы курсировали в моей голове, не давая мне покоя, и я отчаянно желала получить ответы, но мой капризный разум отказывался сотрудничать. Иногда, я всерьез увлекалась идеей удариться головой об стену в надежде, что все встанет на свои места. Это желание было сильным и безумным, я знаю. Плюс, при моей-то удаче, я просто получу гигантскую гематому и опять попаду в больницу, а может умру по дороге на работу или куда-либо еще. Заработаю одну строку в новостях, может даже забавную эпитафию. Здесь лежит некрасивая Джейн, оказывается бьющаяся головой.

Воспоминание, которого я больше всего боюсь, что оно вернется, это воспоминание об аварии. Оно, должно быть, будет невыносимым, травматичным катализатором для ночных кошмаров, и я даже не хочу вспоминать об этом. Тем не менее, иметь гигантские дыры в памяти неудобно. Ходя вокруг, видя людей и гадая, знаю ли я их – странно и сложно. Если чьи-то глаза задерживаются на мне слишком долго, мои щеки начинают гореть, и я начинаю думать, что это могут быть мои знакомые, и они ждут, что я с ними поздороваюсь или как то дам знать, что я их узнала. Иногда, мне начинает казаться, что они смотрят на меня странно, даже подозрительно, и я думаю может быть я... я не знаю... в каких то недобрых отношениях с ними. Мы ограбили вместе банк? Оба принадлежим к порочному секс-клубу? Были сокамерниками в турецкой тюрьме?

И даже по отношению к тем, кого я помню, я гадаю, какие именно отношения нас связывают? Были ли они доверительными или человек мог меня предать?

Я сегодня вернулась к работе в первый раз в образе новой меня. *Джейни*. Все были добры, но я замечала на себе взгляды, могла ощутить их жар, особенно от мужчин. Единственное в чем я уверена это то, что я раньше никогда не получала такого рода внимание, и это ощущается странно. Хорошо, но странно. Каким-то образом, я думала, что это будет более приятным. В наиболее лучшие моменты, я пыталась быть благодарной за тот подарок, что получила – освобождение от своей загубленной жизни. Возрождение. Я впервые за свое несчастное существование ощущала себя прекрасной.

Зеркало тоже это подтверждало. Я такая же худая, как и Мэл, и со своим новым и совершенным носом я очень миленькая, действительно миленькая. Не милая с оговоркой – она достаточно мила для *заполните пустое место*. Толстой девушки. Умной девушки. Невзрачной девушки. Молодой, старой, раздражающей – потенциальные определения бесчисленны. Мои волосы длиннее линии плеч, Мэл сказала, что они длиннее того, что она видела на мне – стилист Мэл постриг их лесенкой и оставил длинную челку. Он также сделал светлые блики в моих светло-каштановые волосах, так что теперь они – обычно бесцветные как дохлая мышь – обрели глубину.

Берегись, мир, я иду. Серьезно. Я знаю, что внешность еще не все, но она определенно сглаживает жизненные неурядицы, и целлюлит на мозгах. Я подозревала это долгое время, и настала очередь доказать мою теорию.

Мой стиль одежды тоже стал другим. Я знаю, что мои коллеги, вероятно, привыкли к моему обычному типу бизнес одежды. Он обычно настолько постоянен, что его можно назвать униформой – темные брюки, светлого цвета шелковые или хлопковые рубашки с либо длинными, либо короткими рукавами, в зависимости от погоды, пара удобных туфель лодочек, и если я чувствовала себя очень нарядной, то одевала еще и нитку жемчуга. Мне не надо вспоминать это – мой гардероб сам мне об этом рассказал.

Не сегодня.

Сегодня я рискнула – очень важно уметь рисковать. Позаимствовав это из гардероба

Мэл в уикенд, сегодня я облачилась в облегающий свитер цвета электрик с белой рубашкой под него, чтобы смягчить глубокий вырез свитера, и также я одела короткую, с оборками, многоцветную юбку – розовый, желтый и голубой на черном фоне, голубой идеально совпадал с цветом свитера. Это то, что я никогда бы не осмелилась одеть прежде – даже не осмелилась бы примерить в магазине одежды.

Именно когда я подумала это, появилось ощущение, что меня преследует какое-то воспоминание, но вне пределов досягаемости. Чем больше я пыталась ухватить убегающее воспоминание, тем дальше оно убегало. И когда я сдалась, оно сразу же всплыло: я надеваю коричневую юбку и расправляю на ней морщины... на поезде по пути на работу, я думаю... сидя позади мужчины. Смотрю на него. Я позади него, но по диагонали, так что я могу смотреть на него и не быть замеченной за этим. Когда он поворачивается, чтобы поговорить с человеком, сидящим через проход от него, я могу разглядеть его лицо. Он замечает, что я смотрю на него, улыбается мне. Подмигивает. Он так красив.

Я гадаю, когда же это произошло... или даже происходило ли это на самом деле. Память изворотлива, а мои воспоминания более подвижны, чем у большинства. Ложные воспоминания незаметно подкрадываются и подменяют реальные, становятся такими же укорененными как и подлинные воспоминания. Психолог, которого я посещала, предупреждал меня о такой возможности.

Все же, я содействовала появлению воспоминания, так что я посчитала его подлинным. Я привела список моих выловленных воспоминаний на отдельном листе в моей тетради. По мере роста их числа, моя надежда на полное восстановление крепнет. Надежда – хорошая вещь.

Но она также может вытянуть из тебя всю душу.

Так что, да, мне нужно было немного воздуха, и я решила прогуляться в Хоул Фудс, когда поехала сегодня домой после моего сокращенного рабочего дня. Послеполуденный свет плавно перетекал в сумерки, и было не слишком прохладно. Я планировала начать ежедневные прогулки в попытке повысить выносливость и перейти на пробежки. Мой врач посоветовал мне это физическое упражнение в умеренных дозах, ведь это важно для процесса выздоровления.

Идя домой из магазина, при подходе к дому по соседству с моим, я увидела, что входная дверь открылась, и из нее выскочил мужчина. Я втянула воздух, ментально узнавая две вещи: во-первых, это был Мейсон Колдвелл, и, во-вторых, он был тем мужчиной на поезде в моем восстановившемся воспоминании. Как я могла не узнать его? Он выглядел как более взрослая версия того мальчика, что я знала в старшей школе. Наши глаза встретились, и он помахал мне.

— Привет.

Я подняла руку в нерешительном жесте, но продолжила идти. Было бы странно быть с ним дружелюбной. Копы верили, в конце то концов, что он заказал убийство своей жены. Но по мере того как я приближалась к дому, он бросился бежать и догнал меня.

— Джейн?

Он ждал, когда я его узнаю, смотря на меня не отрываясь.

Как только он приблизился, и я смогла его толком разглядеть, я почти задохнулась – никаких преувеличений. Закашлявшись, чтобы скрыть это, я позволила себе роскошь любования мужчиной вблизи и лично. Он был красивым мальчиком, а сейчас стал невероятно притягательным мужчиной. Таким притягательным, по правде говоря, что

просто смотря на него заставило все системы моего организма оживиться: мой пульс гремел в ушах, женское естество пульсировало, рот пересох, дыхание участилось... Все от единственного взгляда на моего соседа.

— Э-м-м... привет. Мейсон, верно?

Мой голос звучал писклявым и слегка скрежещущим. Я узнала домино-эффект волнения – начинающегося с того, что потела – и попыталась подавить его. Не вдаваться в панику было ключом к достижению этого.

— Я слышал, что у вас амнезия из-за аварии, — продолжил он, как будто был простым смертным. — Я надеюсь, вы чувствуете себя лучше. Ведь так?

Синие глаза цвета как на полотнах Пикассо, внимательно вглядывались в меня.

Я затолкала поглубже стеснение, что испытывала в его компании.

— Намного лучше, благодарю. Я не восстановила все свои воспоминания, но они возвращаются медленно, но уверенно.

— Это хорошо. Вы замечательно выглядите, если не возражаете, что я вам это говорю. Ах... я увидел вас с пакетами и подумал, что вам может понадобиться помощь.

Нужна ли мне помощь? *Его помощь.* Я пыталась вести с ним связный разговор, пока в моей голове крутились вопросы. Что будет этичным? Должна ли я упомянуть об его убитой жене или это табу ведь он первый подозреваемый? Могу ли я заняться сексом с ним прямо сейчас или это будет дурным вкусом? Насколько хорошо я вообще его знаю? Все, что я могу вспомнить это то, как я пускала слюни по нему в школе. Я находила успокоение в его голосе, гладком и глубоком. Я вспомнила, как он всегда был добр ко мне – да и ко всем в принципе.

Именно тогда, когда я подумала об этом, у меня перед глазами возникло неожиданное видение, прямо впереди и по центру. Он и я сидим в машине. Именно то, что мы делаем, выбило меня из колеи. Я прислонилась спиной к автомобильному окну, а он почти на мне... и мы целуемся.

Как сумасшедшие.

Я немного лишилась чувств... и это не в хорошем смысле этого слова.

— Вы в порядке? — спросил он меня. — Вы выглядите бледной.

— Ох... я... я... ах, — я заикалась, горячая кровь бросилась к моему лицу, которое теперь явно не было бледным. — Я в порядке.

— Я надеюсь, что вы не боитесь меня Джейн. Я предполагаю, что полиция сказала вам, что я подозреваюсь в убийстве своей жены?

Я не могла полностью подавить ухмылку в ответ на его небрежное упоминание об *убийстве его жены*. По сути, я почти засмеялась. Это было безумно. Я имею в виду, не была ли моя реакция... неожиданной? Как большинство людей отреагировало бы? Может, были бы в шоке? Я быстро собралась и кивнула, слегка стыдясь себя, хоть и не сделала ничего ужасного.

— Извините. Могу я выразить вам свои соболезнования?

— Да. Спасибо вам. Это достаточно тяжело..., — его голос задохнулся, — и без того, чтобы меня считали главным подозреваемым. Но я предполагаю, что полиция просто делает свою работу – они даже сказали мне, что в этом нет ничего личного. Нам нужно найти убийцу моей бедной Кейт.

Придавать своему голосу сочувствующие нотки поддержки казалось неуместным, так что я спросила:

— Есть ли какой-либо прогресс?

— Единственная вещь, в которой они уверены, это то, что убийство не было случайным, от этого еще ужаснее, ведь кто-то специально сделал ее своей целью.

— Это кажется странным.

— Почему?

— Ну, по тому, что я прочитала в новостных статьях... ваша жена произошла из зажиточного среднего класса и была собачьим тренером. Не слишком-то много причин для появления смертельных врагов, только если другая собака не была готова ради победы на все.

Он слабо усмехнулся.

— Вы не представляете, на что способны эти участники собачьих шоу. Но Кейт занималась дрессурой лишь в свое свободное время. Она была публицистом.

— О. Нажила ли она врагов, занимаясь этим?

— Джейн, — сказал он, и мне понравилось то как мое имя прозвучало в его устах, — любой может нажать врагов где угодно. Некоторые люди просто чокнутые, вы знаете? А Кейт была красавицей и вызывала зависть, я думаю.

После этого разговора я почувствовала, что ноги меня не держат, как после трехмильной пробежки. Это был Мейсон Колдвелл. Он повлиял на меня. Радикально. Драматически. Я продолжала ощущать, что мы встретились не только что, что мы проводили время вместе... но почему тогда он об этом не сказал? Почему он позволил мне верить, что мы были незнакомцами?

Или это принятие желаемого за действительное.

Глава 26

Из тетради Джейн

Итак, я решилась.

Я не верю, что Мейсон виновен в преступлении. Он слишком хороший человек, чтобы совершить такое расчетливое злое дело. Развод — это не конец света, особенно если женитьба была ошибкой. Зачем убивать кого-то? Убийство — слишком большой грех для большинства людей, чтобы позволить себе пойти на это, оно меняет твою вселенную раз и навсегда, после этого нет пути назад. Это должно быть очень тяжелая физическая ноша... как Леди Макбет узнала на собственном примере.

Так что вопрос в том, зачем это совершать, если это не совсем уж необходимо?

Я сомневаюсь, что ему были нужны деньги по страховке. Он является совладельцем успешной компании, занимающейся земельной недвижимостью. А его родители более чем обеспечены, насколько я знаю.

Так что деньги не могли стать мотивацией для него.

Его жена была стройной и красивой. Так что и здесь нет причины.

Я просто не могу придумать ни одной причины, по которой он мог бы сделать это, я помню, каким добрым он всегда был, как сильно я его любила, когда была подростком, так что я более чем была склонна не верить в его причастность.

Восемь вечера. Бум. Я резко вырвалась из дремы с сердцем, бьющимся со скоростью миля в минуту. Как только я открыла глаза, воспоминания полетели перед моими глазами, как катушечный рулон на деформированной скорости. Это ужасающее ощущение, видеть

прогон сцен из собственной жизни, разворачивающихся перед твоими глазами, пока ты пытаешься уловить в них хоть какой-то смысл. В этот раз это было даже еще хуже.

В этот раз на моих руках была кровь.

Много крови. Буквально на моих руках. Темная ночь, яркие огни. Ужасающий звук. Ах, нет, это должно быть авария. Видела ли я той ночью еще что-то? Сжав виски, я попыталась остановить воспоминание. Слишком страшно.

Или это была предыдущая авария?

Доктор Лавелль спрашивал меня, попадала ли я в автомобильную аварию ранее, основываясь на моих предыдущих травмах. Мне надо позвонить родителям и спросить их. Я так думаю, что могу позвонить вместо них Сулу. Я лучше позвоню Сулу, но по правде говоря, я не хочу говорить ни с кем из них. Но, мне все же нужно узнать больше о том, что я упустила. Когда я проснулась в госпитале, думая что учусь в девятом классе, то была уверена что моя память была целой по крайней мере до того места, но кажется у меня были дыры и в более раннем участке памяти. Хотя авария была позже. Почему я помню немного, а не все о ней? И почему она имеет какое-то отношение к вечеринке по случаю Хеллоуина?

Я могу путать ее с моей недавней аварией. Но я так не думаю. Там были дети вокруг меня, подростки, и какая-то обесцвеченная блондинка усмехалась мне. Я ощущаю такую глубокую грусть вокруг меня, обволакивающую меня в толстое отчаянье.

Что со мной случилось? Хочу ли я знать?

Я уснула снова за просмотром старых фильмов. Что-то, какой-то шум, разбудил меня в полпервого ночи. Еще больше воспоминаний стали бомбардировать меня: поездки, в которые я ездила без родителей. Одна в Калифорнию, другая в карибский круиз – большое счастье, ведь я с радостью рассталась с родителями на целых десять дней. Обе поездки произошли в один год, вероятно, поэтому я вспомнила их вместе. Я знаю, что они случились на четвертом году учебы в старшей школе, так как мне нужно было заказать шапочку и мантию, прежде чем уеду в одну из поездок – я не помню в какую именно. Итак, теперь у меня есть кое-какие воспоминания об этом промежутке времени, но два или три года в старшей школе были все еще пустыми.

Середина ночи. Я не могу уснуть, так что я встала, сделала чашку чая и попыталась почитать. Я выбрала антологию, состоящую из коротких фантастических рассказов – единственная, что валялась поблизости. Я прочитала историю Тобиаса Вульфа. Великолепный автор, который помог мне бодрствовать. Если бы только у меня под рукой был Генри Джеймс. Я выпила немного бренди. Ничто казалось, не помогало мне уснуть, так что я взяла ручку и тетрадь. Я уже приставила кончик ручки к бумаге, чтобы начать писать о моем дне, когда начала думать о флэшбеке, что со мной приключился, когда я разговаривала с Мейсоном – о том как я целовалась с ним в машине. Затем без предупреждения, бам. Бессвязные изображения начали втекать в мой мозг. Я попыталась собрать их в единую картину, и начала вспоминать.

Это было после вечеринки. Я ушла с вечеринки Хеллоуина с Мейсоном. Мы вышли наружу поговорить, и как то так вышло, что мы оказались в машине. Он склонился надо мной и поцеловал меня. *Я целовалась с Мейсоном Колдвеллом.* Мы целовались в его машине, и он начал лапать меня. Я была готова на все с ним, и он знал это. Но он не знал, что это была я. Он думал, что я это кто-то другой. Кто-то симпатичный. Кто-то, кого зовут Джанин.

— Ты поедешь со мной, Джанин? — спросил он, его голос был хриплым, а дыхание пахло ликером.

— Куда? — едва смогла выдавить я.

— В мой подвал. Там есть отдельный вход, так что никто не узнает, что мы там.

Он навис надо мной и поцеловал меня снова.

— Я хочу тебя.

У меня сжалось горло, и я не могла выдавить из себя ни звука, ни связного, ни бессвязного, так что я кивнула. Он вновь переместился на свое кресло и завел двигатель. Я впивалась взглядом в каждую его черточку с живейшим интересом: то, как его мускулистые руки держат руль с привычной уверенностью, как его густые каштановые волосы падают на его правую скулу, на удовлетворение, что светилось в его глазах, когда его машина набрала скорость. Все, что касалось его, приводило меня в трепет. Я так его любила.

На этом месте воспоминание закончилось. Меня это так расстроило, что мне захотелось рвать на себе волосы.

Я отчаянно желала знать, что случилось дальше. Доехали ли мы до подвала Мейсона? Занялись ли мы сексом? Что случилось после? Он потом узнал, что Джанин была мной?

Г-р-р-р. Я просто не помню ничего из этого. Я должна признать все же тот факт, что я просто поцеловала Мейсона Колдвелла – шок для меня. После всего, он – это он, а я – это я, но все-таки мне удалось ввести его в заблуждение, и он поверил, что я девушка симпатичная и популярная, девушка, которая знает, как одеваться и веселиться, девушка, которая ходит на вечеринки и встречается с красивыми парнями.

Нормальная девушка по имени Джанин.

Не Джейн. Никогда не Джейн.

Глава 27

Поздний декабрь

Дверной звонок прозвенел в шесть сорок семь утра, когда Джейн выходила из душа. Она накинула на себя халат и бросилась открыть дверь. Ее дверной глазок был на месте, но был неряшливо покрашен, так что она позвала:

— Кто там?

— Полиция, мэ. Пожалуйста, откройте.

Джейн открыла дверь и увидела двух офицеров в униформе. Она отступила в сторону и придержала дверь.

— Пожалуйста, входите. У-м-м, я собиралась на работу. Вы меня не извините, мне нужно одеться?

— Да, мисс. Только, пожалуйста, побыстрее. Нам необходимо с вами поговорить.

Джейн кивнула и побежала вверх по лестнице. Не так давно она вообще не могла бегать по лестницам, но через три месяца после аварии, она почти полностью восстановилась – по крайней мере, физически – и потеря веса придала ей больше энергичности. Никаких больше кофе для похудения.

В своей комнате, предыдущей ночью она выложила одежду для работы. Она еще никогда так не веселилась, составляя образы на каждый день – спасибо Мэл и потере веса, конечно же. Узкое черное платье с геометрическими узорами, черные колготки, байкерские ботинки до середины голени. Поверх этого она надела угольный кардиган длиной до бедер. Он был отличным выбором для морозного декабря.

Как скоростной демон она влетела в ванную комнату, схватила фен, направила его на затылок и стала быстро водить им взад-вперед. Ее волосы были только наполовину высушенными, когда она отложила фен, чтобы нанести макияж. За последние несколько месяцев, она наловчилась его делать, очень милая женщина, сильно надушенная духами, стоящая за прилавком в Блумингдейле, показала ей как правильно его накладывать, там Джейн оставила четыре сотни.

Один из офицеров позвал ее, прося спуститься вниз.

Она проверила время на часах: прошло восемь минут. Офицеров полиции начало раздражать ожидание. Схватив сумочку и пальто, она спустилась вниз, они стояли у основания лестницы.

— Я извиняюсь за задержку, — сказала она, преодолевая последние две ступеньки. — Что я могу сделать для вас, офицеры?

— Мисс Дженсен, моей обязанностью является сообщить вам, что вы арестованы за убийство Кэтрин Колдвелл. Я должен далее сообщить вам, что все, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде. У вас есть право позвонить адвокату...

Женщина Дженсен тряслась так сильно, что офицер Перрин едва смог защелкнуть наручники. Обычно он был жестокосердечным ублюдком, что помогало ему быть копом, но ему стало жаль женщину. Она определенно была в ужасе, дрожа так сильно, что он ожидал, что она описается в любой момент. Сейчас это его выведет из себя, ненамеренный каламбур (*прим. перевода: на английском языке слова описаться и выйти из себя звучат как одно и то же слово*). Он отвел ее в заднюю часть машины и Тео, его напарник, открыл дверь. Он знал, несмотря на то, что они уезжали быстро, что соседи это увидят. У них был радар на такие вещи. Все соседство будет гудеть об этом уже к обеду. Бедная леди — он надеялся, что она виновна, потому что если нет, ее репутация будет разрушена. Особенно в таком месте как это, где репутация была всем. Богатеи имеют зоркие глаза и долгую память.

Роб Фитцгиббонс прислонился одним плечом к холодильнику, его ничего не выражающий взгляд сосредоточился на Мэл.

— Отпечатки Джейн были по всему фото.

Они были на кухне Мэл. Она отмеряла ложечкой колумбийский жареный кофе в золотой конический фильтр, пытаясь вспомнить, положила она туда уже их четыре или пять. Роб показался десятью минутами ранее в очевидной попытке испортить ей день.

— Я, пожалуй, предпочту сильный кофе слабому, так что буду считать от четырех, — пробормотала она себе под нос.

— Ты меня слышишь, Мэлани? Я сказал, что отпечатки пальцев Джейн были по всему фото.

— Я слышу тебя, и это естественно, ведь это ее фотография.

Она смахнула зерна, просыпанные на кремовую гранитную столешницу, которую неделю назад установил рабочий, бросая полную горсть в мусорную корзину из нержавеющей стали.

Он подошел ближе, приблизив свое лицо к ее и беря Мэл под локоть.

— Да, но они были также по всему комоду, где мы нашли фото.

— По комоду Мейсона? Может у них была интрижка?

Роб нахмурился, качая головой.

— Не думаю. Джейн привлекательная женщина, но ты же видела жену Колдвелла. Она просто охренеть как роскошна.

Мэл вывернула свой локоть из его захвата и повернулась к кофе-машине.

— Соедини вместе светлые волосы и пару титек и большинство мужчин будут настолько ослеплены, что назовут это красотой. В любом случае, внешность еще не все. Его жена могла быть сукой на стероидах.

— Может быть, — он остановился. — Даже если бы это было правдой... это только подтвердит ее вину. Легче грохнуть суку, чем милую леди.

Мэл не ответила — она ощущала гнев, кипящий внутри, и не знала, почему именно. Может, это было из-за его отношения к Джейн, которое было таким несправедливым... Она схватила графин, чтобы наполнить свежей водой, довольная, что у нее есть возможность отвлечься.

Он проследовал за ней на другую сторону столешницы, откуда снова мог видеть ее лицо, прислоняясь к ней своим худощавым бедром. Она пыталась не обращать внимания на то, как хорошо он выглядит — ей был необходим гнев, чтобы пройти через то, что им предстояло — тотальное расставание.

— Мэл, подумай об этом рационально. Зачем ему заводить интрижку с соседкой? Если бы он хотел изменять жене, то нашел бы куда более умные варианты, с меньшими шансами быть застуканным. И ты сама же сказала, что перед аварией Джейн была немного полной и носила неряшливую и некрасивую одежду. Такой парень как Мейсон Колдвелл не взглянул бы на нее. Сейчас может быть, но не тогда.

— Это твое единственное доказательство? Ее отпечатки пальцев и некая извращенная логика? Потому что этого, черт возьми, недостаточно.

— Нет. У нас есть прочная доказательная база. Мы определили стрелка. Нам повезло. Полиция нравов получила анонимную наводку о проституции, связанную с малолетками, вероятно с продажей. Этого было достаточно, чтобы получить ордер на обыск служебных помещений, но они нашли только одну девушку, и она была старше восемнадцати. Еще они нашли кучу оружия в квартире парня. Баллистики нашли соответствие с пулей, которой была застрелена Колд...

— Что? — воскликнула она, когда он резко прервал речь.

От лица Роба отхлынула кровь.

— Ведь ты понимаешь, что ничего из этого не можешь рассказать? Потому что можешь еще как, бл*дь, меня подставить.

— Я не расскажу. Обещаю. Где вы нашли киллера? Я имею в виду, он местный?

Мрачное удовлетворение наполнило его тон, когда он ответил ей.

— Чуть дальше границы Путнэма, в округе Датчесс.

Мэл ахнула так сильно, что чуть не задохнулась.

— Место аварии, — выпалила Мэл. — Мы всегда гадали, почему она была там.

— На аккаунте Джейн отсутствует большое количество денег. Стрелок получил десятку наличкой — мы проверили его счет и то, что он спрятал под матрас. Не очень изобретательный парень. У Джейн не нашлось объяснений, почему она сняла деньги со

счета, утверждая, что ничего не помнит об этом.

— Она потеряла память, ты же знаешь.

Подставляя графин под фильтр, она включила кофе машину.

— Так утверждает она, — он скрестил руки на груди. — Я не верю ни единому слову, что она говорит.

Мэл обратила внимание на его боевую стойку, которая явно говорила о его несговорчивости. Дрожь прошла по ее спине, и она обняла себя руками, чувствуя мороз, несмотря на кардиган, который носила поверх белой вязаной юбки.

— Та сумма, что Джейн сняла со счета совпадает с суммой, переданной киллеру?

Роб сосредоточил жаркий взгляд на Мэл, прежде чем повернулся к раковине, чтобы налить стакан воды, залпом выпив большую его часть. Немного воды полилось по его подбородку; он вытер рот тыльной стороной ладони, прежде чем перевести взгляд обратно на нее.

— Плюс минус три тысячи.

— Откуда ты думаешь, она их достала?

Пожав плечами, он снова выпил глоток воды, осушая бокал, и ставя его в раковину из нержавеющей стали.

— Мы так думаем, что у нее была наличка в доме.

— Десять тысяч кажется слишком малой ценой для убийства. То есть, это же большой риск.

— Вероятно, не первый платеж.

Дерьмо. Глубокий вдох помог ей восстановить равновесие, пошатнувшееся от града его плохих новостей.

— Я не могу поверить в это. Ты действительно в это веришь?

С задранной кверху подбородком, руками на бедрах, он произносил свой финальный аргумент, очевидно уверенный в своей победе. Ну, у нее тоже есть новости...

— Да. Верю, Мэл. И мне жаль, говорить тебе это, но мы арестовали Джейн этим утром. Ее обвиняют в преднамеренном убийстве.

— Так значит, теперь вы не рассматриваете других подозреваемых? Вы просто будете работать, чтобы повесить это на Джейн и забыть о дальнейшем расследовании?

Он презрительно усмехнулся.

— Мы опросили множество людей. Мы опросили всех сослуживцев миссис Колдвелл, ее клиентов, бывших дружков. Мы также опросили бывших подружек ее мужа. Там была одна в частности, к которой я тщательно присмотрелся — я думаю, там что-то нечисто. Но никаких доказательств на них у меня нет. Не считая внебрачных связей, брачный союз Колдвеллов был крепок, и хоть я и не сто процентов уверен, что Мейсон не причастен к убийству, я уверен в этом на девяносто три процента или около того.

Он вытянул руку и начал отгибать пальцы, перечисляя.

— Мы присмотрелись к кузену Мейсона, который встречался с Кейт прежде чем она стала встречаться с Колдвеллом. Фактически, он познакомил их обоих. Мы проверили каждого из друзей Мейсона и, конечно же, друзей Кейт с работы. Членов семьи, всех кто имел хоть малейшую возможность затаить злобу. Ничего. Просто ничего. Джейн Дженсен имела мотив и возможность, и есть существенные физические доказательства, которые мы можем предоставить в суде.

Мэлани хлопнула ладонью по лбу и, повернувшись, начала расхаживать взад-вперед.

— О, мой бог. Я абсолютно не могу поверить, что она сделала это. Абсолютно, полностью исключено.

— Как хорошо ты на самом деле знаешь ее? Подумай об этом, Мэл. Ты хоть когда-нибудь была знакома с человеком, который слетел с катушек?

— Ты имеешь в виду кого-то помимо членов моей семьи?

Он сузил глаза.

— У тебя в семье есть социопаты и психопаты?

— Определенно.

— Брось шутки, Джейн легко может быть той, кого она абсолютно не напоминает, так как она поддерживает образ, фасад, чтобы обмануть других в мысли, что она нормальный человек, обладающий эмпатией и моралью – когда у нее их нет и в помине. Ты даже можешь находиться в смертельной опасности.

— Приди в себя, Роб. Это смехотворно.

— Так ли? Это смехотворно? Что, если она подумает, что ты сговорила со мной – а она знает, что я считаю ее виновной. Может быть, она говорила тебе нечто по невнимательности, что может обличить ее? Если она убийца, думаешь, она станет сомневаться, прежде чем убить снова, если почувствует для себя угрозу? Это ты должна прийти в себя. Ты глуха. Ты не знаешь Джейн так уж хорошо. Определенно не так хорошо, как ты думаешь.

Оскорбление заставило ее резко развернуться.

— Как хорошо я знаю тебя? Я имею в виду, как хорошо кто-либо знает кого-либо? Я могу сказать тебе, что Джейн не такая тупая – даже наоборот. У нее очень высокий айкью. Зачем ей оставлять очевидные инкриминирующие улики такие как большое снятие наличных со счета? А отпечатки по всей спальне Колдвелла? Приди же мать твою в себя. Это слишком небрежно. Это все крайне очевидно указывает на Джейн.

Он дернул плечом.

— Это просто значит, что она никогда не думала, что станет подозреваемой. Просто и ясно. Я хочу, чтобы ты очень хорошо подумала, Мэл. Есть ли что-то в Джейн, что не укладывается в общую картину? Может ты узнала что-то о ней, что не вписывается в ее характер? Потому что социопаты скрываются за нормальной личиной, но обычно они прокалываются то тут, то там, и приоткрывают намек на свою настоящую личность.

— Г-р-р.

Мэл запустила обе руки в свои волосы. Нет никакого смысла спорить с ним. Детектив Фитцгиббонс был твердо убежден в своей вере в виновность Джейн. У него была коповская интуиция по поводу людей, и он, очевидно, поставил на нее. Она попыталась выровнять дыхание. Очевидно, что у него не было подобных ограничений для их спора.

Он прислонился к столешнице, смотря в пространство, но его рот не затыкался.

— С тех пор как я встретил Джейн, у меня постоянно было ощущение, что с ней что-то не так. Мои коповские чувства говорили мне это, а я всегда к ним прислушивался. Они никогда меня не подводили, хорошо это или плохо.

Ладно, Мэл достал этот разговор. Она знала, что ее подруга – знала не только сердцем, но и умом – не была хладнокровной убийцей. Мэл редко принимала важные решения, основываясь на эмоциях – она была логиком, человеком, кто полагается на факты и цифры. А в этом деле, они просто не складывались в общую картину. Или же наоборот очень даже хорошо вписывались. Для детектива Фитцгиббонса с его подозрительным коповским мозгом

это был верняк, но Мэл была в двух шагах впереди каждого вывода, к которому он приходил. Она знала, что так называемые улики должны были быть подделаны, но она не знала как убедить в этом большого болвана – или вообще кого-либо. Бога ради, какого дьявола упрямый ублюдок не видит это так, как видит она? Она была расстроена из-за его абсолютного нежелания даже допустить вероятность того, что Джейн могла быть невиновной. Она тоже чувствовала себя оскорбленной.

— Просто и ясно? — раздраженно выдохнула она. — Ничего в этом не просто и не ясно.

Кофе перестал вариться. Роб перевел свой взгляд на нее, вырываясь из своего гипнотического состояния.

— Да, Мэлани, это просто. Думаю лошадь – не зебра. Ты когда-нибудь слышала это?

— Нет. Это. Не. Просто, — она скрестила руки и посмотрела на него.

Роб взмахнул руками, его голос стал гораздо громче.

— Еб*ного бога ради, иногда не нужно выискивать запутанные сети паутины интриг, иногда правда проста и смотрит тебе прямо в лицо. Доверься мне, Джейн виновна как смертный грех. Вбей это себе в голову.

— Есть еще другие доказательства?

Мэл знала, что слишком сильно на него давит, ведь он не должен раскрывать детали дела никому, особенно той, что так близка с подозреваемой. И он уже сказал ей много, намного больше, чем должен был. Но она и Роб сблизилась, и она надеялась, что он будет доверять ей в этом.

— Да, есть, — сказал Роб. След извинения прокрался в его голос. — Я не могу раскрыть больше. Не сейчас. Большая часть того, что я сказал тебе, есть в публичном доступе и мисс Дженсен уже знает об этом. Но кое-что еще оставлено про запас. Ты же понимаешь, верно?

— Ты сказал, что не веришь ни слову, что она говорит. Ты думаешь, она подстроила свою почти фатальную автомобильную аварию?

Его вспыльчивость казалось пошла на убыль, зеленые глаза помутнели от усталости, но Мэл не могла позволить себе заботиться об этом. Он был единственным на тропе войны. Он был единственным, кто от нее что-то требовал.

— Нет, — начал он, потянувшись за кофейной чашкой. — Не возражаешь?

Она жестом показала ему подойти вперед и самому ее взять.

Наливая кофе, он вновь вернулся к теме разговора.

— Я думаю, это было неожиданностью. Два свидетеля говорят, что другая машина подрезала ее.

Мэл взяла молоко со сливками из холодильника и поставила их на столешницу рядом с его чашкой. Она смотрела, как он смешивает свой кофе – аккуратно наливая сливки и насыпая сахар, и долго перемешивая. Мэл была слишком нетерпеливой, чтобы тратить столько времени на готовку кофе. Но то был Роб: строящий схемы и методичный. Педантичный даже. Ссутулившись, она потеряла руки, когда еще одна дрожь прошла сквозь нее. Но холод наполнил больше ее душу, чем тело. Джейн была в тюрьме, бога ради, и Мэл чувствовала себя абсолютно беспомощной. Она хотела избавиться от него и попытаться помочь своей бедной подруге.

Она потеряла свои глаза и только после осознала, что только что наложила макияж. Бл**ство. Вероятно, теперь выглядит как енот.

— Послушай, Роб... у меня выдалось реально очень тяжелое время со всей этой историей. Джейн замечательный человек, очень, и я не могу себе представить, что она

причинила кому-то вред. Насколько я могу судить, она даже никогда не встречалась с Кейт Колдвелл.

Его мозолистая рука тяжело легла на ее плечо и сразу же взбесила ее – она ощущалась снисходительной.

— Люди становятся одержимыми. Она подверглась этому несчастью в старшей школе и была сосредоточена на этом парне. Одержимость не рациональна, ты же знаешь?

Сбрасывая его руку с плеча, она убрала молоко со сливками в холодильник. Пока мужчина пил свой кофе, оба они молчали. Осталось не так уж много того, что можно было сказать. Сделав несколько глотков Роб осушил чашку до дна, затем пошел к раковине чтобы ее вымыть. Он был почти за дверью, когда сделал последнюю ремарку.

— Ради спора, скажем, что она неадекватная психопатка преследовательница, которая убивает жену объекта ее одержимости. Это делает ее опасной личностью, и ты будешь следующей, если взбесишь ее. Я действительно беспокоюсь за твою безопасность, когда ты проводишь так много времени рядом с ней. Подумай об этом. И сделай мне услугу, Мэлани. Пока ты думаешь, возьми сутки подумать, а стоит ли тебе идти на контакт с ней, ведь это может навредить как нашей репутации, так и твоей безопасности. Я думаю, нам действительно было бы хорошо вместе – в перспективе. Я знаю это. Если ты тоже это знаешь, может быть тебе стоит изменить мнение о Джейн Дженсен.

Он хотел, чтобы она взяла двадцать четыре часа?

Ей не требовалось столько много времени. Или вообще время. Мэл не покинет свою подругу, когда та больше всего нуждается в ней. Даже ради горячего копа, в которого безумно влюбилась.

Даже ради него.

Глава 28

Мужчина аккуратно заехал на «порше», заняв парковочное место перед офисом. Как только он выключил зажигание, его телефон зазвенел. Посмотрев на экран телефона, увидел что звонивший: Курт Рэддинг. Должно быть, тот услышал что-то по полицейской рации. Мужчина нажал на кнопку, чтобы принять вызов.

— Что случилось, Курт?

— Звоню как ты и просил, приятель. Единственным большим событием сегодня стало, что копы взяли Джейн Дженсен, арестовали за предумышленное убийство. Ее теперь везут в большой «Райкерс»¹⁸.

— Хорошо. Спасибо, Курт. Я должен тебе мясной ужин.

Тот весело фыркнул на линии, громко и четко.

— Чувак, ты должен мне намного больше, чем это, но я так думаю, меня устроит и ужин. Ведь это же будет в дорогом ресторане?

— Ты получишь его. Береги себя.

Он оборвал связь и отклонился назад, позволяя мягкому кожаному сиденью окружить его комфортом. Все идет как надо, наконец-то в соответствии с планом. Какое-то время, он думал, что все пойдет наперекосяк. Они потратили так много времени тщательно планируя каждый мельчайший аспект, только ради того чтобы целая еб*ная х**ня пошла коту под хвост из-за неподготовленной импровизации. К счастью все вернулось на рельсы.

Мужчина закрыл глаза и представил себе как эта предстоящая бизнес-сделка пройдет по

плану. Это будет гигантским удачным ходом и твердо приведет компанию к процветанию. Все встанет на свои места, так как он хотел и планировал. Он выпрямил спину и вдохнул полной грудью.

Вне зависимости от уверенного образа, который он излучал, он чувствовал, как капелька пота ползет между его лопаток. С каждой сделкой было так: пока чернила не высохнут на контракте, все может принять дурной оборот. Он хорошо выучил урок и знал, что гордыня почти всегда предшествует падению. Смирение и подготовка были инструментами для достижения успеха.

Мужчина открыл дверцу и вышел из машины. Сегодняшняя встреча состоится с новым банкиром, чтобы обсудить огромную ипотечную заявку. Если эта сделка пройдет через их компанию, то они получают приличную сумму денег, а запущенная территория деловой части города получит значительное улучшение внешнего облика. Большой выигрыш для всех, и это сделает компанию еще более ценной, если и когда они решал продать ее. Он пошел вперед со скрещенными пальцами и победной улыбкой.

Глава 29

Из тетради Джейн, декабрь

Я убийца.

Я вовсе не хороший человек. Я прямая противоположность хорошего человека. Я убийца.

Это то, что говорит полиция. Я не помню, чтобы я была убийцей. Я не помню, как платила кому-то, чтобы тот убил жену Мэйсона. Я даже не помню его жену.

Но это то, что говорит полиция, я сделала, это то, на что указывают улики. Тот факт, что я ничего из этого не помню, не имеет значения, так они говорят. Я все еще убийца.

Когда я пробудилась после аварии, то была неизвестным существом. Я не буду лгать – это было травматичным не знать о своем прошлом и настоящем, но... это было также возможностью прожить кристально новую жизнь, буквально вновь открыть себя. Я действовала, полагая, что я по природе своей хороший человек, способный на доброту, и вдохновленная быть кем-то лучшим. Кто бы так не подумал?

Теперь же мне говорят, что я зло, худшая из худших, холодная, расчетливая убийца. Что я сняла деньги с банковского счета, чтобы заплатить нанятому киллеру убить жену мужчины, которого преследовала.

Они говорят, что я наняла стрелка застрелить Кейт Колдвелл. Предположим, что я это сделала, но как я могла узнать, где найти киллера? Почему я решила сделать это именно так? Ведь Мейсон Колдвелл не заинтересовался бы мной, даже если его жена мертва. Все это не имеет никакого смысла.

Они держат меня вместе с четырьмя другими женщинами в камере для передержки. Мы все пытаемся игнорировать друг друга, а охранница была так добра, что дала мне ручку и бумагу. Комната холодная, стены отвратительного зеленого цвета, и запах мочи едва скрывается за резким запахом фильтрата хлорки в углах пространства. На моих коленях покоится подарок в виде оторванного листа из блокнота – у меня нет с собой моей тетради. Я едва могу видеть то, что пишу – слезы каплют на бумагу, а чернила расплываются. Будет ли киллер плакать из-за того, что его так называют? Может быть, я не такой уж хороший

убийца, раз попала в «Райкерс».

За неделю до аварии я, очевидно, сняла большую сумму денег со сберегательного счета. Семь тысяч долларов. Полиция предположила, что это была часть платы киллеру. Они искали больше наличных – может запрятанных где-нибудь у меня дома или может быть положенных на другие счета, которые они еще не отследили. Я просто хочу вспомнить, что случилось, даже если это ужасно. Не знать в каком я положении сейчас оказалась, ложно обвиненной в ужасающем повороте событий.

Может, я наказана за то, что пыталась быть новым человеком, прекрасной девушкой по имени Джейни, вместо толстой, уродливой, язвительной Джейн. Может звезды неправильно выстроились, ведь однажды я была счастлива. Я знаю, это не было чем-то привычным для меня, ведь это ощущалось странно, так инопланетно, как ходить в новых жестких туфлях.

Может моя дерзость по поводу мысли, что я могу вести счастливую и успешную жизнь, была слишком великим оскорблением для космоса.

Я начинаю думать, было бы лучше, если бы я просто умерла в автомобильной аварии – я, а не тот бедный мужчина. Он, вероятно, имел куда лучшую жизнь, был намного лучшим человеком. Иногда судьба просто жестко подшучивает над жалкими смертными, и мы можем только смеяться, когда мы плачем. Я устала быть объектом этих космических шуток. Но что дьявол меня побери, я могу сделать с этим, кроме как убить себя? Я слишком труслива, чтобы всерьез рассматривать это как вариант. По крайней мере, я так думаю.

Опять же, мы никогда не узнаем, на что мы способны, пока не попробуем.

Я смертельно боюсь уснуть. Не только потому, что я в «Райкерс», хотя это достаточная причина для любого. Мой самый великий страх, это то, что мне привидится убийство Кейт Колдвелл, или хуже того, я его вспомню. Если у меня будет флэшбек¹⁹ о том, как я плачу киллеру, как мне сказали, я не знаю, что сделаю. Это идеальный сценарий для ночного кошмара.

Я также обеспокоена. Что если я не убийца? Это значит, что кто-то выбрал меня козлом отпущения, что значит, кто-то хотел достать меня. Если я не убийца, это значит, у меня есть враги и серьезные. Может они попытаются убить меня, сделают все выглядящим как суицид. Кто будет задаваться вопросом, когда узнают, что убийца в «Райкерс» покончила с собой?

Если я убийца, может у меня есть сообщник. Может сообщник захочет, чтобы я взяла на себя всю вину. Может мой сообщник попытается убить меня. Мертвые не рассказывают сказок.

Я измотана, ментально, эмоционально и физически... но я не могу закрыть глаза. Я пытаюсь отвлечься, прислушиваясь к другим людям, звукам, чему угодно. Когда нет ничего, на чем можно было бы сосредоточиться, я пытаюсь вспомнить лирические песни, которые мне нравятся.

Или строчки из поэм, которые я помню.

Не уходи покорно в сумрак смерти... Дилана Томаса.

Я не остановилась – нет. Любезно задержалась Смерть... Эмили Дикинсон.

О, угасай, короткая свеча... Макбет. Все, что угодно Шекспира – его трагедии, по крайней мере.

Это конец прекрасный друг, конец... Зэ Дорз.

Любое отвлечение, неважно какое мрачное, лучше, чем никакого. Я порылась в голове в поисках любого и всех из них, так что мне не пришлось бы заикливаться на моем текущем личном кризисе.

Глава 30

Мэл села и ударила подушку, прежде чем плюхнуться обратно на нее. Она не могла уснуть, ведь ее маленькая спальня была невыносимо жаркой от сверхактивного радиатора, а наружный свет от уличных фонарей просачивался сквозь заклинившие планки в ставнях, прикрывающих окна – она должна попросить брата как можно скорее их починить. Чем больше времени становилось на часах, тем сильнее она беспокоилась, что не уснет, и тем более ускользящим становился сон. Это был порочный круг. Часы показывали теперь два пятьдесят восемь ночи, а ей нужно вставать в семь, чтобы начать собираться на работу. Если она спала меньше, чем семь часов, то потом плохо ощущала себя физически.

Она воевала с одеялом и подушкой с одиннадцати часов вечера прошлого дня, может, задремав на пару минут то тут, то там, но не могла уснуть глубоким сном. Ее мозг был слишком беспокоен, она думала об ультиматуме Роба и невероятной ситуации, в которой оказалась Джейн. Бедная Джейн. Мэл не могла вынести мысли, о том, где сегодня спит Джейн и что она ничего не сможет сделать по этому поводу до завтрашнего дня.

План Мэл заключался в том, что с утра она поедет на работу – приедет туда на час пораньше – а в обеденный перерыв поедет навестить Джейн. В то же время, она посмотрела в интернете имена и номера нескольких адвокатов, специализирующихся на криминальных делах, на случай, если они понадобятся Джейн. Мэл также планировала принести пять сотен долларов наличкой, вдруг они понадобятся. Она хотела бы первым делом отправиться в «Райкерс», но у нее в рабочем расписании стояло важное дело с утра, и Мэл не могла отсутствовать, особенно когда и Джейн сейчас не было на работе.

В тринадцать Мэл встала и потопала на кухню, проглотила снотворное, запив половиной стакана воды. Она знала, что будет сонной весь день сегодня, но, по крайней мере, хоть поспит пару часов. Наконец, через двадцать минут она отключилась.

По ее ощущениям она только закрыла глаза, когда монотонный звук будильника разбудил ее.

— Ар-р-р.

Она хлопнула по кнопке отключения.

Затем хлопнула по ней еще два раза. Четвертый сигнал, наконец, заставил ее подняться из постели. Она потащилась в крошечную ванную комнату и включила душ. О Вестсайдовской квартирке Мэл можно было сказать много чего плохого, но напор воды не входил в их число. Когда она встала под распылителем душа, то сила струи почти отбросила ее к задней части кабинки, а массирующая горячая вода улучшила ее настроение. Хоть она и поспала четыре часа, после душа она чувствовала себя прилично.

Размышляя над выбором, она стояла в гардеробе несколько минут, прежде чем остановить свой выбор на темно-синей юбке и белом свитере. Поверх своей юбки она надела пояс из материала как на шотландском пледе, темно-синие колготки, и черные сапоги длиной до колена. Она стояла перед своим гигантским зеркалом и покусывала щеку. Подходящий ли это наряд для визита в тюрьму? Мэл подумала, что так она выглядит профессионально, но не кичливо, женственно, но не призывно. Кивнув одобрительно, она пошла на поиски кофе.

Чуть немногим после полудня, Роб показался в офисе, чтобы забрать ее на ланч. Он не знал о ее послеполуденных планах, и она была не в настроении делиться ими с ним. Когда Сьюзан пронеслась мимо, чтобы сказать ей, что у нее посетитель, Мэл не ожидала, что им окажется детектив.

— Как насчет пиццы на ланч? — спросил мужчина, когда она подходила к ресепшну. На нем были синие джинсы и черная кожаная куртка, и Мэл ненавидела его за то, что он выглядит так великолепно.

Она одарила Сьюзан острым взглядом.

— Помнишь, о чем я тебе говорила этим утром? Я собираюсь сделать это после ланча.

Сьюзан улыбнулась и закивала головой, а Мэл подмигнула ей. Сьюзан была понятливой.

Итак, Роб прямо сейчас ждал ее ответ, который ему не понравится. Это не тот разговор, который она хотела бы провести. Но Роб предупредил ее загодя – это было той причиной, по которой он не хотел начинать сексуальные отношения с ней. Несмотря на то, как все вышло, Мэл все же была рада, что они их начали. Пережить весь этот опыт стоило той боли, что ей вскоре придется испытать.

Они ели пиццу в полнейшем безмолвии, но как только он доел свой последний кусок, бросился разглагольствовать.

— Я ненавижу говорить тебе об этой ситуации, Мэлани, — сказал он, слизывая жир с пальцев, — в которую я тебя ставлю, но это именно то, где мы сейчас находимся.

Она опустила свою пиццу, ее аппетит полностью пропал.

— И что мне прикажешь делать, Роб? Просто сказать, «Увидимся Джейн. Я сливаюсь из твоей жизни сейчас. О, и, кстати, удачи в судебном разбирательстве по убийству». Я не могу так поступить с ней... на ее стороне никого нет, даже семьи.

Роб взял свою содовую и жадно начал пить. Мужчина уставился на трех шумных человек за столиком по соседству с ними. Мэл смотрела на него, но он этого не видел.

Она позволила тишине опуститься между ними, желая узнать, как долго тот сможет продержаться. Взяв в руки телефон, мужчина кинул его в карман куртки, затем сграбастал ключи со стола. Кожа на его лице натянулась.

— Тогда мы перестанем видеться друг с другом, — отрезал Роб, — по крайней мере, на время суда.

Теперь Мэл отвернулась в сторону – подальше от его пронзительного взгляда – отклонившись на ее сидении и надеясь, что он скоро уйдет. Его присутствие было подавляющим и вытягивало из нее всю энергию.

— Я уже говорил с прокурором, — продолжил мужчина, потеряв ключами от машины бровь. — Ну, сказать, что ей не понравилось, что мы встречаемся... это как сказать, что в аду средние тропики. Она ответила, что наши отношения были бы неудачным обстоятельством в любом деле, но для тебя, Мэл, лучшим сценарием станет, если ты установишь дистанцию с подсудимой незамедлительно. Ну, а если мы продолжим также встречаться? Адвокат защиты порвет меня. Хоть я и не офицер, проводивший задержание, я являюсь ведущим детективом по делу.

— Мне кажется, так как ты на стороне обвинения Джейн и не на стороне ее защиты, доверие к тебе не должно пострадать от встреч со мной. Но неважно. *Que sera sera*²⁰.

— Это не так работает, Мэлани. Если есть хоть малейший шепоток о неподобающем поведении – что будет рассматриваться как конфликт интересов – это обязательно навредит

делу, так или иначе. Мы стараемся не предоставлять никаких поводов, которые могут послужить нарушению процессуальных норм. Все должно быть прозрачно с самого начала и до конца.

Роб замолчал, когда другой посетитель слишком приблизился к их столику, подождя пока парень не пройдет мимо. Как только тот прошел, посмотрел на Мэл долгим взглядом. Мимо внимания Роба не ускользнуло, как оценивающе парень посмотрел на Мэл.

— Я смею надеяться, что ты не встретишь высокого, темноволосого и красивого незнакомца в промежутке времени пока идет судебное разбирательство.

— Большого незнакомца, чем ты? — она усмехнулась. — Это вряд ли. И я надеюсь на то же, кстати. Как я могу знать, что тебя не собьет с праведного пути какая-нибудь большегрудая блондинка, помощник адвоката, склонившаяся над клавиатурой в офисе прокурора?

Его раздавшийся смех напоминал что-то среднее между фырканьем и лаяньем.

— Нам остается только верить, я так думаю, — непринужденно сказал Роб, но затем резко сменил тон, — просто помни, что я не тот, кто выбрал Джейн вместо тебя.

— Нет, потому что Джейн не твоя подруга... и ты не единственный человек на ее стороне в целом мире. И это действительно нечестно с твоей стороны говорить так, Роб, и ты об ютом знаешь. Я не выбираю между Джейн и тобой. Я просто отказываюсь бросать мою подругу. Я бы очень хотела сохранить и тебя. Ты единственный кто настаивает, что мы не можем видеть друг друга.

Он раздул щеки и выдохнул через нос.

— Что я могу поделать? Поставить все дело под угрозу? Я не могу сделать это, Мэлани — ты же знаешь, что я не могу.

— Я понимаю твои обстоятельства, Роб. Просто так случилось, что я верю, что Джейн невиновна, и бросить ее в час чрезвычайной и ужасной нужды будет просто... — она поискала подходящее слово, — ...немыслимо. Не считая того, что перед этим была несущая ночные кошмары автомобильная авария, в которой она чуть не погибла. Это невообразимо.

— Да, ей бы следовало подумать об этом прежде, чем она решила пристрелить жену своего соседа.

Казалось, что его раздражение вновь уступило место гневу. Мэл сузила глаза — нах*й все это, подумала Мэл.

— Она этого не делала... и я ставлю годовую зарплату за эту веру.

— Ну, я ставлю свою зарплату на то, что прокурор выиграет в суде.

Роб резко встал, подобрал свою бумажную тарелку, ставшую прозрачной от жира, и сверху бросил свою салфетку.

— Увидимся, Мэл. Надеюсь она того стоит.

Мэлани смотрела, как он бросил свою ношу в мусорку и прошествовал к выходу из пиццерии, и только потом позволила себе уронить голову на руки. Она будет скучать по безмозглому идиоту.

Но Мэл знала, что права она, а Роб был не прав, прося ее об этом. Реальность Джейн была намного хуже, это было вовсе не смешно.

Как она может не помочь Джейн? Бл*ть, зачем вообще заводить друзей, если не собираешься быть с ними и в беде? Мэлани знала, что должна поддерживать Джейн, но не была уверена как лучше это сделать. Часы посещения были с часа до девяти, так что у нее еще было время, но она хотела добраться туда как можно раньше, чтобы Джейн не

чувствовала себя абсолютно одинокой. Поговорив с Джейн, она поймет, чем сможет лучше всего помочь.

Мэл сняла сумку со спинки стула и набросила на себя пальто. Пробирающий до костей туманный, серый день соответствовал ее настроению, когда она налегла плечом на тяжелую стеклянную дверь, выходя на улицу.

Мэл сидела на потертом пластиковом стуле, ее глаза метались по комнате. Как только она встречалась с кем-то глазами, то сразу же отводила взгляд. Мэл никогда раньше не была в здании тюрьмы, а «Райкерс» была одной из пользующихся самой дурной репутацией. Хоть она и не была знакома с тюремным этикетом, но здравый смысл подсказывал ей, что смотреть на кого-то и быть застигнутой на этом не самая лучшая идея.

Когда она позвонила, ее проинструктировали по поводу дресс-кода, так что Мэл постаралась надеть сдержанный наряд, одев поверх него свой темно-синий бушлат. Некоторым женщинам, которые тоже пришли с визитом, не позволили войти из-за их одежды. Мэл видела, как одна женщина рыдала, потому что она приехала издалека, чтобы навестить сына, а ее не пустили.

Мэл ждала, пока Джейн приведут в комнату для посетителей, и ее разум был занят деталями. Шлакобетонные стены были двухцветными: очень бледный грязно-зеленый цвет сверху сталкивался снизу с цветом хаки. Стулья были пластиковыми, а столы низкими, высотой с кофейный столик. Там было несколько предметов для детей и грудничков в углу – бустерные сидения и прочее. В целом, обстановка была депрессивной как в аду.

Четыре минуты спустя, Джейн появилась в дверном проеме, сопровождаемая женщиной охранницей на голову выше нее. Подруга выглядела такой бледной и крошечной, что Мэлан почти не узнала ее. Сердце сжалось в груди от лицемерия Джейн, с которой случилась такая беда, когда в ее жизни и так уже было много горя за последнее время.

— Привет, сладкая. Как ты? — спросила она Джейн, когда та приблизилась к столу, где сидела Мэл.

Девушка села напротив Мэл и подняла припухшие глаза, набухшие от свежих слез.

— Мэл, они думают я убийца. Я даже не могу защититься, потому что ничего не помню.

— Я знаю, Джейн. Это паршивая ситуация. Ты вспомнила что-нибудь еще за последнее время?

Девушка в ответ потрясла головой.

— Старье, да, много старых воспоминаний. Но недавних... я очень стараюсь. Но ничего больше. Просто небольшие детали... но кто знает? Может быть, они могут помочь в расследовании, ведь одно из них о том, как я была за рулем – может в тот день? Я не уверена и у меня даже нет моей тетради, записать их, когда воспоминания приходят ко мне. Как ты думаешь, сможешь ли ты забрать ее и как-то передать мне или что-то в этом роде? Я не хочу, чтобы тебе пришлось вновь проделывать весь этот путь сюда. Я даже не знаю, как долго мне придется оставаться в этой выгребной яме. Мой отец нанял адвоката. Надеюсь, что смогу выйти завтра вечером, но я не хочу ехать домой. Не сейчас. Я слишком напугана.

— Конечно, я принесу ее тебе. Смогу забрать завтра после работы, но вероятно я не смогу приехать до понедельника. Ты же здесь не останешься так надолго, не так ли?

Джейн попыталась улыбнуться, но улыбка быстро превратилась в гримасу.

— Не знаю, как долго я буду здесь или даже освободят ли они меня под залог. Я не знаю ничего. Но по понедельникам и вторникам не разрешают приходить посетителям. Можешь ли ты как-то передать тетрадь сюда? Я прошу прощения, что стала в последнее время такой ношей, Мэл, с этой автомобильной аварией и теперь вот это.

— Прекрати. Ничего из этого не твоя вина, Джейн. Все в порядке.

— Фитцгиббонс посвятил тебя в детали?

Мэл покачала головой – она не знала, что из того, что он сказал, она может рассказать.

— Тебе нужен хороший адвокат. Ты созванивалась с родителями?

— Да. Моя мать была в ужасе, что от моей репутации остались одни лоскутки.

Она разрыдалась.

— Ей абсолютно плевать, что я в этой вонючей тюрьме, напуганная до усрачки, и в окружении жутких преступников.

Она прошептала последнюю часть, беспокойно оглядываясь вокруг.

— Они приедут, твои родители?

Джейн подняла свой взгляд на Мэл. Ее глаза были покрасневшими и опухшими.

— Я, правда, не знаю. Мать сказала, что оплатит часть юридических услуг. Ву-у-пи. Какая замечательная, верно? Мне вообще не нужны ее чертовы деньги, но очевидно, что она предлагает только это.

Джейн стерла слезы тыльной стороной ладони.

— Боже, я реально сорвала джек-пот, когда получила таких родителей, — сказала она, хлюпая носом и оглядываясь вокруг в поисках салфетки, но не найдя ни одной.

— Ты уже говорила с каким-нибудь юристом?

Она нахмурилась.

— Нет. Мой отец говорил. Адвокат, которому он позвонил, приедет встретиться со мной сегодня вечером. Я надеюсь, кто бы это ни был, получит для меня освобождение под залог, так что, по крайней мере, я смогу поехать домой. Я здесь уже почти два дня.

— Он – хороший адвокат?

— Он друг моего отца. Они – его фирма – обычно не имеют дел с уголовным правом, но если он сам не сможет взять дело, порекомендует кого-то, кто сможет. Этот человек должен быть здесь к шести часам. Я надеюсь, что смогу уехать вместе с ним.

Джейн вытерла нос рукой.

— Но я не думаю, что это возможно. Я думаю, мне придется ждать, пока меня не предадут суду. Так что может быть тогда.

Мэлани кивнула, ссутулив плечи. Комната ощущалась такой холодной, несмотря на то, что здесь было много людей.

— Джейн, послушай меня. Тебе нужен лучший адвокат по уголовным делам – эти обвинения очень серьезные. Тебе нужен один из лучших, — Мэл наклонилась чуть ближе. — Не сдавайся, ты слышишь меня? — Она подождала, пока Джейн не посмотрит ей в глаза и не кивнет в согласии. — Боже, желала бы я, чтобы ты вспомнила больше о времени, окружающем аварию. То есть, ты должна была сказать кому-нибудь, куда отправляешься в тот день.

— Даже если и сказала, я не помню, кому. Боже, это так бесит, Мэл. Я просто хочу прыгать и кричать.

— Я знаю, Джейн. Я хотела бы помочь больше... — Мэл постукивала ногой, в поисках идей. — Эй, а что насчет гипнолога?

Джейн выглядела скептически настроенной.

— Я так думаю, можно попробовать – это может помочь подстегнуть мою память. Я не знаю... Мэл ты должна попросить Фитцгиббонса прийти поговорить со мной сюда. Может он сможет найти какой-то смысл в этих маленьких деталях, что я вспомнила. Они могут быть важными.

Мэл пыталась свести разговор подальше от Роба.

— Какие детали? Расскажи мне о них.

— Они не имеют никакого смысла. Я готовлю сливочную помадку с каким-то мужчиной, ключи от авто на серебряном кольце для ключей от Тиффани, еду, чтобы встретиться со страшной блондинкой суицидницей в зеркальных солнечных очках...

— Блондинкой суицидницей?

Вопрос вызвал крошечную усмешку у Джейн.

— Умершую от собственной руки. Никогда не слышала о таком?

— Нет, — сказала она, усмехаясь.

— Детектив Фитцгиббонс может помочь собрать все части воедино. Может у него есть информация, которой нет у нас, ты знаешь?

Мэл несчастно кивнула, зная, что он никогда не захочет в этом участвовать. Но она не могла сказать это Джейн, видя ту надежду, что загорелась у той в глазах.

— Я попытаюсь, Джейн. Но если ничего не выйдет, расскажи об этом своему адвокату.

— Но мой адвокат не детектив, Мэлани. Детективы должны расследовать преступления и твой – ведущий по этому делу.

Мэл, не отрываясь, смотрела на стол, выписывая пальцами невидимые вихри и восьмерки на его бежевой поверхности.

— Он не мой, но да, хорошо. Я попытаюсь поговорить с ним, как только выйду отсюда. Но скорее всего Фитцгиббонс не сможет с тобой встретиться из-за конфликта интересов...

— Мэл перевела свой взгляд вверх на Джейн и увидела, как бледный огонек тускнеет в глазах ее подруги и поспешно добавила, — посмотрим. Тем не менее, как ты?

— А как ты думаешь? — ее нижняя губа начала дрожать. — Я в тюрьме, Мэл. В «Райкерсе». За преступление, которое, я практически уверена, не совершала.

Полностью бесполезной вот как ощущала себя Мэл, покидая Джейн. Бедная девушка отчаянно нуждается в сильном адвокате, и у нее такого нет. Только ее очень неадекватная подруга с работы стоит между ней и руинами. Джейн отчаянно нуждается в ком-то на ее стороне, кто реально может повлиять на ход событий. Мэл сразу же подумала о детективе Робе Фитцгиббонсе, который отказался помогать. Мэл знала, что он находится в сложном положении, но хотела, чтобы тот поступил правильно и непредвзято.

Мэл почти не сомневалась в Джейн. Но, когда кто-то вроде копа говорит тебе с властностью и почти абсолютной уверенностью, что другой человек виновен в преступлении, ты не можешь ничего сделать, чтобы не прислушаться к его словам. Мэл чувствовала, что хорошо знает Джейн и на девяносто пять процентов знала мозгами и всем своим сердцем, что Джейн не была убийцей. Знала это.

Все же было некое зудящее ощущение в ее голове. Эти жалкие пять процентов сомнения, посеянные решимостью одного горячего копа. Может ли это быть правдой? Эти дорогие трахни-меня лабутены в гардеробе Джейн так были на нее не похожи. Мэл обязана была спросить о них Джейн. Основываясь на всем, что Мэл знала, она была уверена, что туфли даже не принадлежали Джейн. Может, кто-то одолжил их ей.

У Джейн также было много дорогого и эротичного нижнего белья. Это указывает на секс, а, следовательно, на мужчину, с которым она регулярно встречалась. Но никакого мужчины не объявилось. Если это не был Мейсон Колдвелл, тогда почему так вышло?

И факт, что было крупное снятие денег со счета Джейн. Что она делала с этими деньгами? Если это была покупка... почему оплата была наличкой?

Согласно словам Роба, было еще больше чертовых улик, которыми он не мог поделиться с ней. Но судя по тому, в чем он признался, Мэл почти казалось, что кто-то пытается достать Джейн. Этого было слишком много, чтобы лишить Мэл покоя – влюбленность в старшей школе, покупка недвижимости, снятие налички, фото, на котором наши отпечатки Джейн. Если бы Джейн была виновной в этих обвинениях, она была бы худшим преступником в истории, оставляя липкий след крошек позади себя.

Одно было истиной – Джейн не была тупой; она была умной. Почему умная женщина станет такой недалекой убийцей?

Пятница тянулась медленно, и Мэлани казалось, что она прокладывает свой путь в толстом тумане. Вместо того чтобы уйти в четыре, как она планировала, она сказала своим коллегам, что плохо себя чувствует – на самом деле правду – и ушла оттуда в час, направившись напрямик к дому Джейн в Ривердейле, чтобы забрать тетрадь. Поездка на поезде прошла без событий и меньше чем через тридцать минут, она шла два квартала до таунхауса. По пути, она проходила мимо крошечного кафе, куда Джейн брала ее на ланч все эти недели – и целую жизнь – назад. В их небольшом киоске, Мэл увидела местную газету.

На первой странице, заголовок кричал *Месть зубрили*, а далее следовало ужасное фото Джейн.

Публикация описывала Джейн как толстую, уродливую девушку, которая годами волочилась за популярным красавцем спортсменом, пока, наконец, ее не переключило, и она не убила его гламурную жену. Мэл нагнулась и прочитала первые несколько строчек. Ар-г-х-х. Там говорилось, что в помутившемся рассудке Джейн была мысль: Мейсон заинтересуется ей, как только останется одиноким снова, и они будут жить долго и счастливо.

Мэл отчаянно желала, чтобы Джейн никогда не увидела этого. Газета напечатала два фото Джейн, вероятно из ежегодника старшей школы. Ни одно из них не было лестным – чего и следовало ожидать. Единственное опубликованное фото Мейсона было, где он, будучи в своей футбольной форме держал в руках мяч и лыбился в камеру, выходя на миллион баксов.

Жизнь была несправедливой.

— Какого х*я? — пробормотала она вслух, когда подходила к дому Джейн. Самодельный мемориал был установлен вначале подъездного пути к дому Колдвеллов, заполненный плюшевыми игрушками и цветами. Сразу же рядом с ним находилась собственность Джейн, и ее подъездная дорожка была усыпана разбитыми яйцами, кремом для бритья и осколками стекла от разбитых бутылок. Хуже того, там была неоновая-розовая краска, которой были начертаны слова на асфальте, прямо по дорожке и даже на белой двери.

Убийца. Шлюха. Киллер.

Этого следовало ожидать, подумала Мэл, потому что это не было тем типом соседства,

где терпимо относятся к такого рода вещам. Ривердейл был облагороженным и богатым – мемориалы на боковых дорожках и вандализм не совсем вписывались в окружение из ползучего плюща и голубоватого песчаника.

Прошло только три дня после ее ареста, а Джейн уже была осуждена и приговорена общественным мнением. По мере того как Мэл подходила к двери, кто-то окликнул ее.

— Если ты хочешь для себя как лучше, держись подальше от этого дома. Люди не рады, что он принадлежит убийце.

Мэлани медленно повернулась на голос, ее пульс участился. Мужчина был огромным и внушительным, по обоим его предплечьям шли тату – насколько она могла видеть, рукава его куртки были закатаны.

— Я риэлтор, сэр. Мы поставим этот дом на продажу в предстоящие недели. Вы живете здесь рядом?

Мэл знала, что нет.

Он направил на нее свои маленькие серые глаза бусинки.

— Нет, я не живу здесь рядом, так и есть. Я никого не знаю из этих людей вообще, — признал он, жестом показав вокруг квартала, — но старая маленькая леди, на которую я работаю, чтобы прокормиться, живет вверх по улице, и она была очень расстроена, когда застрелили эту бедную леди, ты в курсе? Так что я блюду ее интересы, можно так сказать.

Его блестящая лысая голова, присоединенная к короткой шее, дернулась, чтобы просканировать окружающее пространство, прежде чем вернуть свое внимание к ней.

Мэл кивнула, пытаясь выглядеть сочувствующей, как она надеялась.

— Я поняла. Мне просто нужно оглядеться вокруг, может сделать несколько быстрых снимков интерьера. Спасибо, что бдительны.

После долгой минуты, в течение которой он не спускал с нее взгляд, сказал предупреждающим тоном:

— Теперь ваша очередь быть бдительной.

Когда она начал уходить, он протянул вновь.

— Почему сюда пришли два агента по недвижимости за один день?

Спина Мэл стала деревянной.

— Другой риелтор был здесь?

Он усмехнулся, обнажая кривые, грязные зубы.

— Да, но не такая симпатичная как ты. Та выглядела несколько потрепанной. Ты знаешь, она крутилась тут в квартале несколько раз.

— Вы имеете в виду, она была старше?

Он плюнул на землю справа от ноги.

— Не, просто попользованной. В любом случае, оставлю тебя заниматься своими делами.

Как только за Мэл закрылась входная дверь, девушка прислонилась к ней и глубоко вдохнула. Что за ху*ня только что произошла снаружи? Этот район был эксклюзивным и люди, выглядящие как отрепье, сюда не вписывались. И кто была та другая, что выдавала себя за риелтора? Насколько знала Мэл, Джейн не имела планов продавать дом и, кроме того, тот противный тип считал, что женщина выглядела потрепанной, Мэл посчитала, что та никак не могла быть риелтором для первоклассных домов. Может быть, она была репортером, пытающимся что-то вынюхать? К несчастью, Джейн придется все-таки продать дом в какой-то момент, иначе ее демонизируют, как уже происходит.

Но почему Джейн привлекла все это внимание? Людей арестовывают все время, и некоторые даже оказываются невиновными. Бедной девушке было даже некогда перевести дыхание.

Оттолкнувшись от двери, Мэлани пошла на поиски тетради Джейн. Она не знала, где та лежит, но спальня была неплохим вариантом для начала поисков, так что Мэл направилась туда.

Медленно открывая дверь, она заглянула внутрь. Все было так, как оставила Джейн – словно она зашла в душ минуту назад. Ее пижама была разложена на постели, а полотенце висело на одном из столбиков старомодной кровати с четырьмя столбиками. Очевидно, Джейн не знала, что постучится к ней в дверь.

Ища тетрадь, она нашла коробку с книгами и бумагами и не смогла воспротивиться соблазну. Мэл могла оправдать свой шпионаж, сказав, что была такая вероятность, что Джейн могла бросить тетрадь к книгам. Перемешанная с некоторыми бумагами там была классная фотография из средней или старшей школы. Мэл приблизила фотографию, ища на снимке Джейн. Она, в конце концов, нашла ее в верхнем ряду, выглядящую крайне раздраженно. Фото не было лестным и казалось, что Джейн и вовсе не старалась хорошо на нем выглядеть. Мэл понимала почему.

Девушка продолжила рыться среди бумаг. Почти на дне она нашла фотографию стройной женщины, практически обнаженной, в высоких каблуках и откровенной рубашке и трусиках. Она выглядела как фотография одной из ангелов Виктории Секрет. Лицо женщины было отвернуто от камеры. Мэл смотрела на него долгое время. Может ли это быть Джейн? Казалось, что может... но нет, Джейн только недавно потеряла свой вес. Прежде она была тяжелой. Кроме того, Джейн была не тем типом девушки, что одевается в откровенное белье и позволяет кому-то фотографировать ее. Мэл просто не могла представить себе этого.

Только если подруга не играла роль все это время? Маленький холодок пробежал по затылку Мэл.

Нет. Это смехотворно, решила она, прекращая мыслить в этом направлении. Подозрения Роба насчет Джейн заразили Мэл. Она обыскала спальню, но не нашла тетрадь и направилась вниз по лестнице. Ее не было в гостиной, все еще лишенной мебелировки. Мэл стояла посередине большой, пустой комнаты, уперев руки в бедра, спрашивая вслух:

— Куда бы я положила тетрадь, если бы была Джейн? О'кей, если бы мне надо было записать мои мысли и эмоции для размышления, я бы захотела либо чашку кофе или бокал красного вина, чтобы облегчить процесс.

Она направилась в кухню.

Бинго. Она заметила ее сразу же, как только переступила порог. Коричневая тетрадь в кожаном переплете лежала, как ни в чем не бывало на гранитной столешнице, рядом с разделочной доской. Мэл пролистала ее, а затем резко захлопнула. Это было личным, и неважно как сильно она хотела прочитать это, она не станет.

Или станет? Она прижала тетрадь к груди, обдумала ситуацию и ее мысли забегали.

Ее размышления были прерваны трелью дверного звонка. Девушка вскочила со стула, на который присела, ее сердце ускорило свой бег, сравнившись по скорости с «Мазератти». Кто это и должна ли она ответить? Почему Мэл почувствовала себя, как будто совершила что-то неправильное? Она бочком стала пробираться к входной двери, осторожная на случай, если пришел кто-то, кто хочет навредить Джейн.

— Кто там? — позвала Мэл через тяжелую деревянную дверь. Ничего. Она прокричала громче. — Кто это?

— Доставка, мэ.м.

Мэл выглянула в боковое окно. Достаточно правдиво, снаружи стоял грузовик для перевозки мебели. Она открыла дверь старому мужчине, носящему темно-голубую униформу, украшенную названием мебельной компании, выполненную желтой нитью на его груди.

— Что вы сегодня доставили?

Он сверился с планшетом.

— Все за исключением консоли, которой еще нет в наличии.

— Все, это значит..?

— Вся мебель, что вы заказывали, мэ.м.

Мужчина ощущал себя неуютно, и Мэл вспомнила про граффити на асфальте.

— Это дом моей подруги. Я просто зашла забрать для нее пару вещей. Можете ли вы сказать мне конкретно, что вы доставили?

— Конечно. Вот накладная. Взгляните.

Он вручил ей листок с планшета.

Мэл посмотрела на него. Там был список из десяти наименований. Диван – 2479 долларов; кресло – 899 долларов; кофейный столик – 499 долларов; две настольные лампы и одна напольная лампа – 469 долларов; обеденный стол и два кресла (уже доставлены) – 2500 долларов; обеденная лавка (уже доставлена) – 280 долларов. Общая стоимость – 7126 долларов, включая налоги, полностью оплачено, наличными.

Наличными.

Десять тысяч минус три равняется семь.

Семь тысяч долларов наличкой.

Ее сердце забилось, как молот, Мэл едва смогла обрести голос.

— Часто ли покупатели платят наличкой?

Мэн усмехнулся.

— Владелец магазина любит наличку. Он дает покупателям пятнадцатипроцентную скидку, если они платят наличными. В этом случае, скидка была в виде дополнительного предмета мебели – консольного стола, который все еще на сборке. Мистер Джеймисон – владелец – также дал в нагрузку и ковер ручной работы размером пять на семь... из-за количества купленного. Ваша подруга заказала большую часть мебелировки для дома в его магазине. Он это ценит.

Мэл кивнула, полностью забросив попытки улыбаться и пытаться казаться нормальной. Она открыла дверь и отошла в сторону, позволяя доставщику и его рабочим зайти в дом.

Поковыляв на кухню, она уселась на стуле, бросила телефон на столешницу и попыталась сделать телефонный звонок своими дрожащими руками. У нее есть доказательство, конкретная улика, которая потенциально может вытащить Джейн из тюрьмы. Мэлани просто должна понять, как сыграть ее верно. Она хотела бы поговорить об этом с Робом, но...

Глава 31

Уже стемнело, когда Рэтт Хармон запирала дверь офиса в деловой части города рядом

со зданием суда. Каблуки ее туфель, в которых она расхаживала в суде, глухо цокали по пустым плиточным коридорам, когда Рэтт выходила из здания. Совершеннейший образец амбициозного молодого прокурора. Рэтт очень обрадовалась подарку: она была назначена на дело преследовательницы-убийцы, которое так потрясло город. Это была классическая история об одержимости, ревности и убийстве. И имела все атрибуты того, чтобы понравиться толпе: молодой красивый мужчина, его прекрасная жена, чья семья происходит из высшего общества Нью-Йорка, и девчонка неудачница, живущая по соседству, которая преследовала мужчину со времен средней школы и строила планы по убийству его бедной женушки. История стала еще пикантнее, когда эта толстая девчонка неудачница попала в автомобильную аварию, потеряла тонны веса, обрела новый нос и вырвалась из своего жирного кокона, в виде прекрасной бабочки, как раз ко времени суда по убийству. Как же все могло сложиться еще лучше?

Это был чистый таблоидный материал.

Рэтт как ведущий адвокат собиралась выступать на стороне обвинения и в дальнейшем, чтобы отправить Джейн Дженсен в тюрьму на всю жизнь, без возможности условно-досрочного освобождения. Все будут знать имя помощника окружного прокурора к концу рассмотрения судебного разбирательства. Окружной прокурор сказал ей не затягивать с разбирательством. Он не хотел никого из семейства Колдвеллов или Коббов, дышащих ему в затылок, в течение избирательного года. Рэтт будет работать, сколько будет необходимо, чтобы выиграть дело. Тяжелая работа никогда не пугала ее. Ее пугали поражения. Посредственность пугала ее. Всегда чувствовать неуверенность по поводу своего социального статуса – ее родители были из рабочего класса – не впечатляющее образование, которое позволяло ее менее чем звездное происхождение. С раннего возраста Рэтт поклялась себе, что будет усердно работать, и так будет выделяться, что взойдет по социальной лестнице еще до тридцати лет.

Сейчас ей было двадцать восемь.

Работа у прокурора округа в Нью-Йорке не была самой гламурной или доходной работой, которую Рэтт могла получить по окончании юридической школы, но являлась инструментом для престижных первых шагов к политической карьере. Сейчас Рэтт училась на четвертом курсе и победа в этом деле будет достаточной, чтобы перейти к следующей фазе ее карьеры.

Рэтт не хотела денег, она жаждала власти. Каким образом ее лучше получить, как не через офис политика? Соответственно, она должна платить свои гражданские взносы. Нужно вовремя забраться на нижнюю ступеньку, чтобы затем оказаться на следующей. Рэтт планировала получить опыт во многих юридических областях, прежде чем зайти в воды выборной должности. Вскоре она сможет двинуться к следующей работе.

Убедительная победа в деле, которое находится под неусыпным вниманием масс-медиа, будет лучшей лебединой песней, положившей конец ее дням в качестве помощника окружного прокурора. Затем она перейдет к работе в частном секторе, а после может быть переедет в Вашингтон, где лучше узнает коллег и места их отдыха. Либо это, либо поработает в местном офисе, может быть в Городском Совете, и использует это как отправную точку. Ее конечной целью было место либо в Сенате, либо в Министерстве Юстиции.

Она планировала достигнуть пика карьеры к сорока годам. Джейн Дженсен подтолкнет ее к этому. Может даже послужит катапультой.

Насколько она могла видеть, дело было плевым. Есть мотив. Есть доказательства – как улики, так и показания свидетелей. Есть явный денежный след. Если только не огромное оправдывающее, в виду исключаяющих вину обстоятельств, доказательство не поднимет голову, Рэтт не видела причин, по которым может проиграть. Она искренне сомневалась, что Джейн будет активно защищать себя. Хоть Рэтт лично и не встречалась с женщиной, но те, кто с ней общался, рассказывали, что Джейн была безропотной и мягкотелой. Не совсем подходящий главный свидетель для защиты.

Джейн Дженсен также не имела сильных адвокатов – людей, которые поддержат ее, донесут ее дело до социальных медиа, наделают шума. У нее не было семьи в регионе, да и не так много друзей поблизости. Никакого бойфренда или мужа, немного социальной активности, никого за исключением коллег по работе, которые будут выступать на ее стороне. Если Рэтт не сможет выиграть дело, это станет позором для нее.

Она пошла по направлению к крошечному многоквартирному дому в финансовом районе, позволив себе расслабиться и ментально переключиться, пытаясь решить, что приготовить на ужин сегодня вечером, и какое кино она посмотрит на Нетфликс. Она позволит себе полтора часа наслаждаться им, а затем вернется к работе, чтобы заняться документами, которые ей надо подготовить на этой неделе.

Ключ к успеху был в тщательнейшей подготовке. Адвокат никогда не должен быть застигнут с «опущенными штанами». Хороший совет как буквально, так и фигурально и именно тот, что Рэтт воспринимала всем сердцем. Она была всегда готова к любым случайностям.

Взбежав по двум пролетам мраморных ступенек – ее ежедневному упражнению – она попала в гладкую современную квартиру-студию. Покупка этих апартаментов была умным ходом, потому что через год-полтора Рэтт будет владеть местом, которое подорожает в цене на пятьдесят процентов. Одну за другой, она вытащила невидимки из ее низкого шиньона, позволив своим гладким черным волосам скользнуть вниз, и начала раздеваться, в ее маленьком алькове для переодевания в углу квартиры. Спустя несколько минут, облаченная в штаны для йоги и футболку, Рэтт разогревала оставшийся рис басмати с рагу из овощей, в то же время, обдумывая выбор фильма. Ничего не шло в голову, потому что она не могла избавиться от мыслей о деле. Штат Нью-Йорк против Джейн Дженсен.

Забыв о кино, она села за обеденный стол, ее ужин был слева, а папка досье справа и начала читать.

Мэлани ждала до обеда, чтобы позвонить Робу по просьбе Джейн и рассказать ему о мебели. Она чувствовала, что это ее момент эврики и не могла не ощущать себя самодовольной, но быстро подавила это чувство. Роб сразу почувствует, и это заставит его перейти в оборонительную позицию. Почему она ждала до обеда? Как и большинство мужчин, он был всегда более уступчивым на полный желудок.

Как только он ответил по телефону, Мэл все выпалила. Не дожидаясь ответа, она продолжила:

— Так что ты должен переоценить обвинения в свете новой информации.

— Абсолютно нет, Мэлани. Этого не случится.

— Что – ты шутишь надо мной? Но если же есть новое доказательство? Разве это не

твоя этическая, моральная и профессиональная обязанность провести расследование?

— Нет, потому что я остаюсь убежденным, что Джейн Дженсен наняла киллера, чтобы убить Кейт Колдвелл. Нет никаких новых доказательств. Она полна дерьма и отчаянно жаждет спасти свою шкуру.

Мэлани на своем опыте узнала, что означает слово – лишающий дыхания. Никогда еще для нее слова Роба не были такими шокирующими и оскорбительными, ее легкие просто выпустили весь воздух на одном выдохе, заставив Мэл задыхаться. Девушка тяжело сглотнула и заставила себя дышать, вдыхая через нос диафрагмой, вновь обретая равновесие. Спасибо Богу за йогу. Прочистив горло, она была спокойна, когда нацелилась продолжить разговор.

— Я вижу. Извините, что докучаю вам, детектив. Приятно провести вечер.

Мэл с силой нажала красную кнопку, получая небольшое удовлетворение от разрыва общения с этим придурком. Она зацепила зубами верхнюю губу. Что теперь? Она была так уверена, что как только расскажет Робу о своем открытии, он немедленно сделает переоценку дела и вины Джейн. Вместо этого, он сказал, что это не имеет никакого значения. Какого х*я?

Роб смотрел на свой телефон, когда понял, что разговор завершился. Он еще какое-то время смотрел на него. После резкого разговора с Мэлани, он пережил кризис нерешительности – нечто странное для него. Роб гордился своей решительностью от природы, он никогда не сомневался при принятии решений и никогда дважды не думал о принятом решении. Но сейчас... во-первых, он пожалел о том, как провел разговор – он позволил своему гневу показать себя в лучшем виде. Когда увидел имя Мэл на экране телефона, он подумал, что она звонит ему, чтобы сказать что не будет больше контактировать с Джейн, чтобы продолжать видеться с ним. Не то, чтобы Роб, бл*ть, просил ее выступать против гребаной Дженсен. Бога ради, он просто хотел, чтобы Мэл прекратила контакты с ней на время следствия.

Хорошо, они не так уж долго знали друг друга, это верно. Несмотря на это, он был всерьез влюблен в Мэлани, и между ними была электризующая сексуальная химия. Мужчина инстинктивно сразу знал, что так будет, как только увидел девушку, и это было собственно причиной, по которой он старался держать ее на расстоянии. А когда Роб сдался... ну, та ночь была незабываемой. Он был снова быстро готов, после первого раза с ней, и никогда так не наслаждался просто тем, что был внутри женщины и неспешными поцелуями всю ночь. Он хотел этого снова, черт побери. Больше чем один раз.

Что касается сомнений по поводу принятия решений, ну, он в этом сомневался. Мэлани предоставила ему информацию, которая наведет шороху в их деле против Джейн Дженсен и он должен пойти с этим к помощнику окружного прокурора. Решение, с которым он не мог определиться прямо сейчас, должен ли он уведомить Рэтт Хармон прямо или передать по цепочке. Он не имел никакого желания, чтобы она вырвала ему яйца, когда уведет у нее добычу из под носа. Рэтт Хармон была голодным леопардом, и она чуяла свежую, окровавленную плоть Джейн Дженсен.

Однако чем раньше Рэтт Хармон узнает о новой информации, тем лучше она сможет скорректировать свое дело. Роб верил, что они все еще имеют достаточно улики на Джейн

Дженсен для передачи дела в суд. Нью-Йоркское слепое правосудие определенно работало им на руку. Хотя она и предоставила защите немного информации по их уликам, Хармон не передала письменные показания Пернода адвокату защиты, этого не требовалось. Пернод был их тузом в рукаве, он был киллером, и все же не был самым желанным свидетелем, но казался вполне достоверным. Он не пытался лжесвидетельствовать, когда они помогали готовить его к опросу в суде.

Жюри не будет его ненавидеть. Пернод был относительно харизматичным для человека из низов общества и подлого убийцы. Он прилично выглядел и был одним из тех странных преступников, кто верил в честь среди воров. Когда Пернод давал показания, он настаивал на том, чтобы все детали были записаны верно. Он сказал, что никогда не хотел бы быть виновным в отправке не того человека на север штата.

И это все сказал хладнокровный киллер.

Когда его спросили об этом, он заявил, что это такой же бизнес, как и другие, и так случилось, что он оказался в нем хорош. Он знает, что на большую часть остатка жизни попадет за решетку, но все же он ни в чем не раскаивается. Когда Роб спросил его, как он чувствует себя, оборвав жизнь красивой и многообещающей молодой женщины, Пернод пожал плечами и сказал:

— Пришло ее время. На свете есть слишком много видов рака.

Что к чертям собачьим это значило? У Роба появилось желание ударить его по голове.

Все же, Пернод поможет им выиграть дело и посадить реального убийцу за решетку на всю оставшуюся жизнь. По мнению Роба, наемный убийца был плохим человеком, но тот, кто нанял его, был еще хуже. Этот человек все замыслил, подготовил убийство и задействовал любые ресурсы, чтобы это случилось. Тщательное обдумывание занимает время и у человека должно быть невосприимчивое сердце. Стрелок всего лишь нажал на курок, нацелив его на незнакомца, и ушел прочь, даже не зная, кого он застрелил. Большая разница.

Глава 32

Из тетради Джейн, декабрь

Я не могу поверить в это. Я не могу, мать твою, поверить в это. Каждый раз, когда моя жизнь, казалось бы, становится лучше, что-то происходит, чтобы вновь уронить меня в глубокое дерьмо. Это заставляет меня захотеть просто сдаться, уснуть и никогда не просыпаться. Это заставляет меня пожалеть, что я выжила в автомобильной аварии, так усердно стараясь восстановиться только для того, чтобы закончить здесь.

В тюрьме.

Я в тюрьме.

На острове «Райкерс».

В обезьяннике, которая пахнет рвотой.

Арестованная за убийство.

Мэл навещала меня. Настаивала, чтобы я связалась с Сулу, вдруг она сможет восстановить какие-то пробелы в моей памяти, особенно, связанные с Мейсоном Колдвеллом. Я сопротивлялась поначалу, но моя жизнь потеряла баланс. Так что я позвонила.

Она долго не брала трубку. Я запишу разговор как можно подробнее, насколько позволяет память.

— Я предположу, что это ты, Джейн, так как не знаю никого в «Райкерс».

— Да, это я. Извини, что звоню тебе, чтобы попросить об услуге.

— Да, о какой услуге? То есть, ты обвиняешься в убийстве, Джейн. Не то, чтобы я могла помочь тебе выбраться оттуда.

— Сулу, ты можешь приехать навестить меня?

Густое разлившееся молчание навело меня на мысль, может разговор прервался, но затем я вспомнила, что наземная проводная линия не обрывается.

— Су?

— Да, я здесь.

— Я знаю, это неуместно, но мне действительно очень надо тебя увидеть.

— Зачем?

— Ты читала об автомобильной аварии?

— Статья, которую я читала о твоём аресте, упоминала про нее. И что?

— Сулу, мои воспоминания полны пробелов. Мой врач говорит, что никогда не видел такого же, как у меня случая, где большие куски жизни отсутствуют. Я надеюсь, что ты сможешь просветить меня о том, чего я не помню – по крайней мере, о наших школьных днях – кое-что среди этого может помочь по моему делу.

— Я серьезно сомневаюсь в этом, Джейн.

— Сомневаешься в чем? Что ты сможешь приехать или помочь?

— Помочь. Чем тебе могут помочь воспоминания из старшей школы?

— Сулу, кажется, мое телефонное время почти закончилось. Пожалуйста, приезжай навести меня. Завтра, часы посещения с часа до девяти. Пожалуйста, Сулу, пожалуйста, сделай это для меня.

— Я постараюсь, Джейн. Доброй ночи.

Ночью в «Райкерс», я пыталась уснуть в несчастной клетке. Было шумно, постоянно присутствовал какой-то гудящий звук, исходящий откуда-то – а откуда я не могла сказать. Я пыталась очистить разум в хрупкой попытке уснуть, когда вдруг увидела яркую вспышку, а следом за ней визжание шин. Я увидела лицо мужчины, смотрящего на меня – был ли это бедный парень из пикапа? Дэшон Кливленд.

Да, я знаю его имя. Теперь я никогда не забуду его имя. Он не заслуживал смерти. Фактически, теперь было бы лучше, если бы выжил он, а не я.

Но в этом воспоминании были дети, подростки, все собравшиеся кольцом вокруг меня. Почему? Я, должно быть, путаю два разных воспоминания. Удушливое ощущение рока сопровождало оба эти воспоминания, и я не имела никакого гребаного понятия почему. Я просто чувствовала себя отчаянно печальной, когда я думала об этом, о столкновении, о поездке на машине скорой помощи, о докторе в больнице. Но это не был доктор Лавелль, это был кто-то другой. Лысый мужчина с уставшими глазами.

Это все так сбивает с толку... так грустно.

Это был день Святого Валентина, я так думаю. Я была одета в мешковатый розовый свитер, розовый в честь праздника, мешковатый как обычно. Я... Я бежала от чего-то... или кого-то. Это как-то имело отношение к хеллоуиновской вечеринке, поцелуям в машине. После, он отвез нас к себе домой. О, мой бог, мы приехали в его дом. Я помню это.

Как только мы там оказались, в чистом подвале его родителей, он достал из кошелька

презерватив и повел меня в маленькую комнату с диванчиком. Именно там я потеряла мою девственность – с радостью. Я отдала ее Мейсону Колдвеллу. Я не могла поверить в свою удачу.

Он был нежен. Только выглядел лишь слегка удивленным, когда толкнулся в меня, и я ахнула от боли. Мейсон, должно быть, почувствовал, как порвалась преграда, ведь ему пришлось постараться, чтобы пройти через нее. Но все же он ничего не сказал, и я тоже. Я была так счастлива быть с ним, ощущать его прикосновения, ощущать его внутри. Секс сам по себе не показался мне хорошим, если быть честной, но Мейсон впоследствии выглядел довольным. Это все, что имело для меня значение.

Позже я задавалась вопросом, как давно он носил с собой презерватив, потому что тот порвался. Я поняла только через два месяца, что беременна.

О. Мой. Бог. Я была беременна ребенком Мейсона.

Теперь многое обретает смысл. Вот почему у меня постоянно возникало ощущение, что было что-то большее в наших с ним отношениях. Вот что связывало вечеринку на Хеллоуин с аварией на день Святого Валентина. Вот почему я ощущала уничтожающую тоску.

Моя беременность.

Мой выкидыш.

Авария привела к выкидышу. Я была уже почти на пятнадцатой неделе беременности. Никто не знал, кроме врача в приемном отделении, и естественно он сказал моим родителям. Я хотела лезть на стену после этого разговора. Но я была слишком травмирована для этого. Мой прекрасный маленький малыш ушел всего за какой-то час. Сердечная боль была невыносимой и нескончаемой. Я почти хотела, не помнить этого... но было важным помнить. Я умоляла доктора рассказать мне, какого пола был ребенок. Он не хотел... но, в конце концов, сказал.

Это был мальчик.

Глава 33

Ровно в час на следующий день, Сулу была в тюрьме, чтобы навестить Джейн. Когда девушку привели, она, увидев свою старую подругу из старшей школы, сидящую там, чуть не разразилась слезами. Для начала, было хорошо вновь увидеть ее лучшую школьную подругу. Сулу помогла ей пройти через те ужасные годы и Джейн действительно наслаждалась ее кампанией. Личность Сулу была почти непреодолимым концентратом мизантропии и сарказма.

Она выглядела именно так, как выглядела в старшей школе. В отличие от Джейн, которая преобразилась и кардинально изменилась в лучшую сторону, как внешне, так и личностно, Сулу осталась статичной и не претерпевшей развития. Она была одета в плохо сидящие коричневые брюки, красно-белые кроссовки и фиолетовую блузку, которая абсолютно не сочеталась с ее цветом кожи. Сулу не была полненькой в школе: она была худой и носила очки в толстой оправе, ее волосы всегда были жирными. Теперь же она набрала немного веса, достаточно, чтобы выглядеть располневшей. После первоначальной радости Джейн, при виде знакомого лица, внешность Сулу начала оказывать на нее угнетающее воздействие. Тем не менее, она приклеила большую улыбку на лицо и поприветствовала ее.

Сулу неуверенно встала, когда Джейн стала к ней подходить.

— Привет, Сулу.

Они неуклюже слегка обнялись – был разрешен минимальный физический контакт – и быстро отодвинулись друг от друга, избегая нарушения правил.

— Как поживаешь? Ты работаешь? — спросила Джейн, как только они сели.

Покачав головой, Сулу положила руки на стол, как вероятно ее проинструктировали тюремные охранники.

— Нет, я оставила свое последнее место работы два месяца назад... скорее уже три месяца назад... и пока не смогла найти новую. Мне бы действительно стоило закончить свою степень.

— Никогда не поздно, знаешь ли.

Сулу закатила глаза и Джейн прикусила язык, чтобы не сказать ничего недружелюбного. Ее школьная подруга всегда видела во всем лишь недостатки. Всегда.

— Так что тебе нужно знать? — спросила Сулу после целой минуты, когда они просто глазели друг на друга.

Джейн сжала губы, резко понимая тщетность этой встречи. Что она надеялась почерпнуть от Сулу на самом-то деле? Она прочистила горло и бросилась, не раздумывая, вперед.

— Давай начнем с того, каким человеком я была. Как я относилась к другим людям?

Сморщив лицо, Сулу молчала минуту или около того.

— Ты была как я, Джейн: саркастичная и ожесточившаяся, но не то, чтобы у нас не было на то причин. Люди были злы по отношению к нам, и каждый день напоминал борьбу. Мы должны были выживать, отрастив когти.

Джейн наклонилась ближе, а затем опомнилась, прежде чем охранник сделал бы ей замечание.

— Так значит, я была язвительной по отношению к другим ученикам?

— Только если они первыми тебя задевали. Все было в порядке, Джейн. Как я и сказала, нам нужно было как-то выживать.

— Су, что насчет Мейсона Колдвелла?

— А что насчет него?

— Какой я была по отношению к нему? То есть, я помню, что была в него сильно влюблена, но он не знал о моем существовании, верно? Я просто хочу знать, есть ли что-то, чего я не помню.

— Ты была одержима им. Ты говорила о нем целыми днями, анализировала все, что он делал или говорил, мельчайшие детали его жизни. Это было невероятно жалко и раздражающе.

— Ладно, спасибо тебе. Хорошо, так значит, я была одержимой и раздражающей. Еще что-нибудь?

— Например?

— Я когда-либо угрожала его девушкам или что-то говорила в этом роде?

Ноздри Сулу раздулись, когда она огляделась вокруг.

— Джейн, я не думаю, что сейчас правильное время и место для этого разговора. Я и правда думаю, что это вряд ли тебе поможет.

— Сулу, — начала Джейн, чувствуя, как в ней нарастает отчаяние, и она начала потеть, — ты же понимаешь, в каком ужасном и затруднительном положении я сейчас нахожусь?

Другая женщина просто смотрела на свою старую подругу с непроницаемым

выражением лица. Если она и слышала дрожь в голосе Джейн, то ничем это не показала.

— Да, я понимаю. Что до меня не доходит, почему ты считаешь, что я могу тебе чем-то помочь.

подавив волнение, Джейн собрала всю свою выдержку, чтобы продолжить общение с личностью, сидящую перед ней и приводящую ее в негодование.

— Ты можешь помочь, — начала она искусственно спокойным тоном, — помогая мне в восполнении пробелов в моей памяти. Ты должна понять, Сулу, что здесь я нахожусь в полном мраке. Я была арестована за убийство, которое даже не знаю, совершала или нет. Я достаточно уверена, что не совершала, но так как я не помню, не могу быть уверенной. Ты и мои родители — единственные, кто знаете, какой я была — есть — на самом деле.

Невзрачная женщина пожала плечами в преувеличенной манере.

— Ты могла стать противной сучкой, когда выходила из себя, но я не думаю, что ты кого-то убила. Люди дерьмово к нам относились, так что мы возвращали это в ответ в полной мере. Но тебе нравился Мейсон, и я не думаю, что ты навредила бы ему... или его жене. Это все, что я могу сказать, правда, Джейн. Мне очень жаль, что ты оказалась в такой ужасной ситуации...

Не было никакой пользы. Джейн глубоко вдохнула, сложила руки на столе перед ней, и поменяла тему.

— Итак, чем ты занимаешься?

Сулу подмигнула.

— Заполняю бумаги и приложения, чтобы закончить свою докторскую работу. Я уже сделала большую часть своей курсовой работы, одновременно выполняя мою кандидатскую. По большей части, мне осталось пройти еще три задания и выполнить диссертацию. Почти все сделала.

— О, когда ты сказала, что тебе стоило бы закончить свою степень, я подумала про степень бакалавра.

— Конечно же, нет, — огрызнулась она. — Какой же неудачницей ты меня считаешь, Джейн?

Джейн проигнорировала комментарий.

— Вау, ты молодец. На что именно ты нацелилась?

— Прикладные науки. Я, все же, сосредоточила мои исследования на биохимии. Думаю, эта область лучше всего мне подходит, и хотела бы получить работу в ЦКЗ (Центр по контролю и профилактике заболеваний в США).

— Тебе тогда придется переехать, по всей вероятности.

— Да, — Сулу пожала своими узкими плечами. — Но Нью-Йорк потерял свою крутость. Он стал выглядеть, как и любой другой город в США. Он немногим более интересен, но ненамного.

Джейн кивнула.

— Я очень ценю, что ты приехала сегодня, Сулу. Я надеюсь, что смогу оставить весь этот кошмар позади, и, если так случится, я приглашу тебя на ужин.

Сулу отодвинула стул, ножки которого проскрежетали по плиточному полу.

— Я думаю, мне пора. Твои родители здесь?

— Нет, — Джейн покачала головой. — Я не знаю, планируют ли они вообще приезжать. Но опять же, они никогда не были замечательными родителями.

Бывшая подруга повернула ничего не выражающий взгляд на Джейн.

— Нет, они не были.

Глава 34

Из тетради Джейн, поздний декабрь

Адвокат моего отца приехал ко мне вечером в пятницу и всего за час вытащил меня из «Райкерс», после того как я провела тридцать шесть часов в этой адской дыре. Я взяла такси до города и зарегистрировалась в отеле в мидтауне, боясь идти домой. Потом отправила Мэл сообщение, чтобы сказать ей, что я на свободе и позвоню ей утром, а затем заказала обслуживание в номер, съела все что принесли и измотанная, упала в постель. Я проспала десять часов, ни разу не просыпаясь. После того, как приняла душ и выпила кофе, я позвонила Мэл.

— Джейн, где ты сейчас?

— Все еще в Марриотт. Том, что в мидтауне. На сороковой улице. У меня остался час до конца оплаченного срока, но я могу остаться здесь дольше, если комната будет свободной.

— Ага. У меня твоя тетрадь, давай встретимся с тобой за завтраком и я отдам ее тебе. Пойдем в «У Арти» – этот ресторан находится между моей квартирой и отелем.

Так что мы встретились, и именно тогда Мэл рассказала мне о мебели. Это были такие хорошие новости, что я почти заплакала. Я оставила сообщение моему адвокату, пока мы все еще были в ресторане.

Моя комната в отеле была зарезервирована на следующую неделю, и мне нужно было переехать в другую комнату, так что я решила просто поехать домой. Все равно, раньше или позже, пришлось бы сделать это. В зависимости от того, насколько все плохо, я планировала выставить дом на торги рано или поздно. Я ненавидела мысль о продаже дома, прежде чем я даже имела возможность пожить в этом симпатичном доме, но, если мне там будет неуютно, какой смысл оставаться? Там были осязаемые напоминания повсюду об этом травматичном опыте, и все чего я хотела сейчас – это переехать как можно быстрее. Двойной сглаз от автомобильной аварии и ареста по обвинению в убийстве был слишком жесток для моей психики – я должна была убраться оттуда.

Я проснулась в собственной постели утром в воскресенье, но ощутимо лучше спала в кровати отеля. Я вероятно, должна была остаться там подольше. Я не чувствовала себя в безопасности в своем доме. Нарисованное граффити на моей подъездной дорожке напугало меня, а по соседству жил мужчина, который как я думала, нанял снайпера, чтобы убить свою жену. Как я могла чувствовать себя там в безопасности?

Я наняла кое-кого отскрести краску и перекрасить мою входную дверь, но слова не стерлись из моей памяти. Здесь были люди, которые хотели причинить мне вред. Это не то, к чему легко привыкаешь.

Через неделю после моего ареста, я лежала в кровати на грани между сном и явью, когда течение из воспоминаний на бешеной скорости ворвалось в мой разум, вызывая хаос в моих мозгах, втекая внутрь оттуда, где они прятались. Как в речном водовороте, я увидела лица, слова, запахи, песни – все, что у меня ассоциировалось с ними. Большинство были из моей школьной жизни, мелкие подробности ее, несчастья. Все это потекло в мое сознание.

И я поняла то, что другие принимали за чистую монету: в течение всей одиссеи моего взросления, я наблюдала за Мейсоном Колдвеллом. Наблюдала за ним... и обожала его

издалека.

Поразительно, что я вообще забыла, кем он был.

Мейсон Колдвелл, третий. Его друзья звали его Три, Трей и Тристикс.

Преследовательница. Вот как они звали меня, как меня окрестила полиция после моего ареста. Я ненавидела это слово. Я не понимаю, что такого ужасного в том, чтобы показывать интерес к человеку, которого обожаешь. Это ненамного отличается от того, чтобы быть знаменитостью и тем, что я бы следила за его карьерой, за исключением, быть может, того, что публичные люди ожидают такого, а он нет. Но, в любом случае, он не знал – не мог знать.

Теперь он знает. Теперь мир знает. Теперь я – пария.

Большинство или все самые популярные дети в высших школах не добрые – они являются полярной противоположностью слова добрый – но Мейсон таким был. Он был добр и относительно хорошо относился даже к самым низшим кастам в школе. Он никогда не был жестоким. Случалось, что он мог засмеяться, когда один из его друзей измывался над слабым учеником – я никогда не говорила, что он был святым – но Мейсон никогда сам в этом не участвовал.

По этой причине, я прощала ему множество грехов, которые в ином бы случае я не смогла обойти вниманием. В основном, его посредственный вкус в девчонках.

Верно, они были красивыми, он встречался с самыми популярными девушками в школе. С Сарой Нидхэм в девятом классе: пять футов шесть дюймов роста, блондинка, с бледными глазами, большими белыми зубами, чирлидерша. Я ненавидела ее. С Тесс Гарднер с блестящими темно-вишневыми волосами и гигантской грудью, в десятом. С Шеннон Грэхем, куклой Барби, в одиннадцатом. Она продержалась до двенадцатого класса и выпускного.

Опять же, в выпускном классе из двухсот человек Мейсон, без вопросов, входил в топ пяти из самых популярных парней. По моему мнению, ему не было равных.

И другое воспоминание: Мейсон поехал учиться в Тафтс. Я помню это. Я была не так далеко от него в Браун и это сделало меня счастливой. Я, кажется, помню, как видела его на ивентах в Брауне. Бостон и Провидение. Да... верно. Он встречался с девушкой, которая ходила в мою школу. Я ненавидела ее за это. Я так думаю, что в какое-то время потеряла его след, вероятно, после того, как мы оба закончили колледж.

В то время нечто экстраординарное случилось в моей жизни. Я, наконец, обрела признание.

Мой самый большой вес достигал отметки в сто восемьдесят фунтов, не так плохо при моем росте в пять футов девять дюймов. Примерно сорок или пятьдесят фунтов лишнего веса.

Я также входила в топ пяти лучших учеников моего класса.

Так что, у меня было только двое друзей, которые тоже были изгоями. Ради веселья, мы вместе справлялись с нашими многочисленными проблемами.

Люди, такие как мы – невидимки. Я получила мою работу благодаря талантливому обращению с цифрами, но никогда не ожидала, что зайду так далеко. Мой первый день был ужасен. Поезд опоздал на одиннадцать минут – в метро тоже бывают неполадки. Я добралась до Бродвей 1850 в девять десять утра, когда мне было необходимо уже зарегистрироваться в отделе кадров в восемь сорок пять. Женщина за столом некрасиво нахмурилась, когда увидела меня и практически бросила мне бумаги, которые я должна была подписать. Я уже практически развернулась и ушла, но мое упрямство, оставшееся от

девчонки неудачницы, удержало меня на месте, и я заполнила все бумаги.

Затем звезды на небе перестроились, и мне засветила удача. Спасибо боже, что я осталась в тот день. Теперь, я зарабатываю шестизначную сумму и имею непыльную работенку, в то время как та хмурая пи*да из отдела кадров ушла через несколько месяцев после моего прихода. Плюс меня ценят в МТ.

Для меня это было нечто новое.

Через какое-то время я могу попасть в тюрьму на всю оставшуюся жизнь, за преступление, которое я могла и не... нет, которое я, вероятно, и не совершала. Я не ощущала себя убийцей. Я не могу представить, что я такая хладнокровная, что заплатила кому-то, чтобы он убил другого человека, особенно, кого-то невинного, как Кейт Колдвелл. Мотив, который полиция и прокурор пришили мне, жалок.

Я продолжаю думать об этом, продумывая все возможности против вероятностей. Полагаю, если бы ненавидела кого-то в достаточной мере, ненавидела его или ее всей душой... я так думаю, могла бы захотеть убить этого человека. Думаю, каждый человек обладает этой способностью, но большинство способны сдерживать подобные порывы. Если мыслить логически, довести меня до убийства должны были еще в старшей школе, когда надо мной адски измывались – но все же даже тогда я никого не убила.

Так что должны была сделать жена Мейсона, чтобы подтолкнуть меня к своему убийству? Если по какой-то причине я и ненавидела Кейт Колдвелл с такой свирепостью, чтобы заплатить за ее казнь, совершенно этого не помню.

Фактически, я не помню, что даже была знакома с этой женщиной. Я видела фотографии, ее лицо вообще мне незнакомо. Я просто не могу себе представить даже вероятность, что я виновна в этом преступлении, и эта ужасная ситуация заставляет меня хотеть биться головой о кирпичную стену.

Глава 35

За прошедшие три недели Мейсон Колдвелл продолжал пересекаться со своими школьными друзьями. Он гостил в доме своих родителей в Плизантвиле практически с момента смерти своей жены, ощущая здесь себя уютнее, чем в том доме, который они делили с ней, хоть и всего несколько недель. Старый футбольный приятель, Тодд Теннент, был первым кого он встретил. Они натолкнулись друг на друга в местной кофейне.

— Чува-а-ак, — окликнул его Тодд из конца очереди.

Мейсон повернулся и вздрогнул, когда увидел лицо своего школьного приятеля. Он помахал ему, чтобы тот прошел вперед, рискуя получить презрительные взгляды от всех, кто был позади него, ведь Тодд эффективно переместился из конца длинной очереди. Глаза одной старой блондинки гневно сверкали, но она держала свои губы плотно сжатыми. Умница. В эти дни, нервы Мейсона были ни к черту. Ему хватало горя и без этого.

Школьная звезда, хавбек Тодд, держал себя в хорошей физической форме. Высокий, широкоплечий, со светлыми нордическими волосами и пронзительными зелеными глазами, он был нарасхват у девчонок подростков и вращался в тех же кругах, что и Мейсон. Обтерев руку о штаны, прежде чем пожать руку Мейсону, он выглядел так, как будто только что пришел с тренировки.

— Привет, мужик.

— Гонял на байке?

— Точняк. Быстрая десятимилька с коллегой.

— Где ты сейчас работаешь?

— В дилер-центре БМВ моего отца.

— Он все еще продает и Порше?

— Ты же знаешь, бро. Приходи навестить меня, я введу тебя в курс дела. И так... как ты держишься? Боже, я не могу поверить, та, дважды далматинская сучка, сделала то, что сделала. Еб*ный пи*дец. Это позор, что мы пропустили смертельное пенальти в Нью-Йорке. Ее надо связать и уколоть. Яд за яд, — он усмехнулся. — Вероятно, понадобится убойная доза, чтобы убить эту толстую суку.

Мейсон покивал головой, пытаясь удержаться от любых комментариев. Это только поощрит Тодда продолжать, а вокруг них много народа. Он не хотел бы делиться подробностями своей личной жизни, хотя сейчас это было невозможно. Вся его жизнь была вывалена в грязи на первых страницах каждой местной газетенки, в печати и онлайн.

— Ты хоть догадываешься, почему эта сумасшедшая сука преследовала тебя? — настаивал Тодд. — Или это было, как скажем, как гром среди ясного неба?

Мейсон привычным взглядом окинул толпу людей, стоящих вокруг него – к его облегчению, никто казалось, не уделял внимания тому, что вылетало из большого рта Тодда. Или они притворялись, что более вероятно. Снаружи небо потемнело, приближался шторм. Дерьмо, он оставил кое-какие инструменты снаружи отцовского гаража. Ему надо поспешить.

— Мы въехали в наш новый дом и обнаружили, что несколькими неделями ранее она въехала в соседний дом.

Светлые брови Тодда выгнулись.

— Она въехала туда первой? Либо большая неудача или же талантливое преследование.

Отсутствующе кивнув, Мейсон пробормотал,

— М-м-м, х-м-м-м. Ты давно видел Джейн?

— Я? Да. Не видел со старшей школы. А почему ты спрашиваешь?

Он не мог не улыбнуться. Некоторые вещи не меняются и Тодд все еще был придурком. Все же хорошим футбольным игроком.

— Она стала... ну, скажем *намного* более привлекательной. И я слышал, она разбогатела.

— Вот дерьмо? Зачем тогда она это сделала? Если ее жизнь стала медом?

Мейсон просто покачал головой.

— Без понятия. Я даже не уверен, что это сделала она.

— Че ты гонишь, бро?

— А-а-а-х, — его усталый вздох чуть ли не закончился рычанием. — Полиция небрежно провела расследование, очень небрежно. Я так думаю, мы узнаем больше на суде. О, наша очередь, — сказал Мейсон, когда симпатичная темнокожая бариста помахала им, и он шагнул к стойке, чтобы сделать заказ.

Когда несколькими часами спустя разразился ливень, Мейсон вышел на пробежку – он ненавидел бегать, но это было необходимое зло – и остановился на местном рынке, чтобы взять свежих фруктов на пути домой. Мужчина уже закончил с оплатой, когда услышал, как его зовут по имени.

— Мейсон, рад видеть тебя, мужик. Как поживаешь?

Неловкая пауза воцарилась, когда Том Хенли понял свою оплошность.

— О, черт, прости. Я забыл, что с тобой происходит. Боже, мне так жаль твою жену.

— Спасибо. Это было очень тяжело. Кошмар.

— Я могу только представить.

Он понизил голос до тихого шепота.

— Ты и, правда, думаешь, что Джейн Дженсен наняла киллера? Верить в то, что сказала полиция, якобы это сделала она?

Поджав губы, Мейсон покачал головой.

— Без понятия. Я представить не могу, что кто-то мог совершить такую ужасную вещь...

— Да-а-а, — сказал Том, кивая, — особенно, Джейн. Она была такой милашкой. Я немного был с ней знаком в двенадцатом классе, когда у нас были общие занятия по химии. Она была такой доброй и...

— И?

Том заколебался, но не отводил своих темных глаз от Мейсона.

— ...ну, симпатичной. Я, бывало, разговаривал с ней, ты знаешь, и заметил, что она была достаточно хорошенькой, если смотреть сквозь лишний вес и уродливую одежду. Также умной. Она позволяла списать мне свой тест, когда Брейден на нас не смотрел. Пф. Еб*ный Брейден. Каким мудаком он был.

Мейсон пожал плечами.

— Я не знаю. Полиция говорит, что она преследовала меня, что очень странно.

— Это странно, потому что сейчас она очень мать твою привлекательна. Я видел ее недавнее фото в интернете. Я бы не возражал, если бы она преследовала меня, — он закрыл глаза и потряс головой, состроив гримасу. — Воу, я не могу поверить, что сейчас сказал тебе это. Извини.

— Нет, все в порядке. То есть, это тяжело, ты знаешь, но здесь нет ничего, о чем бы я и сам не думал.

— И я прочитал в одной из статей, что она обеспечена. Это правда, как ты думаешь?

Мейс покрутил шей, затекшей от сна на диване во время шторма. Ему следовало бы быть в лучшей форме.

— Так они говорят, но кто знает правда ли это? Очевидно, стала процветать после того как нашла свое призвание, но это не делает ее очень уж богатой, — Мейсон остановился, посмотрев на свои ботинки, и пнул валявшийся на полу пенни. — Она в своем роде красива, не так ли? Я гадаю, почему никто не замечал этого в школе?

— Я думаю, люди были к ней слишком жестоки, так что она пыталась отстраниться ото всех. Сделать себя незаметной, чтобы выжить. Так и произошло, — Том засунул большие пальцы в карманы джинсов. — Но забавно думать, как кто-то вроде Кендры Орталано, которая была горячей в старшей школе, теперь стала использованной шлюхой, а Джейн, которая была практически незаметной, стала куколкой — так и есть, если она не виновна, — быстро добавил он.

Мейс кивнул и разразился лающим смехом.

— Да, я нутром чую, что нет, но что я знаю. Полиция и окружной прокурор так уверены. Так что случилось с Кендрой? Ты видел ее?

— Да, около месяца тому назад. О, мужик, старушка Кендра пошла по наклонной. Я слышал, она торгует собой... стала дешевой порно-актрисой... связалась с наркотой... просто полнейшая шалава. Я так понимаю, вы не поддерживаете контакт?

— Не, мы потеряли связь сразу после школы. Я гадал, что же с ней стало. Наркотики и проституция? Воу. Я не могу понять, почему она пошла по этой дорожке, — Мейсон усмехнулся. — Опять же, она вроде как переспала со всей футбольной командой к двенадцатому классу. Со всеми кроме меня и Бонди, которому нравятся парни.

Том усмехнулся и почесал свою небольшую бородку.

— Я думаю все дело в деньгах. Некоторые люди пытаются получить большие деньги любым способом, лишь бы не работать. Не то чтобы кто-то смог разбогатеть, каждый день, мотаясь на дерьмовую работу. Но все же... это лучше, чем стать проституткой и сниматься в порно, — Том засмеялся. — О, а помнишь роскошную Шеннон Грехем?

После кивка Мейсона, он продолжил:

— Да-а-а-а, конечно же, ты помнишь. Как ты мог бы забыть, верно? Ты встречался с ней долгое время. Ты не видел ее в последнее время?

— Нет, я никого не видел в последнее время. Я больше не живу здесь. Что стало с ней?

— Она вышла замуж за Джо Райли... помнишь его? Он стал выпускником на год раньше нас. Он пошел в гору, основав какой-то стартап в интернете, и Шеннон вышла за него замуж, прежде чем закончить степень в Сара Лоренс. Ее родители были очень взбешены, но поздняк метаться. В любом случае, она стала огромной, когда забеременела двойняшками, а после родов такой и осталась. Тяжело поверить, что она та самая девушка, которую мы знаем, — Том украдкой взглянул на часы. — Ладно, не хочу тебя задерживать, Мейс. Было здорово повидать тебя и если тебе что-нибудь понадобится... просто дай мне знать. Мне, правда, очень жаль твою милую жену. Это так чертовски трагично.

— Да, спасибо, Том, — ответил Мейсон, но уже особо и не вслушивался, что тот говорит. Его способность концентрировать внимание всегда была ограниченной, и несколько последних минут его мозг дрейфовал, а мысли пробегались по всем аспектам дела об убийстве. Все скоро придет в движение. Пока Джейн подозреваемая, Мейсон был не под прицелом. Если все изменится, то под следствием окажется он. Он не хотел этого, но он чувствовал, что что-то надвигается. Он просто не знал, что это или как к этому подготовиться.

Глава 36

Джейн резко села на кровати, ее пижама пропиталась липким потом. Приснившийся сон заставил ее пробудиться, вырвав из глубокого сна. Или это было воспоминание?

Да. Это было воспоминание. Оно просочилось в ее подсознание, сон, который, она была уверена, корнями уходит в реальность. Джейн резко сжала оба виска, ее голова была готова взорваться.

Она вспомнила, как в поле зрения на парковке не было ни одной машины и, несмотря на зловещие тучи, наливающиеся предстоящим штормом, она нашла поездку поздним полуднем успокаивающей. Девушка отвела взгляд от дороги всего на миг, когда что-то на валуне привлекло ее взгляд.

Он сидел на зеленой просеке из бурьяна: лысый орел. Было ли такое вообще возможно? Джейн не видела ни одного в Нью-Йорке, только на фотографиях. Но вот он был — тут не было ошибки: черное тело, белоснежная голова и плечи. Переведя глаза на дорогу, она едва даже успела сообразить, что происходит, когда это уже случилось. Тысячная доля секунды ужаса, когда машина намеренно вильнула перед ней, подрезая ее так жестко, что у Джей не

осталось выбора кроме как резко вывернуть руль, посылая машину через травянистую разделительную полосу. Импульс автомобиля – обычно она водила на скорости между шестьюдесятью пятью и семьюдесятью – отбросил ее на встречную полосу. Бело-голубой свет пролился на нее, а затем ужасающий, отвратительный, незабываемый скрежет перекрученного металла был всем, что она успела услышать, в то время как ее тело наполнилось адреналином.

Ее память захлопнулась здесь, как будто черная занавесь упала на мозг. Последнее изображение, которое Джейн удалось увидеть – было лицом в другой машине, мужское лицо, темнокожее, но бледное, на котором отражался ответный ужас. Но была одна вещь, которую Джейн очень ясно помнила, одна вещь, которую она никогда не должна забывать.

Кто-то заставил ее свернуть с дороги.

Это не просто машина, которая подрезала ее, как позволила ей считать полиция. Та машина, черный джип, играл с ней в догонялки на протяжении миль. Она пыталась избежать этого, когда поравнялась с медленно едущим авто и переместилась влево, чтобы пропустить его. Именно тогда джип приложил все усилия, чтобы намеренно вызвать аварию.

Это определено было личным.

Джейн больше не могла уснуть. Сражаясь с покрывалами и неспособная удобно лечь, девушка, в конце концов, сорвала их с себя и встала. Час ночи. Она пошла вниз по лестнице и свернула на своем новом диване, включила телевизор и нашла старое кино. Джейн позволяла себе наслаждаться такими вещами, насколько было возможно. Ее скоро могут лишиться независимости – навсегда – и ее дневное расписание будет определяться другими людьми.

Почему кто-то намеренно столкнул ее с дороги? Во что она вляпалась перед аварией, что заставило кого-то попытаться убить ее? Или чтобы она захотела убить кого-то? И почему, бл*ть, она не помнит?

Для нее было легче смириться с тем, что кто-то ненавидел ее настолько, чтобы желать ей смерти, чем думать, что она могла быть убийцей. Более того, заявленный полицией мотив был абсолютно тупым. Каким образом убийство жены Мейсона приблизило бы Джейн к нему? Он должен был быть в заговоре с ней... поразительно невероятный сценарий и, судя по их общению, после смерти миссии Колдвелл, между ними ничего не было.

Это все было, мать твою, так глупо, что Джейн хотелось кричать. Неспособная сосредоточиться на фильме, она встала и сделала себе чашку чая. Мейсон проследовал за ней в кухню. Он был ее тенью, пока она делала чай, и вернулся в гостиную вместе с ней. Джейн не могла стереть этого мужчину из головы, и это сводило ее с ума. Если ничто не в состоянии вылечить ее от обожания, может это вылечит. Девушка горько рассмеялась. Может быть, стоило быть обвиненной в убийстве его жены, чтобы побороть свою детскую влюбленность.

Реальный вопрос, который сейчас перед ней стоял, это то, как все это можно разрешить, если она не восстановит все свои отсутствующие воспоминания. Ей не нравился ответ – она ненавидела ответ.

Глава 37

Из тетради Джейн, январь

Я уже неделю дома. Приехала домой, гдетворилось полное безобразие, хотя Мэлани, благослови ее доброе сердце, сделала что могла, чтобы отчистить подъездную дорожку от оскорблений, написанных с помощью баллончиков. Профессиональная команда чистильщиков избавилась от остального.

Так как вся моя новая мебель уже здесь, я, по крайней мере, могу отвлечься, расставляя и переставляя ее. Мой босс придет завтра навестить меня, и я хочу, чтобы дом выглядел замечательно. Он и номер-два в компании хотят поговорить со мной, и я надеюсь и молюсь, что они будут на моей стороне, неважно как все ужасно выглядит.

Хоть мой отец и нашел мне адвоката через друга, мои родители не оказывали мне никакой поддержки. Моя мать была в диком ужасе, когда я позвонила ей из обезьянника.

— *Джейн, я просто не могу поверить, что ты загнала себя в такую ситуацию. Ты хоть понимаешь, насколько все серьезно?*

— *Да, мам, я понимаю. С чего ты взяла, что я «загнала себя» в эту ситуацию? Тебе так сложно поверить в мою невиновность?*

— *Если ты невиновна, тогда почему тебя арестовали, Джейн? Обычно полиция не ходит вокруг и не арестовывает невиновных людей.*

— *Ты думаешь, я способна организовать заказное убийство? Скажи мне правду. Так да?*

Я ощутила через трубку легкое колебание, прежде чем моя мать не заговорила снова.

— *Я так не думаю Джейн. Ты никогда не была спокойным ребенком, но я никогда не видела в тебе настоящего зла.*

Я закрыла глаза, ощущая облегчение.

— *Ладно, спасибо тебе за эту атомную частицу уверенности. Я не помню всего и вероятно никогда не вспомню, но я практически чертовски уверена, что я не убийца. Вся проблема в том, чтобы доказать это.*

— *Спасибо богам, что мы больше не в Нью-Йорке. Суд будет сушим адом, да еще и публичным позором. Только справились со стыдом.*

— *Я так понимаю, ты говоришь, что вы не приедете поддержать меня?*

— *Я попытаюсь дорогая. Твой отец точно приедет.*

— *Приятно знать, что у меня есть надежный тыл.*

Она даже не заметила моего сарказма или решила не обращать на него внимания.

Моя мать не могла дождаться окончания разговора, чтобы вернуться назад к своему засухоустойчивому саду или к ее серебряным с бирюзой украшениям.

У меня не было иллюзий по поводу родителей и их любви ко мне. Она была практически равна нулю. Гарольд и Тамара Дженсен тот тип пустых людей, карабкающихся по социальной лестнице, которые никогда не добивались процветания. Как их единственный ребенок, я страдала от такого пренебрежения, и даже бы предпочла, чтобы ко мне плохо относились, все лучше, чем это. Все же, это самый верный способ плохого обращения с ребенком.

Я не знаю, влюблюсь ли когда-либо в кого-нибудь и будут ли у меня с ним дети, но если будут, я уверена, как мне точно не надо поступать – иметь любезность Дженсенов из Седоны, штат Аризона.

Я надеюсь, что они оба сдохнут.

— Капитан Брэнсон? Это Мейсон Колдвелл. Да, сэр. Спасибо вам, сэр. Это было сложно. Как вы? Мои родители в порядке, спасибо вам. Да, спасибо, сэр, это был ад, думаю, вы и сами можете представить.

Он перестал прислушиваться к долгому ответу.

— На самом деле, вот почему я звоню вам, сэр. Я должен сообщить о вероятной судебной ошибке...

Он начал объяснять капитану полиции.

— Все верно, сэр. Ее имя? Кендра, К-Е-Н-Д-Р-А Орталано, О-Р-Т, как в имени Том, А Л-А-Н, как Нэнси, — О. Да, сэр. Кто-то звонил мне... женщина, я более чем уверен, что это была женщина. Я, честно говоря, не помню, во сколько именно, сэр. Я плохо спал. Да, сэр. Я так думаю, кто-то из старшей школы... боже, я не помню, кто это был. Я не уделил тогда этому внимания... Я получаю очень много звонков.

Мужчина продолжил:

— В любом случае, кто-то утверждал, что видел ее в Паукипси в тот день, когда, как стало известно полиции, заплатили убийце. Она мне сказала, что узнала Кендру. Я должен был тогда сказать ей, чтобы она напрямую позвонила в полицию. Но я был в таком тумане горя, и посчитал, что это еще один псих. Я получаю много звонков от всяких чудиков. Да, сэр.

Мужчина немного помолчал, слушая слова капитана. Затем ответил ему.

— Я согласен, что это заслуживает расследования. Если Кендра была там, я думаю, вы сможете подтвердить это как-то, верно? Конечно, я понимаю. Да, сэр. Я скажу родителям, что вы передавали ваши наилучшие пожелания. О, и капитан Б.? Я очень ценю вашу помощь.

Он потянулся в карман и, вытащив другой телефон, набрал единственный номер, по которому когда-либо звонил с этого телефона. Мужчина звонил и звонил. Где шляется эта тупая сука? На пятом или шестом гудке трубку сняли... раздался громкий звук — она уронила чертов телефон. Должно быть под кайфом или пьяна. Он ждал, пока она не заговорит.

— Привет, красавчик. Что случилось?

— Слушай меня внимательно. Мне нужно, чтобы ты уничтожила этот телефон. Я сделаю тоже самое с моим. Нам надо прервать контакт на несколько месяцев. Копы начнут проверять каждого — они уже начали. Они скоро до тебя доберутся.

— Как мне связаться с тобой?

— Тебе никак. Какое-то время. Когда все уляжется, я с тобой свяжусь.

— О-о-о, как я ненавижу это. Это действительно необходимо?

Он глубоко вдохнул сквозь сжатые зубы и заговорил очень медленно, четко выговаривая каждый согласный.

— Да, это необходимо. Вот почему я говорю тебе сделать это. Теперь, как только мы положим трубки, разбей свой телефон. Наступи на него или используй молоток. Затем возьми обломки и разбросай по разным мусоркам. Сделай именно так, как я тебя прошу. Или ты *хочешь* отправиться в тюрьму?

— Конечно же, нет. Я сделаю так, как ты сказал, Мейсон.

— Хорошо. Я свяжусь с тобой, когда будет безопасно. Береги себя.

— Ты тоже. Люблю тебя.

Он оборвал связь и отклонился назад в своем офисном кресле. Он почти застонал от удовольствия. Кресла Аарона были дорогими, но стоили каждого доллара. Он закрыл глаза и

улыбнулся, наконец, имея на то причину.

— Она выглядит по-другому, — сказал Джеймс Пернод помощнику прокурора, после того как покинул помещение суда. — Я не думаю, что это была та самая женщина, что заплатила мне деньги.

Джакс Олтимент, второй помощник окружного прокурора, закатил глаза. Предварительный опрос свидетеля стал резкой болью в заднице, предстояло выбрать двенадцать предположительно непредвзятых присяжных из примерно трех сотен человек. Они делали все возможное, чтобы не случилось отводов без указания причины, но должны были проверить их достаточно быстро. Казалось, что как будто каждый потенциальный присяжный либо был брошенным любовником, либо преследователем, либо был связан с делишками, которые могли привести к отводу. После почти двух бесконечных недель, они, наконец, выбрали двенадцать присяжных и двух на замену, и дело готово было двинуться дальше. Он и Хармон верили, что легко убедят присяжных, учитывая множество доказательств. Теперь Пернод выводил его из себя тем дерьмом, что лилось у него изо рта.

С преувеличенным спокойствием, обычно припасенным для ребенка, он повернулся к нему и объяснил.

— Если Дженсен выглядит по-другому, это потому что она потеряла вес, после автомобильной аварии... затем пошла и купила новую одежду, заново постриглась, и так далее. Знаешь, как переделала себя. Вот и все.

Пернод покачал головой.

— Все же... Я почти уверен, что это не та женщина. Я клянусь в этом в суде.

Он усмехнулся своей собственной шутке.

Джексон сжал челюсти так сильно, что почти сломал зубы. Когда Рэтт уловила сомнение Пернода, она нацелила на него всю артиллерию. Он должен попытаться поговорить с ним раньше, чем она вернется.

Он был киллером, который в любом случае надолго отправится в тюрьму, признает он свою вину или нет. Хармон будет проклята, если она позволит этому ублюдку разрушить железобетонное дело. Его показания были их тузом в рукаве, тем о котором не знала сторона защиты. В любом случае, он был уверен, что Пернод не узнавал Дженсен из-за ее изменений во внешности, а не потому, что она была не той женщиной, которая заплатила ему за выстрел. И почему он делал вид, что впервые видит Джейн Дженсен? Джексон знал наверняка, что когда они арестовали Пернода, он предоставил им детальное описание женщины, которая наняла его. Это описание совпадало с фотографией Дженсен. Правда, на тот момент у них имелось только ее зернистое фото. Но почему никто не сделал нормального фото до сегодняшнего дня? Слипшод работал в полицейском управлении города Нью-Йорка. Это дерьмовое выполнение работы должно прекратиться.

— Хорошо, послушай, мисс Хармон будет здесь с минуты на минуту. Ты можешь высказать свои опасения ей, но я гарантирую, то, что она их не оценит — это мягко сказано. Лично я думаю, что ты смущен существенными изменениями во внешности — а не тем, что она не та. Ты будешь удивлен, как иначе станет выглядеть человек, потерявший вес. Прибавь к этому немного макияжа и новую одежду? Вуаля, совершенно новая личность.

Глаза Пернода оставались более чем скептическими, когда он покачал головой.

— Да, но, это не она, — сказал он, подкрепив свои показания постукиванием указательного пальца по фото. — Эта леди, не та женщина, с которой я встречался, и которая вручила мне конверт, и я уверен в этом. Дело не в стрижке и потере веса — она не та и я чертовски в этом уверен.

Тупой кусок дерьма, отброс. Джексон хотел задушить его. Ублюдок может потопить все их дело, и он не хочет услышать, что скажет Рэтт, когда узнает о новом повороте.

Она мать твою взорвется. Повышенная боевая готовность первого уровня, мы идем.

Глава 39

Бенни «Винк» Роделл сидел в комнате ожидания в офисе окружного прокурора, нервно стуча ногами и сжимая в руках свою бейсбольную кепку. Близость к любым правоохранительным органам делала его нервным, но это была последняя часть работы, на которую он был нанят. И он не увидит денег, пока не даст свидетельские показания в суде. Бенни думал, что просто даст свои показания местным копам в отделении полиции Ривердейла, но они направили его к окружному адвокату, выступающему обвинителем по делу.

Роделл был нанят на эту работу еще много месяцев назад, человеком, выглядевшим как картинка, и заплатившим ему половину суммы авансом. Все, что Бенни надо было делать, это проследить за какой-то сучкой, пока она не отдаст наличку Песочному Человеку, а затем следовать за ней, пока она не вернется в город. Единственным важным условием было, чтобы женщина его не заметила. Если она увидит, что Бенни у нее на хвосте, то он должен бросить слезку, но тогда ему не видать остаток денег.

Самые легкие деньги, которые он когда-либо зарабатывал. Десять штук за два часа работы, плюс чувак арендовал ему машину на день. Бенни было жаль расставаться с ней и отдавать в агентство по прокату на следующий день. Он немного повеселился на этой тачке.

За время слежки не произошло ничего интересного, но то, что случилось после, его удивило. Сучка столкнула кого-то с дороги, а затем уехала, как будто ничего не произошло. Очевидно, они теперь обвиняют ту самую леди, которая слетела с хайвея²¹, и он здесь, чтобы рассказать им о сучке, которая совершала оплату, а затем вызвала аварию. То, что он расскажет, им не понравится, потому что это «отправляло все их дело в мусорную корзину». Но это была правда. Посмотрим, что они сделают с этим.

Бенни не так уж верил в криминальную систему правосудия. Он несколько раз был не на той ее стороне и знал множество чувачков, которых коррумпированные копы и не в меру ретивые прокуроры по-королевски подставили. Правда, иногда — это последняя вещь, которую хотят слышать прокуроры — для них важно вынести приговор, одержать победу, чтобы построить карьеру. Им ничего не стоит послать невиновного человека в тюрьму, используя его спину как трамплин, способствующий их карьерному росту. А копы, вот дерьмо, он даже не хотел начинать думать о них. Этим скотам надо заполнять тюрьмы — это кормит машину, которая приносит всем деньги. Святой тюремный промышленный комплекс, который является прибыльной индустрией по отъему у людей свободы и бросанию их за решетку.

Заставляя их заниматься рабским трудом за гроши и кормя их жидкой грязью.

Да, правда не много значит в криминальной системе правосудия. Бенни должен признать, что ему было любопытно, как его показания понравятся окружному прокурору и

как они повлияют на все дело. Вероятно, просто проигнорируют их, и продолжат вести дело своим чередом, как будто он никогда и не приходил. Если они так сделают, у него есть другая работа: скормить свою историю старой доброй медиа.

Может быть, он получит свои пятнадцать минут, в конце концов? Разве это не улучшит его день?

Когда Пернод сказал помощнику окружного прокурора Рэтт Хармон, что Джейн Дженсен определенно не была той женщиной, которая дала ему деньги – хоть она имела такой же рост и цвет волос, очевидно, носила парик и большие солнечные очки – напряжение в конференц-зале можно было резать ножом, а затем законники принялись совместно допрашивать убийцу.

Они втроем принялись задавать одни и те же вопросы под разными углами в течение часа, допрашивая его с пристрастием, пытаясь заставить его изменить мнение, сея сомнения, где только возможно, давая ему альтернативное изложение фактов, чтобы объяснить любые противоречия. Когда стрелка часов показала время для ланча, Рэтт, Джексон и Эзра Йохансен, следователь, что был прикреплен к офису окружного прокурора, забрасывали его вопросами и комментариями, делали предположения, предлагали различные сценарии, показывали ему разные фотографии обвиняемой, и делали все, что только могли придумать, но он по-прежнему не отклонился от своей веры в то, что они взяли не ту женщину.

— Ты можешь, твою мать, поверить в это? — закричала Рэтт, как только она и Джексон вернулись в офис. — Я обязана совершить мое вступительное заявление перед присяжными через два дня, а он теперь говорит нам это, маленький кусок крысиного дерьма?

Джексон очень мягко прочистил горло, ненавидя себя за то, что должен нанести ей следующий удар, но у него не было выбора. Парень был снаружи и Джексон не мог проигнорировать его, хотя и очень сильно хотел.

— Рэтт, там есть кое-кто у ресепшна, кто ждет разговора с нами.

Сверкающие глаза метнулись к нему, достаточно огненные, чтобы испепелить его за храбрость. Черная ярость в ее глазах заставила его сделать шаг назад.

— И? — выплюнула она.

— Он сказал, что у него есть информация по делу. Келли опросила его и это звучит не очень. Он обвиняет кого-то другого в выстреле и говорит, что она была той, кто столкнула Джейн Дженсен с дороги.

Ярость трансформировалась в неверие. Рэтт просто пялилась на него, ее рот открылся.

— Ты, должно быть, разыгрываешь меня. Скажи, что ты разыгрываешь меня, Джекс. Пожалуйста.

— Я не шучу, Рэтт. Мне жаль.

Она запустила руки в волосы, разрушая свою тщательно уложенную прическу и ни х*я не заботясь по этому поводу на данный момент.

— Может ли это вообще происходить?

О, мой бог. Рэтт качала головой туда-сюда, слушая новейшую историю, копающую

огромные дыры в ее деле. Бенни Роделл был зависимым от героина, у него был нервный тик, и он оказался свидетелем передачи наличных между Джеймсом Пернодом и женщиной, которая наняла его. Он рассказал им фантастическую историю о том, как он последовал за женщиной, чтобы шантажировать ее.

Его спросили, почему он подумали, что сможет шантажировать ее. Может просто женщина платила долг, тому, у кого брала деньги.

— Нет, — ответил он, потому что был на улицах достаточно, чтобы распознать грязную сделку, когда такую видел.

Тогда они спросили, почему он не проследовали вместо этого за мужчиной. Если бы сделал так, смог бы помешать убийству.

Он ответил, что побоялся мужчины, потому что тот выглядел как человек, способный убить, и посчитал женщину более легкой добычей. Плюс, убийство произошло только через несколько недель, указал он с большой готовностью, так что если бы он за ним и пошел, то это не спасло бы леди. Он сказал, что он проследовал за дойной леди до парковки и видел всю аварию.

Его тут же спросили, откуда у героин-зависимого есть машина.

— О, да ладно, — ответил он. — Я не такой неудачник.

Но затем ему пришлось признать, что машина была арендованной.

Они хотели знать, кто арендовал машину и зачем.

— Ее арендовал друг, а я одолжил, чтобы совершить покупку.

— Какой друг?

Он дал им имя, как ему и велел его наниматель. Бенни очень сомневался, что это было его настоящее имя.

Они вызвали его снова через несколько часов, чтобы показать ему фотографии десяти женщин, две из которых были Джейн Дженсен и Кендрой Орталано. Он выбрал Кендру, абсолютно не сомневаясь. Нисколько.

Тогда они спросили, почему он не пришел раньше, Бенни ответил, что хотел сперва загладить свои поступки. Доведение этого до их внимания было частью его двенадцатишаговой программы по исправлению старых ошибок. Опять же, это была продиктованная ему линия поведения, но по причудливому повороту судьбы, Бенни присоединился к программе и ему она действительно нравилась. Иметь аудиторию слушателей, которой можно было поплакаться каждую неделю, вызывало привычку.

В сущности, Бенни «Винк» Роделл рассказал следователям правду, по крайней мере, так ему неустанно повторял парень, который ему заплатил. Так как Бенни заплатили лишь половину суммы, вторую часть он получит после того, как закончит работу, выступив свидетелем в суде. Еще куча денег скоро попадет к нему в руки, и он не мог дождаться момента, когда в руках снова окажется травка.

У него были планы.

Кэти Элисон Картер была мотоциклисткой, которая позвонила по поводу аварии. Она утверждала, что как ей показалось, за рулем черного джипа была женщина. Она как раз только проехала место, где произошла авария и мельком видела водителя черного джипа, через ветровое стекло, которое было лишь слегка затонировано, но была уверена, что это

«Хонда CRV». Картер сказала, что за рулем была женщина в бейсбольной низко надвинутой кепке. Принимая во внимание, что Картер только бегло видела женщину, ведущую автомобиль на высокой скорости, на ее заявление не обратили внимание. Полицейский отчет об аварии далее не расследовался, так как его сочли столкновением, вызванным безрассудным вождением.

Стало очень легко проверить историю мисс Картер, с тех пор как у них появилось имя Кендры. Все что надо было сделать, это запросить историю по кредитной карте Кендры Орталано. Они быстро определили, что Кендра Орталано арендовала черную «Хонду CRV» за день до аварии. GPS показало, что машина была вблизи аварии в то же время и день. Письмо, якобы написанное Джейн Мейсону, которое было найдено в комодке Джейн Дженсен, в ходе обыска, проведенного после ее ареста, было покрыто отпечатками Кендры Орталано. Отпечатков Джейн Дженсен на нем не было, и очевидно, что Кендра подбросила это инкриминирующее письмо. Улики продолжали складываться в гору против мисс Орталано и оправдывали Джейн Дженсен. В течение полутора дней их каменные доказательства превратились в пыль, и недели тяжелой работы слились в унитаз.

Их дело теперь было таким же мертвым, как и Кейт Колдвелл.

После того как Рэтт смотрела в неверии что ее железобетонное дело рвется на лохмотья, она извинилась и отправилась в комнату отдыха. Оказавшись там, проверила все кабинки, чтобы убедиться, что она одна. Рэтт скомкала кучку бумажных полотенец, прошла в кабинку и заперла ее, а затем закричала, уткнувшись в бумагу. Бумага приглушила звук, но его все же вероятно могли услышать снаружи.

Рэтт это мало волновало. Ее дело превратилось в дерьмо и это все, о чем она могла думать в настоящий момент.

— Я не была готова. Бл*дство, — пробормотала она. — Я не была, мать твою, достаточно готова.

Неделю спустя обвинения были сняты, и Джейн была официально оправданна. Новостные статьи сообщали, что новая информация пролила свет на дело, благодаря новым свидетелям. В действительности, два были новыми, а один пересмотрел показания – кто-то взял интервью, когда они готовили дело против Джейн Дженсен. Пассажирка Метро-Норф по имени Рейчел Карсон пришла и дала письменные показания о ее разговоре с Джейн на поезде, но их сочли несущественными и похоронили в горах бумаг, имеющих отношение к этому делу. По правде говоря, информация мисс Карсон ничего не доказывала, но помогала подтвердить невиновность Джейн Дженсен, когда вышли на свет показания и других свидетелей. Дженсен показала Рейчел Карсон текст, вызывающий ее в Паукипси на собеседование. Если она планировала убийство, она вероятно бы сохранила свое путешествие на встречу с киллером в тайне.

Сказать, что Рэтт Хармон была раздражена, это ничего не сказать. Будучи реалисткой, она, однако, погоревала по своему мертвому делу и двинулась дальше. И тогда, когда ночь стала непроглядно черной, помощнику окружного прокурора Хармон даровали новую сверкающую путеводную звезду в виде преступного подозреваемого, дарованного ей вместе с той же информацией, что оправдывала Джейн Дженсен.

Менее чем через две недели после того, как были сняты обвинения с Джейн Дженсен,

Аарон Риндер находился с Кендрой в ее апартаментах и спал, проведя с ней ночь. Прошлым вечером они вернулись домой поздно с шоу в кабаре и он не нашел в себе сил поехать в Гринвич. Жена Аарона едва замечала, когда ее муж не приезжал домой последние дни. Впервые, их дом был слишком велик, что даже, когда они оба были дома, они не обязательно знали о присутствии другого. Кроме того, Лидия не интересовалась, куда Аарон засовывает свой член, лишь бы не в нее. Она ненавидела его и не разводилась с ним лишь для того, чтобы насолить ему.

У Риндеров также была двухкомнатная квартирка в многоэтажном доме на Аппер Уэст Сайд, но сейчас там жил его сын, студент колледжа, и Аарон не осмеливался появиться в этой квартире без предупреждения, никогда не зная, что или кого он там может найти.

Стук в дверь был громким.

Аарон резко сел в кровати и потыкал мертвую-для-мира женщину, лежащую рядом с ним.

— Какого х*я там происходит, Кендра? — он посмотрел на часы: было едва восемь часов утра. — Разберись с этим.

Она разлепила веки, склеенные остатками туши, и посмотрела на него затуманенными глазами.

— Что? — слово только сорвалось с ее губ, когда стук продолжился снова. Она закрыла лицо руками, блокируя солнечные лучи. — Кто-то стучит в дверь.

— Очень проникательное наблюдение, дорогая. Вставай и посмотри кто там, но не открывай дверь, пока не убедишься, что это безопасно.

Кендра встала, потянулась к кимоно, и закричала по направлению к двери:

— Минутку, пожалуйста, — быстро обернув атласный халат кобальтового и розового цветов, вокруг обнаженного тела.

Она посмотрела в глазок и увидела офицера полиции, смотрящего на нее. Оставив цепочку на двери, Кендра слегка приоткрыла дверь. Когда она выглянула, то увидела трех копов — двух мужчин и женщину.

— Да? Чем я могу вам помочь?

Громила стоящий впереди заговорил.

— Вы Кендра Орталано?

— Да. А что?

— Я офицер Родардс, полицейское управление Нью-Йорка. Мисс Орталано, мне нужно, чтобы вы открыли дверь, пожалуйста.

— Вы можете мне сначала сказать зачем?

— Мэм, откройте дверь сейчас же.

Аарон подошел и встал позади нее, надев брюки и не застегнутую рубашку.

— В чем проблема, офицер?

— Кто вы, сэр?

— Я ее друг.

— Сэр, вы должны сказать своей подруге, чтобы она подчинялась моим указаниям и открыла дверь, либо нам придется выломать ее.

— Это излишне, — ответил Аарон, его щеки покраснели. — Могу я увидеть ваши значки, пожалуйста?

Все три вытащили свои значки и вытянули их, показав Аарону. Он тщательным образом прочитал каждое, сравнивая информацию с их лицами.

— Из какого вы участка?

— Сэр, двое из нас из двадцать четвертого участка. Офицер Романо из отделения полиции Ривердейла.

Аарон посмотрел на Кендру.

— Иди, накинь на себя одежду. Я впущу их.

Кендра вернулась в спальню, а Аарон закрыл дверь, чтобы снять цепочку и быстро открыл ее снова, чтобы их впустить.

— Входите, офицеры. Я бы предложил вам кофе, но это не мой дом, и вероятно здесь нет кофе, насколько я знаю Кендру. Она одевается и вернется через минуту.

Копы просто кивнули и неуклюже остановились в прихожей.

— Может, вы присядете? Там есть стулья на кухне.

— Нет, спасибо вам. Вы не могли бы повторить свое имя?

— Я и не называл его вам. Меня зовут Джеймс Синклер.

Риндер просто надеялся, что они не попросят у него документы.

— Вы живете поблизости, мистер Синклер?

— Нет. Я просто навещал молодую леди, и мы поздно...

Появление Кендры в комнате прервало его объяснения. Все еще босая, теперь она была одета в поношенные джинсы и несколько прозрачную футболку.

— Ладно, так в чем дело?

Здоровяк приблизился к ней и снова заговорил.

— Кендра Орталано, вы арестованы за предумышленное убийство Кейтрин Колдвелл. Вы имеете право хранить молчание...

— Что? Вы это серьезно? — вмешался Аарон. Он резко повернул голову к Кендре, чье лицо стало бледным как у призрака. — Кендра, не говори ни слова. Я позвоню своему адвокату и попрошу его встретиться там, куда тебя увезут.

— ...все что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде. У вас есть право позвонить адвокату...

Аарон отвел женщину офицера в сторону.

— Куда вы ее заберете?

— Отделение полиции Ривердейла, сэр. Вы не могли бы принести ей обувь, пожалуйста?

Аарон Риндер кивнул, его мертвенно-бледное лицо сморщилось. После того как он схватил пару слиперов, которые нашел в шкафу в спальне и ему пришлось надевать их на нее самому, он почувствовал себя дурно. Он смотрел, как они уводили Кендру, находящуюся практически в кататоническом ступоре, размышляя, будет ли мудро использовать своего личного адвоката, чтобы помочь ей. Может быть, Кеннет порекомендует кого-нибудь другого? Помимо всего, это было уголовное дело, а Кен был корпоративным адвокатом.

Его следующая мысль была менее альтруистичной, он гадал, как же ему сохранить свое инкогнито от внимания прессы. Если он бросит Кендру сейчас, она изваляет его имя в грязи, а это дело привлечет очень большое внимание прессы. Вероятно, в лучших интересах всех, попытаться помочь ей. Будь проклята Кендра, за то, что вовлекла его в эту незавидную ситуацию. Он реально мог бы ее задушить.

К концу дня Кендра Орталано была обвинена по одной статье в убийстве первой степени, по другой в убийстве второй степени – так как смерть мужчины водителя в автомобильной аварии, которую она вызвала, относилось к категории особо тяжких преступлений – и обвинена в попытке убийства Джейн Дженсен.

Она была отправлена в «Райкерс» и встретила с адвокатом в той же комнате, где Джейн обсуждала свое собственное дело с официальным представителем. Аарон Риндер оплатил освобождение под залог и призывал ее не делать ничего глупого. Он посчитал, что адвокат и те деньги, что он заплатил, ознаменовывали конец его дел с Кендрой. Он оплатил ее арендную плату за три следующих месяца, дал чек на траты на жизнь, и пожелал ей удачи.

Кендра не винила его. Она знала, ему нужно поддерживать репутацию и, по крайней мере, он не бросил ее совсем. Тот, кто виновен в этом предательстве – это Мейсон Колдвелл. Он не брал трубку, когда она звонила ему, и сам не связался с ней. Кендра даже не знала, что обвинения с Джейн Дженсен были сняты, пока не прочитала это в новостях.

Пресса наслаждалась этим поворотом дела, заголовки кричали о деле весь день. Еще один неожиданный поворот в деле об убийце-преследовательнице. То, что действительно сделало бы Рэтт Хармон довольной, был тот факт, что Кендра была намного менее симпатичной обвиняемой, чем Джейн Дженсен.

Следующие несколько дней, Кендра не выходила из квартиры – пресса расположилась лагерем у входа в здание – и продумывала свой план мести. Она знала, что против нее нет никаких улик, и даже не знала, как копы проследили всю цепочку до нее, если только тут не сыграла свою роль ее давняя дружба с Мейсоном. Как они будут строить дело против нее?

Во-первых, откуда бы у нее взялись деньги, чтобы заплатить киллеру. Не было никакого денежного следа – Мейсон оставил наличку в конверте и просунул его под ее дверь, десять шпук сотенными купюрами, ровненькими стопками, так чтобы пролезли под железную дверь.

Плюс, она ничего не получала от смерти Кейт Колдвелл – ничего, о чем бы они знали. Она и Мейсон были не более чем друзьями, и они не контактировали годами, до того момента, как он позвонил ей по поводу своего плана.

К концу недели, Кендра убедила себя, что не о чем беспокоиться. Обвинения вероятно долго не продержатся.

Глава 40

Рэтт Хармон отклонилась назад в своем кожаном кресле, постукивая ручкой по губам, и продолжительный момент не отрывая взгляд от глаз ее коллеги... а затем улыбнулась.

— Вот как я вижу, это произошло. Потом ты расскажешь мне свой сценарий.

— Ты будешь, — сказал Джексон Олтимент, — блистать.

— Бедный выбор слов, Джексон. Ладно.

Она встала в своих черных Маноло и начала прохаживаться, по мере своего рассказа ее версии того, как все случилось.

«В старшей школе они были неразлучны. Проводили много времени вместе: они приходили к ней домой – оба родителя были на работе – курили травку, доводили себя до беспамятства, и когда уставали это делать, устраивались на диване с огромной чашкой попкорна и смотрели старые фильмы».

Рэтт прислонилась к передней части своего стола, вцепившись пальцами в край.

«Хичкок был фаворитом обоих. Особенно фильм «Незнакомцы на поезде».

Оглядываясь назад, никто не мог вспомнить, чья это была идея, не могли вспомнить разговор, который зажег искру и натолкнул их на этот путь. Оба знали, что большая награда следует лишь за большим риском. Оба были согласны на это.

Они не начали планировать это сразу. Прежде всего, Мейсон еще не встретил свою жену. Но оба Кендра и Мейс знали, что, в конце концов, они встретят нужного человека. Мейсон встретил Кейт на первом курсе в Тафтс. Она окончила его тремя годами ранее и...»

— В действительности, она взяла академический отпуск на несколько лет, так что закончила одновременно с Колдвеллом, — вмешался Джексон.

Хармон отмахнулась от него.

— Неважно. Слушай дальше.

*«Кейт была в городе на собачьем шоу, решила принять участие в вечере встречи выпускников или в чем-то еще. Кейт была одета во все черное и в обтяжку. Сногшибательно, другими словами. Колдвелл всего один раз на нее взглянул..., — Рэтт взмахнула в воздухе рукой, — ...и был тот час же охвачен страстью: стройная, длинноногая, и загорелая, и тот факт, что она старше его и была более утонченной, только манил его еще больше. Мейс был так охвачен страстью, что они были женаты уже год, когда, так вышло, он понял, что Кейт будет идеальной мишенью, которую они с Кендрой ждали. Она была совершенством. Он уже позаботился о страховании жизни – они оба застраховали жизни друг друга. Кейт уже начала чрезвычайно его раздражать с ее еб*ной тупой собакой и всеми этими претенциозными собачьими шоу, в которых принимала участие.*

Не упоминая того, что Кейт, ни мало не заботило, что он хочет детей – все, что для нее имело значение – это ее ухоженная псина. Когда жена начала постоянно просить его согласиться взять еще и щенка афгана, он позвонил Кендре».

— Как ты узнала, что Кейт хотела щенка, а не детей?

— Ее мать рассказала мне, — Рэтт положила руки на спинку кресла Джека и, наклонившись ближе, продолжила рассказывать свою версию.

«Кендра была готова, ждала и абсолютно жаждала принять в этом участие.

Она была терпеливой, ждущей все эти годы этого самого звонка от Мейсона. Все это время, она занималась тем, что окончила школу, поработала моделью для каталогов, а затем настали трудные времена, и ей пришлось прибегнуть к проституции и съемкам в порно. В конце концов, она нашла сладкого папочку, и гадливый старый ублюдок оплачивал ее счета, но она не жила на широкую ногу».

— Об этом можно судить по ее относительно недорогой квартире и дешевой одежде, — добавила Рэтт. — Никакой высококлассной жизни для Кендры.

«Так что, несмотря на свою хорошенькую внешность, она хотела найти выход, избавиться от этого сморщенного старого тела, повелительного отношения и вечного «Я купил тебя». Страхование жизни, полученная Мейсоном, могла бы помочь ей в этом – ну, половина от этой суммы. Она начала стареть – и хуже того – стала выглядеть потрепанной. Два миллиона баксов поделить поровну? Она могла бы иметь хорошую жизнь на них, если была умной.

А Кендра верила, что она была умной».

Рэтт вернулась за стол и села, она пристально смотрела в глаза Джексона, только Рэтт

могла так пронзительно сфокусировать свой взгляд. Она продолжила.

«Им был нужен козел отпущения. Или коза отпущения, как показала история.

— Кто может убить жену, как не муж? — спросила его Кендра за ланчем.

— Любовник?

Она обдумала ситуацию.

— Может быть. Кто еще? Может кто-то менее очевидный?

Теперь Мейсон пожал плечами.

— Я не знаю. У тебя есть кто-то на уме?

Ее глаза засветились жизнерадостным злорадством.

— Вообще-то, да. Как насчет... — и Кендра склонилась через стол ближе к нему, — преследовательницы?

— Преследовательницы? Здесь есть небольшая проблемка, Кен. Никто меня не преследует.

— Нет, пока что, нет. Но если мы сделаем это неопровержимым, то тогда ты такой обзаведешься. Мы просто должны обдумать все некоторое время, — сказала она, и откусила от своего буррито. Когда ее рот наполнился, она поперхнулась, и Мейсон посмотрел на нее, оторвав взгляд от своего обеда. — Ты помнишь, в старшей школе... там были... ну те страшные девушки, которые пускали по тебе слюни?»

Джексон улыбнулся.

— Откуда ты узнала, что они ели буррито?

Рэтт пожала плечами.

— Все едят буррито. Не перебивай меня.

— Продолжай.

— Хорошо, — она улыбнулась. — Так, на чем я остановилась? О, верно. Итак...

«Мейсон улыбнулся и сказал:

— Смутно. Как они выглядели?

— Одна была толстой, и все время носила коричневую одежду. Упс-девушка, — Кендра засмеялась собственной шутке. — У нее была подруга, которая была нереально высокой и тощей и плохо видела. Ее очки были самыми толстенными, которые я когда-либо видела. Они наши лучшие кандидатки.

— Хорошо, — сказал Мейсон и отклонился назад в своем кресле, так что Кендра могла заметить его грудь и пресс со всеми этими кубиками. Теперь он стал лакомым кусочком».

Джексон медленно покачал головой, закатив глаза. А Рэтт продолжала излагать свою версию.

«На следующей неделе, когда они снова встретились за ланчем, Кендра прихватила с собой их ежегодный альбом. Они выбрали трех потенциальных кандидаток, но почти сразу же поняли, что одна из трех будет идеальным выбором. Она была одержима Мейсоном, и они знали, что лучше нее никого не придумаешь. Ее звали Джейн Дженсен, девушка в коричневом.

По плану все должно было выглядеть так, как будто она преследует его... или даже побудить ее действительно его преследовать. Они несколько раз, сталкиваясь с ней на поезде, громко говорили в ее присутствии о покупке дома в Ривердейле. Они узнали, что Джейн стала неожиданно успешной, после окончания колледжа. Зная, что у нее есть деньги позволить себе это, Мейсон нахваливал дом. Они натолкнулись на золотую жилу, когда риелтор, подруга Кендры, сообщила им, что на соседний таунхаус есть покупатель —

покупательница по имени Джейн Дженсен.

Найти два дома на продажу, не было таким уж счастливым случаем. Оба продавались по совместительству, потому что принадлежали одному владельцу. Это было еще одним критически важным пунктом плана, ведь здесь было необходимо получить согласие Кейт. Но Мейсон знал, что его жене понравится дом в Ривердейле, так что ему не составило труда уговорить ее на это. Джейн, верная своей прошлой манере поведения, сделала так, как они хотели – купила дом.

Теперь им надо было организовать выстрел, так что Кендра притворилась Джейн, а также им надо было, чтобы Джейн поехала по той дороге. Кендра притворилась профессиональным рекрутером из компании, которая хочет переманить Джейн к себе из МТ. Джейн отвергла ее предложение, и снова и снова его отвергала, но со всей силой ума и воли Кендра убедила Джейн, по крайней мере, приехать поговорить с ней. Теперь Джейн была там, где они и хотели – в округе Датчесс.

Джейн добралась туда, а рекрутер не появилась. Она не могла поверить в дерзость женщины. Джейн решила съесть ланч и вернуться домой. Это заняло примерно час. В то же время, Кендра встретила с Пернодом, замаскированная под Дженсен.

Выстрел был оплачен за считанные минуты до того, как Джейн вернулась на хайвей. Кендра планирует столкнуть Джейн с дороги и надеется, что та погибнет. Тот хайвей, по которому едет Джейн, известен случаями смертельных аварий из-за его резких поворотов и узких полос, которые прямо подарок вселенной для Кендры. План срабатывает отлично. В правильный момент, она подрезает Джейн слева и у той не остается выбора, кроме как выехать на встречную полосу, тем самым попав в лобовое столкновение с автомобилем на этой стороне. Кендра уезжает.

Подкинуть несколько зацепок было легче легкого. Мейсон видел, как мисс Бартоломью делает снимки дома. Он поискал их в интернете и нашел одно в социальном аккаунте мисс Бартоломью, где она стремилась показать свой талант фотографа. Он скопировал его и положил в свой комод.

Перед этим, он держался на хвосте у Джейн несколько недель, видел, как та покупает мебель... зашел после нее. Владелец, раздурявшийся от всей этой налички, упоминает при нем, что любит покупателей, которые платят наличными. Мейсон включает свое обаяние и узнает, что Джейн сняла семь тысяч, чтобы заплатить магазину. Он договаривается, чтобы заплатить стрелку как можно быстрее, после снятия денег, так чтобы выглядело, как будто Джейн в этом замешана. Все прошло превосходно.

Но кое-кто видел всю цепочку – активные части плана. Бенни не шел в полицию, потому что был пьян и под наркотой, и знал, что его арестуют. Но спустя пару месяцев и в полной трезвости, он становится участником двенадцати шагов. Он должен пойти к властям, чтобы рассказать им, что он знает, в качестве части его обещания принести извинения и исправить ошибки».

Когда Рэтт закончила излагать свою версию истории, в комнате повисла тишина. Примерно через минуту Джексон встал и налил себе виски из бутылки, которую Рэтт держала в задней части картотеки. Почти в четыре часа это было приемлемым действием.

— Хочешь теперь услышать мою версию? Она намного короче и Мейсон не является в ней ведущим персонажем.

Теперь Рэтт закатила глаза.

— Он виновен как грех. Почему ты этого не видишь?

— Потому что думаю, он в этом не замешан. В твоей истории он планирует это еще в старшей школе, гораздо раньше того как он встретил свою жену.

— Я нутром чую, что он замешан – не позволяй его скользкому обаянию обмануть тебя, Джексон. Я думаю, что мой сценарий близок к тому, что случилось... лишь с некоторыми драматическими преувеличениями. Может это и не началось в старшей школе, но в какой-то момент, да. Ты должен увидеть, что Кендра Орталано слишком тупа, чтобы составить весь план самой и придерживаться его. Ей бы потребовалась помощь. Она утверждает, что контактировала со своим соучастником по номеру, который выключили, чтобы оборвать концы, но это легко мог быть одноразовый телефон.

— Согласен по всем пунктам, но это не был Колдвелл. Может, мы должны поискать кого-то еще?

— Например?

— Я думаю, кузен Мейсона Джейк Эмерсон может быть тем, кого мы ищем. Все-таки, он встречался с Кейт в колледже.

— И?

Он потряс головой.

— Не клеится. Нет мотива. Детектив Кельвин опрашивала его, а затем я сам с ним встречался. Согласно словам Мейсона и матери Кейт, Джейк и Кейт встречались как бы, между прочим, и Джейк не был расстроен, когда Кейт предпочла его кузена. Миссис Кобб назвала Джейка очаровательным молодым человеком с большим будущим – было очевидно, что она предпочитала его для своей дочери по сравнению с Мейсоном. Плюс, Кейт была теньвым партнером в их фирме, и хоть, когда она умерла, ее доля активов перешла к нему, он отдал эти активы своему кузену, сделав их партнерами пятьдесят на пятьдесят. Это разрушает любые финансовые мотивы. Ничего не осталось.

Рэтт поджала губы.

— Х-м-м, жаль. Это бы сделало судебное разбирательство сенсационным.

— Да, ну... «ищите женщину». Убери Колдвелла из своей истории, и я подпишусь под каждым словом. Мы пойдем на Кендру Орталано в полной боевой мощи.

— Уже. Ее взяли под арест этим утром. Мы по-быстрому готовим на нее дело. Я хочу, чтобы эта убийца как можно быстрее оказалась за решеткой.

Она замолчала.

— Скажи мне одну вещь, Джексон: почему ты настаиваешь на невинности Колдвелла?

— А почему ты так жестко взяла его в оборот?

Она сжала губы, отказываясь вестись на его приманку.

— У меня есть близкий друг, работающий профайлером в ФБР. Я гадаю, может ли он пролить свет на Колдвелла. Я могу устроить встречу под каким-либо предлогом, чтобы они могли поговорить. Это поможет выяснить, что заставляет его нервничать.

Джексон пожал плечами.

— Позвони ему. Это не навредит, но я клянусь кошельком, что он невиновен.

Рэтт перекрестила ноги, любуясь тем, как они выглядят в ее новых туфлях на каблуках. Когда она ходила в них, каблуки заставляли ее икры напрягаться, и они всерьез выглядели хорошо. Но даже, когда она сидела, туфли творили чудеса с ее ногами. Невозможно отрицать, что туфли так же нравятся женщинам, как и мужчины.

— Скажи мне, почему ты так уверен?

— Во-первых, Кейт Колдвелл была намного горячее Кендры Орталано. И она происходила из обеспеченной семьи. Зачем убивать ее ради ничтожных двух лимонов, когда он сорвал джек-пот? Променять ее на менее выгодную и попользованную ведьму Кендру? Такие как она, легко прибегают к шантажу, когда заканчиваются деньги.

Немного погодя он добавил:

— Также, он кажется искренне хорошим парнем. Я не уловил никаких ноток социопатии с его стороны. Твой сценарий, хоть и завораживает, кажется мне притянутым за уши, Рэтт. И слишком запутанным, при многих переменных, которые могли пойти наперекосы. Проще – лучше. И это именно так, как мы будем убеждать присяжных. Честно.

Она встала, резко огрызнувшись:

— Я не думаю, что все это притянуто за уши, и найду достаточно улики, чтобы доказать это, увидишь, найду.

Рэтт Хармон не выносила любой критики, конструктивная она или нет. У нее был план на жизнь, и от него не будет отклонений, если все будет зависеть только от нее. Она потянулась и взяла трубку стационарного стола.

— Да, Беннетт, свяжи меня с Лукой Дерриксом в ФБР. Куантико, Вирджиния. Дай мне знать, когда он будет на линии. Спасибо.

Глава 41

Все случилось слишком быстро.

Кендра Орталано была осуждена и приговорена по трем статьям: убийство первой степени, тяжкое убийство, и попытка убийства. Хоть у нее и был приличный адвокат, он не мог бороться с подавляющим количеством улик, а прокурор был так уверен, что его клиентку признают виновной, признает она вину или нет. Исходная точка. Ей вынесли два приговора: один приговаривал ее к двадцати пяти годам тюремного заключения, а второй от пяти до семи лет заключения последовательно. Пока они не вытащили ее из зала суда, она громко настаивала, что ее подставил Мейсон Колдвелл. Некоторые из присяжных могли ей поверить – особенно брюнетка средних лет на дальней скамье справа, которая, по мнению Рэтт была слишком сопереживающей – но так как Мейсон Колдвелл не был ранее судим, этот вопрос был сомнительным.

В первый день, Рэтт Хармон прошествовала в зал суда, неся на плечах «плащ из уверенности», который коллеги называли – за спиной – ее одежкой судебной сучки. Эту личность она тщательно создавала в первые месяцы работы помощником окружного прокурора. Каждый аксессуар был дорогим и элегантным, создавая серьезную, но стильную личность одерживающего победы помощника окружного прокурора. Высокие каблуки были чем-то средним между сексуальными и чувственными, подходящими к костюму-двойке. Линия юбки приоткрывала лишь краешек коленей при ходьбе, а также на ней была надета розовая шелковая рубашка. Ее прямые черные волосы были либо собраны в хвост, либо приподняты, легкий макияж, нитка серебристых жемчужин, и ее наручные часы от Omega De Ville. С первых слов ее вступительной речи она завладела комнатой, и она чувствовала это, ни разу не позволив себе замедлить речь. Нет никакой возможности, что она покинет зал суда без вынесения обвинительного приговора.

Присяжные поначалу не сходились во мнениях и трое даже взяли три дня на размышление. В первый день, счет был семь на пять, а на следующий девять на три. Трое

воздержавшихся, которые определенно включали в себя и ту брюнетку, уступили на третий день размышлений. Конечно же, защита подсчитала голоса присяжных – Рэтт задержала дыхание на эти кажущиеся бесконечными секунды. Уже выигранные дела не раз разваливались из-за присяжных, находящихся под влиянием не умеющих проигрывать адвокатов с обеих сторон. Хоть Рэтт и Джексон были уверены в своей победе, трехдневное ожидание не было хорошим знаком, и голосование продлило агонию еще на несколько минут. Адвокат Орталано, Ян Вотерхаус, в настоящий момент чувствовал себя еще хуже, чем они – он также не привык проигрывать. Рэтт взирала на чрезмерно подтянутого адвоката с одобрением в ходе судебного слушания. Может, она должна выразить ему слова утешения по поводу проигрыша?

Обвинение подкрепило дело правдоподобной историей: Кендра была отвергнута Мейсоном в школе. Она завидовала его подружкам и всегда ходила за ним по пятам. Она также ненавидела Джейн Дженсен, так сильно измываясь над той в старшей школе, что однажды погналась за Джейн на дороге, где последнюю сбила машина. Из-за того инцидента Кендра потеряла друзей и статус, очевидно, что она вынашивала злобу все эти годы. Чувство обиды вылилось в виде жестокой злобы, когда не так давно она натолкнулась на школьного друга, который рассказал ей, как хорошо живет Джейн Дженсен. Дела у Кендры шли совсем плохо, поэтому старая зависть и неуверенность преобразовались в токсичный яд.

Хоть Кендра и отрицала, что у нее были какие-либо деньги – она активно использовала их нехватку, чтобы защищаться – детективам удалось найти ПэйПэл-счет под именем Кендры Олсон, но с ее налоговым номером и адресом, на который фунты пополнялись каждый месяц компанией, предоставляющей услуги секса по телефону. Она имела базу в Ньюарке, штат Нью-Джерси, которая платила ей – или Кендре Олсон – деньги в течение интересующего их временного срока. В течение шести месяцев, различные суммы денег поступали на ее ПэйПэл счет, пока не накопилась сумма в десять тысяч долларов. Вся эта сумма была снята со счета за неделю до оплаты снайперу, а чек был выписан К. Олсон. Он был обналичен неделей спустя в специализированном пункте Бронкса, и записи с камер видеонаблюдения показали женщину очень похожую на Кендру Орталано, обналичивавшую чек. Женщина носила своеобразное красное пальто, и копы нашли такое же пальто в гардеробе обвиняемой.

Обвинение стерло все остатки веры в подсудимую с помощью сильнейшего доказательства против обвиняемой: мисс Орталано была узнана Бенни Роделлом на опознании, а затем снова в зале суда, как женщина, заплатившая киллеру. Ее также узнал Пернод, стрелок. К несчастью, Кэти Картер, водитель, ставшая свидетелем автомобильной аварии, толком не разглядела водителя джипа, чтобы суметь опознать в ней личность обвиняемой, но ее свидетельские показания, помогли связать Кендру с местом аварии, так же хорошо, как и оплата.

Что касается Колдвелла, он был в суде почти каждый день, обратившись к своей роли убитого горем мужа. Он никогда не приходил один, всегда окруженный друзьями и семьей, и телохранителями на случай, если за ним увяжутся какие чудики. Его красивое лицо появлялось на первых полосах всех газет на этой неделе, и женщины начали названивать ему и забрасывать сообщениями. Один пользователь Твиттера назвал его заслуженным вдовцом, и кличка пристала к нему на какое-то время. Пресса придумала прозвище и для обвиняемой: Тройное «К»: Крейзи Киллер Кендра.

Рэтт Хармон землю носом рыла и заглядывала в каждый темный угол, но не могла ничего найти, чтобы доказать, что Мейсон Колдвелл является соучастником. Профиль, который составил на него Люка Деррикс, показал, что тот склонен к нарциссизму с некоторыми социопатическими склонностями, но в пределах нормы. Не было никакого вещественного или иного доказательства, чтобы привязать его к делу. Фактически, кроме как инстинкт помощника окружного прокурора ничто не указывало на то, что он причастен, лишь только Кендра и ее ярые обвинения. Этого было недостаточно.

Тем человеком, что не присутствовал в зале суда, была Джейн Дженсен. Рэтт была вовсе не удивлена, и думала, что никто не ожидал ее присутствия. Ведь женщина была арестована и провела две или три ночи в «Райкерс», прежде чем ее выпустили. Рэтт узнала, что Джейн уже продала свой новый дом молодой семье, отправила все свои вещи на хранение, и уехала в уединенное место. Она, однако, сохранила свою работу и появлялась там каждый день. Новостные репортеры расположились в лобби здания в течение разгара судебного разбирательства, и Джейн приходилось находить обходные пути из и в здание. Одно было верным: ее работодатель поддерживал ее все время.

Рэтт не могла ощутить никаких сожалений по поводу того, что случилось с Джейн Дженсен, хотя и считала, что была бы должна. Просто так иногда случается с людьми, и здесь нет ничего личного. Единственный аспект дела, о котором она много размышляла, был тем как весь арест и последующая подготовка к судебному разбирательству, свалились на нее после страшной автомобильной аварии – любезности Кендры Орталано, или заключенной под номером 304468962, под которым она теперь была известна. Она задирала Джейн Дженсен и наконец, осталась не у дел.

Правосудие.

После того как обвинительный приговор был вынесен, в офисе окружного прокурора все отмечали победу. Из шампанского еще не улетели все пузырьки, когда Джексон Олтимент подошел к столу Рэтт Хармон.

— Есть минутка?

Рэтт обошла вокруг стола и практически рухнула в свое кресло. Она устала до мозга костей, проведя весь день на ногах в зале суда. Все чего она хотела сейчас была горячая ванна, холодный стакан водки и теплого мужчину. К несчастью, она, вероятно, получит лишь два пункта из трех.

— Что случилось? — спросила она Джексона.

— Кое-что интересное произошло с делом Колдвелл. Хочешь знать?

Рэтт вздохнула. Это дело почти свело ее с ума, принимая так много поворотов, что ставило в тупик не один раз. В какой-то момент, каждый участник дела попадал под подозрение. Наставник Рэтт, несравненный окружной прокурор Эван Бонд, кое-что сказал ей в первый день ее работы на него, что она приняла близко к сердцу и когда-нибудь сама скажет приемнику. Она все еще могла слышать его скрипучий голос, в то время как он наставлял ее, сидя на краешке стола, плотно скрестив руки и грызя карандаш – он всегда жевал карандаши, замена сигаретам, по которым он никогда не переставал скучать.

Рэтт, будут такие дела, которые застрянут у тебя в печенке. Дела, в которых ты будешь знать, что кто-то виновен как грех, но не сможешь доказать это. И, если ты не

сможешь доказать это, ты не сможешь предъявить ему иск. Он уйдет. Или она уйдет. И ты ни черта не сможешь по этому поводу сделать. Так что празднуй победы и не бери в голову неудачи. Просто всеми силами старайся максимально хорошо выполнять свою работу. Вот за что налогоплательщики платят нам деньги – не читать морали и определенно не тратить их деньги.

Теперь она посмотрела на мясистое лицо Джексона. Для их офиса важным было то, что они выиграли дело и установили справедливость для Кейт Колдвелл. Хотя Рэтт и верила каждой клеточкой тела в то, что Мейсон Колдвелл был замешан в убийстве своей жены, а Орталано постоянно утверждала, что он помогал ей спланировать его, никаких улик не было. Они внимательно изучили телефонные записи. Они проверили все его алиби в ключевые моменты подготовки убийства. Ноль, абсолютно ничего. Он вышел сухим из воды, как еб*ная резиновая утка.

Страховая компания отказывалась платить деньги по договору, поскольку была тень сомнения в его невиновности и продолжала откладывать выплаты, но, в конце концов, пришлось заплатить, когда им пригрозили судом. Это все еще невероятно бесило Рэтт. А уж как это выводило из себя мать Кейт. Эта женщина вступила на тропу войны, и не могла успокоиться. Она разделяла веру Рэтт в то, что ее зять виновен. Мейсону стоит быть поосторожнее. Вырвавшись из раздумий и вернувшись в реальность, она, наконец, ответила Джексону.

— Я вероятно должна бы сказать нет, но ты вероятно в курсе, что это просто не в моей ДНК отклоняться от получения информации. Продолжай.

— Ну, я просматривал дело, подготавливая копию для гражданского иска, когда наткнулся на интересный факт. Помнишь, когда я говорил тебе, что Кейт Колдвелл взяла академический отпуск длиной в несколько лет? Ну, Джейн Дженсен и Кейт Колдвелл посещали Браун в одно и то же время целый год. Я копнул глубже, просто ради забавы, поднимая официальные бумаги на каждую, и узнал, что они посещали как минимум один общий класс.

Ее взгляд практически кастрировал его на месте, и он почти потянулся вниз, чтобы защитить свое хозяйство.

— Кейт была на три года старше Джейн, — огрызнулась она. — Сколько времени Кейт отсутствовала?

— Очевидно, она ушла на первом курсе, потому что ее брат заболел, и вернулась через несколько лет, чтобы закончить свою степень.

Ее веки закрылись, когда она вздохнула.

— Боже, я надеюсь, что это одна из тех странных случайностей и не еще один гребаный поворот в этом деле. Я ненавижу это чертово дело.

Пытаясь унять ее напряжение, он усмехнулся.

— Я тоже. Все хорошо, просто подумал, что ты хотела бы знать. Вероятно, это ничего не значит.

— Да. Вероятно. Спасибо, Джексон, за то, что лишил меня сегодня сна.

— Всегда, пожалуйста. Спокойной ночи, адвокат. Я не могу поверить, что ты уходишь на другую сторону. Подобострастный адвокат защиты? Правда?

Смеясь, мыслями она перенеслась к своему новому офису и к более высоким цифрам впереди нулей в ее годовой зарплате. Она только что приняла предложение юридической фирмы примерно час назад, хоть партнеры преследовали ее месяцами.

— Я сама не могу поверить, Джакс. Помнишь Люка Деррикса, сотрудника ФБР который помогал нам составлять профиль на Мейсона? Он начал свою карьеру в качестве адвоката защиты, и он решил к этому вернуться. Он уговорил меня тоже поменять сторону. Он был крайне убедителен.

В ее лицо бросился жар, когда она поняла, что последний комментарий прозвучал двусмысленно. Или же нет? Может так показалось только ей.

Джексон покачал головой.

— Он был решающим фактором? Ну, если не сможешь уснуть сегодня вечером, и тебе будет нечем заняться, позвони мне. Я составлю тебе компанию в твоей большой одинокой постели.

Он выгнул брови, а в его глазах появился озорной огонек — он был серьезен в своем предложении.

Нет, не только ей так показалось. Она наклонила голову, изучая его. Джексон никогда за ней не приударял, но возможно теперь, когда она уходила из офиса окружного прокурора, он посчитал, что ему стоит. Она гадала, каково это будет переспать с ним. Она прочистила горло.

— Я буду держать это в уме. Спокойной ночи, Джакс, и спасибо тебе за твою великолепную работу, как и всегда.

Глава 42

— Ты уже сдала его? — спросила Мэл.

Джейн улыбнулась при виде удивления Мэл.

— Да. Когда и если О'Брайаны решат выехать, я выставлю дом на продажу. Мне нравится дом, но уже никогда не будет там уютно, ты понимаешь?

— Злые чары. Я думаю это правильно. Эй, почему бы тебе не переехать на Манхеттен поближе ко мне? За те деньги, что ты выручишь за таунхаус, ты, вероятно, сможешь себе позволить, по крайней мере, сто квадратных метров в Сохо.

Джейн засмеялась.

— Продать одну тысячу семьсот пятьдесят квадратных метров и купить сотню, ха? Я так не думаю.

Мэл вытаращила глаза и схватила Джейн за обе руки.

— О, да ладно, Джейн. Нам будет так весело.

Джейн рассмеялась, откинув голову. Энтузиазм Мэл был заразителен.

— Посмотрим. Может быть...

Она хотела сказать что-то еще, но замерла, на ее лице появилось странное выражение.

— Что? — спросила Мэл, быть предельно четкой было ее личным видом искусства.

— Итак... э-м-м, ты все еще видишься с Фитцгиббонсом?

Мэл взяла Джейн за руку и потянула вперед.

— Давай сядем сначала за стол, а затем поговорим. Я голодна.

Они были в любимом бистро Мэл, расположенном за углом дома, где находилась ее квартира. Там был большой выбор поздних завтраков, и подавали кувшинчики Мимосас или Ойстер Марис, из-за которых Мэл заходила сюда при любой возможности. Народ только начал прибывать на поздний завтрак, так что им удалось занять столик, тотальное очко в Нью-Йорке. Как только они сели, и официант принес их латте, Джейн выжидающе

посмотрела на Мэл.

— Итак?

Мэл сморщила нос, не совсем желая отвечать на вопрос. Эти отношения, которые с трудом можно было назвать отношениями, были принесены в жертву делу. Чем они были? Три недели прошло с момента вынесения приговора Кендре Орталано, и больше чем шесть месяцев с тех пор как она в последний раз видела Роба, и она не так уж много слышала от него, кроме как, получив пару текстовых сообщений, которые он прислал ей во время судебного разбирательства. Она не имела никакого намерения начинать контакт с ним, так как именно Роб был неправ. Все выглядело так, как будто это уже не имело значения, ведь он так и не вернулся в ее жизнь.

— Ты же в курсе, что мы перестали видеться после твоего ареста?

— М-м-м, я так и поняла. Вдруг ты перестала щебетать о нем.

— Т-с-с, — она сощурила глаза. — Я никогда не щебетала. Я не щебечу.

— Да, ты щебечешь.

— Ладно, неважно. Он мне нравился — очень — но, если он хочет когда-либо снова видеть меня, тогда он должен сделать первый шаг. Он был неправ, и я намерена получить его извинения. — После ее ремарки выражение на лице Джейн позабавило Мэл. Она фыркнула. — Я бы подумала над тем, чтобы простить его за то, что был таким подозрительным придурком по отношению к тебе... если бы он ползал на коленях как минимум неделю.

— Ну, я его не прощу.

Мэл не была уверена, шутит Джейн или нет, но решила сменить тему.

— Ну. Это потому что ты не трахалась с этим чуваком — у него гигантский член, Джейн. Ты ожидаешь, что я так легко с этим расстанусь?

Нахмурившись после слов Мэл, Джейн все-таки рассмеялась.

— Ну, если ты так ставишь вопрос... хоть у него и большой член, я все еще придерживаюсь того, что *он* большой член.

— Это справедливо, — согласилась Мэл, делая глоток латте. — М-м-м, Боже, я люблю кофе. Я бы чувствовала то же самое, будь я тобой, Джейн. Пожалуйста, заметь, что я, однако, никогда не предавала тебя и не переставала в тебя верить.

Вздохнув, Джейн потянулась через стол и взяла свою подругу за руку.

— Я заметила, Мэл, более чем единожды. Я бы никогда не пережила эти месяцы без тебя. Я надеюсь, ты знаешь это.

Глаза Мэл защипало.

— Я знаю, чика. Я знаю. Теперь... — она хлопнула в ладоши, — ...давай поедим.

Мэл расположилась на своем вельветом диване, закинув на него одну ногу, а другую на кофейный столик. Она смотрела французскую комедию и красила ногти на ногах. Двумя днями ранее, она помогла Джейн найти маленькую квартиру-студию не далеко от своей квартиры. Джейн сняла апартаменты на четыре месяца, чтобы решить, куда двинуться оттуда дальше. Когда зазвонил дверной звонок, Мэл уже начала красить последний ноготь на правой ноге, и подумала, что это был ее новая соседка.

— Замечательно время ты выбрала, Джейн, — пробормотала она и аккуратно положила кисточку в бутылочку Салли Хэнсен 401, блестящего цвета темной корицы. — Одну минуту,

— прокричала она, закрывая крышечку.

Вставая, она полюбовалась на свою правую ногу, на которой красовались четыре свеженакрашенных ногтя и один голый розовенький ноготок. Джейн, должно быть, проскочила через черный вход и поднялась по лестнице, потому что Мэл не слышала, как девушка звонила по домофону известнякового здания.

Когда она выглянула в глазок, Мэл резко втянула воздух. Это была не Джейн.

— Ты меняпустишь?

Глубокий тембр его голоса провибрировал через дверь и проник в ее тело, посылая дрожь по спине.

Улыбаясь, она прислонилась к двери.

— Зависит от того, зачем ты пришел.

— Зачем?

— Ты здесь, чтобы извиниться?

— Что-то вроде того. Открой дверь, Мэл.

— Отлично, — она громко вздохнула, приоткрыв дверь, — но тебе лучше бы быть здесь, чтобы признать, что ты был неправ по поводу Джейн и извиниться передо мной за свое свинство — и за то, что долго не объявлялся.

Роб Фитцгиббонс переступил через порог и с легкостью ответил:

— Я извинюсь, но на этом мы и оставим эту тему.

Он широко улыбнулся, и осмотрел ее с ног до головы.

— Я рад тебя снова видеть — ты хорошо выглядишь.

Мэл повернулась и повела его в гостиную.

— Это потому что моя жизнь вернулась в норму — ну, к тому, что я зову нормой.

Она плюхнулась обратно на диван, забыв о своих ногтях.

— И я, наконец, переборола свой дефицит недосыпания, накопившийся за последние месяцы.

— Хорошо, я рад это слышать.

Он неподвижно встал у края дивана, просто смотря на нее.

Мэл жестом показала ему на пустое место с краю дивана.

— Не присядешь?

Кивнув, он шумно вдохнул, но не заговорил, присаживаясь на диван. Мэл поняла, что у него есть что сказать и ждала, когда он начнет. В то же время, она внимательно его рассматривала. Детектив был великолепным образчиком мужчины, и Мэл нравилось им любоваться. Хотя Роб и был широк в плечах, он был худощав. Рельефен. Его светлые глаза и смуглая кожа представляли собой красивый контраст, а его каштановые волосы были шелковистыми на ощупь.

— Ты полностью ирландец? — выпалила она.

Роб резко вскинул голову.

— Что заставило тебя заговорить об этом?

Она пожала плечами, не в состоянии скрыть улыбки.

— Я просто... любовалась... твоей внешностью, и поняла, что твой цвет кожи не такой светлый, как у большинства ирландцев. Должно быть, тут есть примесь чего-то другого.

— Да, я на четверть итальянец — но я уже говорил тебе — и на восьмую часть коренной американец. Чероки.

— Ах, это все объясняет. Ты очень мил — но ты же ведь это знаешь?

— Мил? — он усмехнулся. — Я не думаю, что большинство мужчин обрадуются такому определению, Мэлани. Но, эй, я думаю, ты сказала это намеренно.

Она подложила одну ногу под себя, вытянув ту, что была с покрашенными ногтями.

— Все верно, детектив. Говори то, зачем пришел. Я занята педикюром.

Он посмотрел вниз на ее незаконченную ногу и сжал губы.

— О'кей, слушай. Я прошу прощения за некоторые вещи, которые говорил и делал, но я честно не имел выбора. Твоя подруга была обвиняемой в деле, в которое я был вовлечен, и здесь было не так уж много вариантов. Теперь она больше не обвиняемая, так что нет причин нам быть по отдельности, и я действительно очень хочу видеться с тобой снова, Мэл. Я скучал по тебе.

— Хм-м-м. Большинство из этого не звучит как извинение. Что насчет того, как ты обращался с Джейн?

Презрение пробежало по его лицу, прежде чем он стер его.

— Я обращался с ней так, как я обращаюсь с любимым, кто находится под арестом и обвиняется в серьезном преступлении. Почему я должен извиняться за то, что делал мою работу?

— Ты был неправ, вот почему, и ты отказался воспринимать всерьез ту информацию, которая у меня была и которая частично оправдывала Джейн.

— Что было, то было, у нас против нее было слишком много доказательств.

— Они все были подделаны, — Мэл выпалила, повышая голос. — Если я могла увидеть это, ты должен был увидеть. Ты опытный детектив.

— Верно, за исключением того, что я до сих пор не верю в это. От этого воняет заготовкой.

— Заготовкой?

— Орталано.

Его голос был мрачным.

Мэл вскочила со своего сидячего положения.

— Подожди секундочку. Ты говоришь мне, что не веришь, что Джейн подставили, но веришь, что Кендру Орталано подставили?

— Бинго.

У Мэл чесалась рука, чтобы врезать ему.

— О чем ты говоришь? Джейн была оправдана.

Роб сел, покусывая щеку и смотря прямо. Не смещая взгляда, он сказал:

— Просто давай двинемся дальше. Я извинился перед тобой за то, как обращался с тобой. Это все, что имеет значение.

Он потянулся, чтобы взять ее за руку и наконец, посмотрел ей в глаза.

— Можем ли мы просто продолжить оттуда, где остановились? Ты мне очень нравишься, Мэл, и я говорил тебе уже, я думаю, что нас ждет хорошее будущее.

Рыча, Мэл крутанулась вокруг, перестав на него смотреть. На долгую минуту, она просто стояла там перед ним, ничего не говоря, но смотря ему в лицо, разозленная и в то же время невероятно возбужденная. Вышвырнуть его или зацеловать его до потери дыхания? Затем она вытянула ногу.

— Тебе нравятся мои ноготки?

Роб покачал головой, встал и притянул ее в свои объятия.

— Да, я обожаю их. Хочешь, чтобы я помог тебе со второй ногой? Я наловчился красить

ногти сестре, так как у меня более твердая рука.

— Я в игре, детка. Сделай хорошую работу и я, может быть, куплю тебе парочку буррито за твое беспокойство.

— Чиминчангу. Либо это что-то жареное, либо это не стоит есть, верно?

— Идет, — согласилась она и подмигнула ему. Он был слишком горяч, чтобы от него отказываться.

Джейн вытащила одну из самых больших коробок из своей новой машины и понесла в дом. Как только коробка заполнится, она не сможет ее сдвинуть, так что девушка решила паковать вещи поближе к двери. Семья О'Брайанов сняла дом с большей частью мебелировки, так что Джейн забирала только свои личные вещи и диван. Она безумно обожала свой новый диван, а у О'Брайанов был свой собственный, в том числе и спальный гарнитур. Джейн обставила только главную спальню, так что их собственная мебель будет как нельзя кстати. Диван вместе с двумя коробками отправится на склад, так как Джейн взяла в субаренду полностью мебелированную квартиру, пока не решит, что ей делать дальше. Она забирала только свою одежду, лэптоп, несколько книг и небольших вещей.

Я почти уверена, что смогу затолкать все в три – может четыре – большие коробки, подумала она, достав еще две большие коробки, и поставив их, рядом друг с дружкой. Присев рядом с ними на корточки, она начала упаковывать вещи потяжелее в самую большую из трех коробок. Ее стереосистема орала на всю катушку, хотя было десять утра. Она врубилась звук погромче по двум причинам: во-первых, музыка придавала ей сил и энергии, в то время как она паковала всю свою жизнь, которую она едва распаковала несколько месяцев назад. Во-вторых, потому что она чувствовала себя здесь неуютно, считая, что некоторые люди по-прежнему верили, что она виновна в убийстве Кейт Колдвелл. Не имело значения, что обвинения были сняты, а двое других людей были осуждены и приговорены за преступление. Некоторые люди были похожи на собак, что цеплялись за кость, как только она оказывалась у них в зубах, правильно это было или нет, и эту кость уже никак нельзя было выдернуть из рычащих пастей. Музыка уменьшала ее страхи.

Группа «Радиоход» исполняли ее любимую еще со времен школы песню «Крип», и она пыталась поменять вещи местами в коробках, чтобы по максимуму их загрузить, когда периферийным зрением заметила быстрое движение, и так резко крутанула головой, что почувствовала боль в шее. Тогда Джейн и увидела мужчину, стоящего в ее гостиной, ее слюноотделение увеличилось, когда она попыталась закричать и ахнуть от удивления одновременно.

Он поднял руки вверх.

— Извини, Джейн, — он почти закричал, чтобы перекрыть громкую музыку. — Я не хотел напугать тебя. Я просто подумал, что должен зайти.

Мейсон указал большим пальцем по направлению к двери.

— Ты не слышала, как я постучал, а дверь не была закрыта.

Он засунул пальцы в карманы джинсов.

— Я слышал музыку... еще в квартале отсюда, — добавил Мейсон с усмешкой. — Так что я решил, что ты дома.

Джейн встала и отерла пыль с рук, неуверенная, что ей предпринять дальше.

— Да. Некоторое время... Я...

Ее речь оборвалась, пока она тщательно разглядывала его. Каковы были его намерения? Мейсон все еще верит, что она заказала его жену? Джейн повернулась, чтобы убавить звук, но наклонила голову, так, чтобы держать его в поле зрения.

— У-м-м, нет, все хорошо, Мейсон, — приободрила она его, поворачиваясь назад, и обтерла потеющие ладони о бедра. — Что я могу для тебя сделать?

Он посмотрел вокруг.

— Снова переезжаешь?

Джейн почувствовала, как покраснела, и кивнула.

— Да. Моя репутация здесь отправилась в мусорную корзину.

Она попыталась изобразить улыбку.

— Я просто хочу сказать...

— Не думаю, что ты...

Они оба заговорили одновременно и затем одновременно замолчали и усмехнулись.

— Ты первая, — сказал Мейсон, показывая на нее пальцем, другая его рука все так же была засунута в узкий карман.

Хоть Джейн все еще не была уверена в причине его прихода, но хотела бы верить в лучшее. Все же, было страшно находиться одной в пустом доме с мужчиной, который очень вероятно убил свою жену. Обвинитель, которая выиграла дело против Кендры Орталано, была убеждена, что Мейсон помогал этой женщине, даже, если и не могла доказать этого. Джейн знала это, потому что детектив Фитцгиббонс рассказал это Мэл, а Мэл ей — это не было большим секретом. Плюс, Кендра громко истерила, заявляя, что Мейсон спланировал все преступление, а затем подставил в нем свою лучшую подругу из старшей школы. Может он пришел сюда, чтобы закончить работу, ведь подставить Джейн в убийстве не удалось?

Было очень сложно поверить, что предмет ее школьной влюбленности способен на такую жестокость, но опять же кто знает, каким Мейсон стал за последние семь лет. Было вероятно, что он стал злом, предположила она. Шизофрения не проявляется до начала взросления... может то же самое верно и для психопатии?

Джейн глубоко вдохнула и попыталась втереться к нему в доверие.

— Мне действительно жаль, что ты прошел через все это. Я надеюсь, что ты обретишь достаточно спокойствия, чтобы двинуться дальше...

Акустика ее пустого дома усиливала ее голос.

Он шагнул ближе к ней, и ее пульс заскакал как испуганный кролик. Потребовалась каждая унция ее силы воли, чтобы не отступить назад и не сбежать. Она была уверена, что он мог слышать, как ее сердце бьется об ребра, этот звук оглушал.

Мэйсон стоял перед ней, подняв руки, взгляд был искренним, на его лице можно было прочесть все эмоции.

— Это очень великодушно, учитывая, через что прошла ты. Просто не верится, на что готова была пойти сумасшедшая женщина, только чтобы продолжать причинять тебе страдания. Это безумие.

— И продолжала быть одержимой тобой, — сказала Джейн мягко, — даже после стольких лет. Ты единственный, кому придется собирать множество осколков. Я путешествую налегке. Боже, мне так жаль твою жену, Мейсон.

Он пожал плечами, хмурое выражение лица исказило его прекрасное лицо — благословение и проклятие, без сомнения.

— Ты знаешь, я провел много времени, горюя по Кейт. Настало время... я пытаюсь двигаться дальше, — пробормотал он. — Я благодарен за то, что у меня есть поддержка семьи. Есть множество людей, которые думают, что я имею какое-то отношение к убийству Кейт. Это еще более усугубляется благодаря диким обвинениям Кендры.

— М-м-м. Ты хочешь продолжить работать в компании?

Мейсон почесал затылок, потянул свою длинную мускулистую спину, и Джейн не могла удержать свои мысли от эротических фантазий. Мужчина был невероятно сексуален.

— Это на самом-то деле компания моего кузена – а Кейт была молчаливым партнером. Ты помнишь Джейка, верно?

— Да, мне кажется, что да. Я думаю... на самом деле, я достаточно уверена, что мы встречались снова в колледже и в каком-то роде стали друзьями.

— Ха. Он никогда не рассказывал мне об этом.

— Да. Ну, моя память еще местами туманна о прошедших пяти или шести годах или около того. Но... кусочек за кусочком, она возвращается ко мне. В любом случае... — сказала Джейн, посмотрев в окно, чтобы не видеть его взгляд. Какой-то шум вернул ее внимание обратно к Колдвеллу.

Мейсон крутил свой брелок от машины вокруг пальца, осматривая пустую комнату.

— Ну, я так думаю, что должен оставить тебя собираться. Мне все равно надо идти. Я снова одолжил Порше Джейка – и его, вероятно, взбесит, что без его разрешения, — сказал он со слабой усмешкой. — Я думаю, мне вскоре придется купить свой собственный. Моя «Ауди» по сравнению кажется слишком тесной.

Джейн улыбнулась.

— Джейк восстановил ту девятьсот одиннадцатую, да? Я, кажется, вспомнила, как он говорил, что она была в ужасном состоянии, когда он ее купил.

Как только слова сорвались с губ, Джейн замерла, парализованная новым воспоминанием. Каждый день становился приключением с черепно-мозговой травмой.

Мейсон тоже выглядел удивленным.

— Да, он так и сделал. Джейк мастер на все руки.

Он начал пятиться к двери и указал ключами в ее направлении.

— Береги себя, Джейн. Всего тебе хорошего.

— Тебе тоже, Мейсон. Эй, скажи Джейку, что я передавала привет.

— Обязательно.

Мейсон Колдвелл подмигнул ей, улыбнулся и разворачиваясь, сказал:

— Прощай, Джейн.

После того как он ушел, Джейн не смогла удержаться на дрожащих ногах и упала на пол, и просидела там целую минуту. Она не ела ничего с прошлого вечера; ее сахар в крови должно быть упал. Схватившись за ручку кресла, она подтянулась и пошла на кухню, рыская в поисках крекеров или чего-то, что сможет быстро съесть.

Джейн была в смятении и ощущала себя сбитой с толку.

Она нашла пачку овсяных печеней и засунула одну в рот, пыталась сосредоточиться на жевании и глотании, а не на чувстве тошноты. Через несколько минут, Джейн почувствовала в себе силы, чтобы снова вернуться к сбору вещей.

Это было печально, так печально. Жизнь Мейсона была разорвана в клочья, Кендра проведет остаток жизни за решеткой, а Кейт Колдвелл лишилась будущего в самом расцвете сил. И все ради чего?

Джейн знала, что вероятно видела Мейсона Колдвелла Третьего в последний раз в жизни. Это было горько, но она была этому рада. Он даже не был частью ее жизни, просто одной из фантазий, той, что она создала в своем несчастном детстве. Но эй, она больше не тот ребенок. И то, что случилось между ними, было не более чем фантазией. Он не имел не малейшего представления, что она была той девушкой Джанин, с которой у него была легчайшая из интрижек, одна ночь веселья. И он никогда не узнает, что презерватив порвался, никогда не узнает о младенце сыне, никогда не узнает о том, что похитила у нее та первая авария.

У Джейн теперь хорошая жизнь: прекрасная работа, верная подруга, ну, теперь уже две, они с Рейчел Картон – своей старой подругой с поезда – начали общаться. Когда-нибудь, у нее будет и новый дом. Что-то чего стоит ждать в будущем.

Разве это не то, что нужно каждому – быть счастливым? Просто иметь то, к чему стремишься?

Эпилог

Год спустя

— Здесь так красиво, правда? Нам стоило бы продать недвижимость в городе и купить дом у воды. Ты так не думаешь, любимая?

Джейн подняла голову, чтобы посмотреть на него. Даже яркий утренний свет не умалял феноменальной красоты ее мужа. Она едва могла поверить, что жизнь привела ее сюда, в объятия мужчины ее мечты.

Прислонившись головой к его плечу, она пробормотала:

— Далеко добираться, — и снова посмотрела на голубую ширь, наблюдая за тем, как золотистые блики дрожат на поверхности воды. Она будто смотрела на самый прекрасный бриллиант.

— Тебя любят на твоей работе, Джейни. Ты можешь попросить два рабочих дня на дому, и только три в офисе. Я могу оставаться здесь с детьми, когда они у нас появятся. Я продам компанию.

— Что насчет твоего кузена?

— Мейсон тоже хотел ее продать, но, когда доля Кейт вернулась ко мне, я сделал его равноправным партнером... Кто знает? Может Мейсон выкупит мою долю – он стал намного более заинтересованным в бизнесе, когда он стал его, а не Кейт, — мужчина пожал плечами. — Если же мы оба продаем свою долю, он получит хорошие деньги.

Его пальцы мягко убрали локоны с ее лица.

— Ты можешь использовать квартиру-студию в городе три дня в неделю, когда будешь в городе, — добавил он, приподняв ее подбородок и легко поцеловав ее в губы. — Ведь это замечательно, сладенькая?

Джейн закрыла глаза. Это было более чем великолепно: это звучало идеально. Она может так сделать – они могут так сделать. Ее дом в Ривердейле стоил много и также много стоил его лофт в Гарлеме, где они теперь жили. Объединив деньги, они смогут приобрести себе здесь кусочек рая. Она легко сможет позволить купить себе небольшое местечко в мидтауне, поблизости от офиса. Это будет весело жить замужней женщиной четыре дня в неделю и холостячкой оставшиеся три.

Она все еще не могла поверить в то, как резко повернулась ее жизнь со времен аварии и обвинений в убийстве. Через два месяца после суда, она вышла из офиса по каким-то делам во время ланча и кого она встретила?

Джейка Эмерсона, кузена Мейсона и его партнера.

Джейн уже начала понемногу вспоминать их дружбу в колледже и была очень рада увидеть его вновь. И с тех пор пошло поехало. Это было, так как будто они были вместе всю их жизнь, а не только несколько месяцев. Шесть месяцев спустя они стояли в мирном местечке на Гавайях, пригласив родителей Джейка, и официально стали мужем и женой.

Она посмотрела вверх и увидела, что он по-прежнему смотрит на нее.

— Итак, — сказал он с осторожной улыбкой, — о чем ты думаешь?

Она кивнула и вернула улыбку.

— Я думаю, что на самом деле это отличная идея, — она развернулась, чтобы коснуться его, пробежавшись кончиками пальцев по его прекрасному лицу. Она не могла налюбоваться безупречной симметрией черт его лица и фотографировала его каждый день и ночь, при свете и во тьме, в одежде и без. Резкий свет, вспышка — не важно. Он был таким фотогеничным. Вздохнув, она взяла его за подбородок и приблизила его лицо к себе. — Жизнь была б совершенной, если бы я только смогла все вспомнить.

Он отклонился назад, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Может это даже к лучшему, что ты помнишь не все.

— Почему, Джейк? Это не имеет смысла, — она изучала выражение его лица. — Одно время я боялась вспомнить все, но с тех пор как Кендра...

— Я знаю. Я просто думаю... ну, иногда, Джейни, правда приносит боль...

— Забвение благословенно, верно?

Он громко рассмеялся.

— Верно. Будь рада своему благословию.

Это было на той неделе, когда они выбрали дом — двухэтажный, постройки 1874 года, с каменными карнизами в колониальном стиле на шести акрах у побережья, с лужайкой и лесистой территорией. Собственность включала в себя и гостевой домик на две спальни и старый красный сарай, а главный дом располагался на холме, покрытом зеленым газоном, ведущем вправо к кромке воды и их частному причалу. Джейн сидела дома, читая блог доктора, чьей специальностью было восстановление памяти при амнезиях. Она привыкла жить с большими дырами в памяти, но не повредило бы их заполнить. Доктор Зиглер перечислял различные ментальные упражнения, разработанные, чтобы поддерживать живость ума и рекомендовал прослушивать популярную музыку и любимую еду из потерянного периода времени, чтобы помочь спровоцировать появление воспоминаний и их поимку. Джейн распечатала текст, чтобы вернуться к нему позже.

Пока принтер начал печать документ, она направилась на кухню за холодным чаем. Джейк сидел в своем любимом кресле, смотря какой-то идиотский мультфильм для взрослых. По пути на кухню, Джейн свернула к нему, чтобы поцеловать его в макушку. Джейк обнял и резко притянул ее к себе на колени. Джейн засмеялась, локон ее длинных волос прилип к губам, а он посмотрел на нее так — ну, Джейн могла бы поклясться, что это была любовь. Когда Джейк смотрел на нее так, она могла поверить, что он обожает ее, и все через что она

прошла, стоило этого момента.

— Что ты смотришь?

— Какую-то ерунду.

Он переключился на новости, и что-то моментально привлекло его внимание. Бегущая строка гласила «Срочные новости: в Вестчестере сгорел ресторан и прилегающая пекарня».

— О, дерьмо. Только посмотри на это, Джейн. Это же «У Распутина».

— «У Распутина»? Мы туда ходили?

Он посмотрел на нее и слегка улыбнулся.

— Да, ходили. Больше одного раза. На самом деле, ты для меня одела те сексуальные лабутены, что я купил тебе, когда мы были там последний раз. Помнишь?

Джейн усмехнулась.

— Да, Мэл, имела серьезные планы на эти туфли, но я их разрушила. На самом деле, мне пришлось купить Мэл другую пару. Я думала, она упадет в обморок, когда открыла коробку.

Она игриво постучала ему по носу пальцем.

— Может, если ты будешь хорошо себя вести, я их снова для тебя одену. Может даже сегодня вечером?

— М-м-м, и ничего больше, я надеюсь?

Она уже готова была наклониться и поцеловать его, по-настоящему поцеловать, когда воспоминание накрыло ее, его жестокость заставила Джейн ахнуть – не только потому, что оно материализовалось без предупреждения, но также и потому что это было за воспоминание. Она дернулась, почти упав на спину. Джейк схватил ее правой рукой, и ее взгляд упал на тонкую татуировку, набитую на его среднем пальце: буддистский символ вечности.

Она встретила глазами с Джейком, он смотрел на нее пронизательным взглядом, почти сразу уловив, что она вспомнила. Различные эмоции пробежали по его лицу, но его глаза оставались статичными, взгляд безэмоциональный... решительный. После долгой минуты, он улыбнулся настолько широко, насколько было можно, его улыбка казалось, говорила, что он знает больше других.

— Ты вспомнила, не так ли? — спросил он, его улыбка обнажала все его зубы.

Она медленно кивнула, уже видя его под другим углом, зная теперь то, чего она о нем не помнила. Эмоции застряли в ее горле, ей удалось, наконец, ответить:

— Да, Джейк. Я... Я думаю, что да. Я уже знала, что встречала тебя в колледже, — ее слова были утвердительными, но он воспринял их, тем не менее, как вопрос и кивнул. — Но мы стали очень близки. Очень.

— Да, мы стали.

Его голос дрожал от эмоций – эмоций кого-то, кто был когда-то глубоко одинок, но теперь уже нет.

— Она бросила тебя, чтобы выйти замуж за твоего лучшего друга. Твоего кузена. Она разбила тебе сердце.

Он снова кивнул, его глаза потемнели от тени предательства.

Она продолжала, возможно, даже подозревая о той эмоциональной буре, что вызовут ее слова.

— Кейт Кобб относилась к тебе как к куску грязи, как будто ты был никем, светская сучка. Я не могла вынести, глядя на это. Ты был одним из самых замечательных мужчин,

которых я знала, а она относилась к тебе, как будто ты был мусором.

Его ноздри раздулись, его льдисто-голубые глаза потемнели.

— Она подписала свой смертный приговор, когда стала настаивать, что нам надо сделать Мейсона партнером. Почему я должен отдавать такой огромный кусок моих акций мужчине, который украл мою невесту, мой так называемый лучший друг? Слишком многое отдать ему. Я работал так усердно, чтобы построить бизнес с нуля. Плюс, я знал, что они оба хотят его продать, и, если Мейсона станет партнером, они задавят меня числом. Поэтому, я удержал в руках компанию, и это был мой выбор, в конце концов, сделать Мейсона партнером.

Он подмигнул ей и продолжил.

— Ради тебя я вовлек в это Кендру. В тот полдень «У Распутина»... Я увидел твою стальную решимость отплатить ей.

— Она сделала мою жизнь настоящим адом в школе. И за что? Я ничего ей не делала.

— И когда я связался с ней, притворяясь Мейсоном, рассказывая ей план, по которому мы свалим вину на кого-то другого, она сама выбрала тебя козлом отпущения – здесь мне даже не потребовалось никаких манипуляций, — он усмехнулся. — Не говоря о том, что она никогда не сомневалась, что я и есть мой кузен.

— Она ужасный человек.

— Воистину, детка. И она сгниет в тюрьме. Она заслуживает это, после того что она сделала с тобой, спровоцировав ту аварию – как будто всего было недостаточно.

Какое-то мгновение Джейн колебалась. Она вспомнила кое-что еще. Ту ночь. Автомобильную аварию. Скорую. Детей, стоящих и смотрящих на нее.

Она была уверена, что никогда не расскажет об этом Джейку, да и никому другому, о ней и ребенку Мейсона. Мейсон даже никогда и не знал о ребенке, и о том, кем на самом деле была Джанин.

Но как разбитое яйцо, правда в словах Джейка проникла в ее покалеченный разум – он имел в виду *недавнюю* автомобильную аварию – и она поняла, что только что чуть не совершила огромную ошибку. Если бы она упомянула выкидыш – Джейку бы не понравилось знать, что Мейсон был у нее первым. Нет, он никогда не узнает, но в то же время Джейн отомстила теперь за своего бедного ребенка. Вэн, так она его назвала, чтобы напомнить себе о мести, которая никогда не закончится. Но Джейк говорил о том, что сделала Кендра... и Джейн почти стошнило, когда правда снизошла на нее.

Она обеими руками обхватила голову.

— Автомобильная авария. *Она* была той, что столкнула меня с дороги.

Не разжимая превратившуюся в камень челюсть, он кивнул.

— Это не было частью плана. Она увидела тебя на заправке... Ты не связывалась со мной... Я ничего не знал... Мой друг Курт имеет доступ к полицейскому сканнеру. Я позвонил ему, и он рассказал мне об аварии. Ты не представляешь, как сильно я страдал, когда слышал об этом. Хоть я и сильно рисковал, все равно пошел в госпиталь, попытаться узнать как ты. Я не мог выносить незнания.

Ее глаза расширились.

— Ты был Эдом Дженсенем.

Он кивнул.

— Я был уверен, что копы будут просматривать камеры видеонаблюдения за этот день, но они не стали. Я гадал, почему же? Но... *событие*... еще не произошло. Это просто

разыгралась моя паранойя.

Джейн какое-то мгновение помолчала, и Джейк бросился заполнять тишину, как будто боялся, что молчание настроит ее против него.

— Это стало известно во время судебного разбирательства, что Кендра сбросила тебя с дороги – она была обвинена и приговорена за это. Штат выдвинул ей обвинения, так как ты отказалась говорить с копами или с кем-либо из офиса окружного прокурора. И ты полностью забила на судебное разбирательство. Я думаю, это немного шокирующе, верно?

Она кивнула, сглотнув комок в горле, и Джейк продолжил.

— Окружной прокурор выдвинул два обвинения против нее за убийство Кейт и за смерть того мужчины в аварии. А затем одно за попытку убийства. Тебя.

— Откуда ты взял деньги? Деньги, заплаченные киллеру?

Его улыбка растянулась от уха до уха.

— Большая часть них пришла от самой Кейт. Деньги, что она дала в ссуду компании. Мне понадобилось меньше, чем я думал, но я никогда не возвращал их обратно, с тех пор как она начала настаивать, чтобы я сделал Мейсона партнером. Остаток ты и я собрали в последующие месяцы, пару сотен тут и там. Это не было сложно. Мы хранили их в коробке из-под обуви.

— Это мы поместили мое фото в комод к Мейсону?

— Ага. Мейсон дал мне ключи к их старой квартире. Ты и я пошли туда и наставили там везде твоих отпечатков. Позже, я подкинул фото. Когда пришло время счастливой парочке въезжать в их новый дом, старый приятель Джейк помог им распаковать вещи. Кейт не доверяла компаниям по перевозке грузов свой драгоценный антиквариат. Я убедился, что обернул руки полотенцем, когда перемещал комод.

— Зачем ты это сделал? Мы хотели, чтобы полиция подозревала меня?

— Ты не помнишь?

Джейн покачала головой, чувствуя себя плохо от того, что видела разочарование в его глазах.

— Есть пробелы.

— Во-первых, мы нашли надежного стрелка. Пернод был профессиональным убийцей, и мы никогда не думали, что он будет достаточно небрежным, и его поймают. Мы обеспечили свидетельские показания от одного оплаченного свидетеля – парня, которого мы отправили наблюдать за передачей денег – этого было бы достаточно, чтобы оправдать тебя, плюс, у меня был еще один туз в рукаве, если это не выгорит. Мы не рассчитывали на то, что Пернод будет арестован и станет свидетелем для нас. Вообще. Но он стал звездным свидетелем, и это все было не по плану. Его свидетельские показания были *coup de grace*²² в деле против тебя. Я имею в виду, Кендра была единственным человеком, с которым он общался по телефону либо лично. Он не мог сдать кого-либо еще, если бы и захотел.

Улыбнувшись Джейн, мужчина продолжил:

— Мы пытались оставаться в трех шагах впереди полиции. Так как я был связан деньгами и моей историей с Кейт мы хотели отвести от меня подозрения. Поэтому посчитали, что лучше будет вначале бросить подозрение на тебя. Сделать это выглядящим, как будто кто-то подставил тебя, так что вскоре тебя бы исключили из списка подозреваемых, как только пролился свет на оправдывающие свидетельские показания. Это все было подготовлено заранее, Бенни должен был подождать, пока тебе не вынесут обвинение, прежде чем сказать прокурору, что это не ты. Все великолепно шло в

соответствии с планом... когда Мейсон сказал мне, что дом по соседству с тем, что он только что купил, выставлен на продажу, я понял – это знак. Каждая часть плана тщательно составлялась... кроме твоей автомобильной аварии.

Джейн смотрела на его красивое лицо, в то время как он все это рассказывал, пытаюсь соединить воедино все отдельные воспоминания в одно связанное. Она все еще имела пробелы в памяти, но красота плана была теперь очевидна.

— Иди сюда, детка, — он протянул ей руку, и она потянулась к ней без колебаний. Он был ее безопасной гаванью, а она берегла его ранимое сердце. Ничто и никогда не обернет ее против него. Ничто не сможет.

Когда Джейк вернулся с прогулки по берегу в тихий дом, Джейн спала в кабинете на диване угольного цвета. Это был диван из ее дома в Ривердейле, единственный предмет мебели, который они с собой забрали, потому что она полюбила его. Даже ее любимое коричневое вельветовое кресло было оставлено позади. Джейн усмехнулась, сказав, что в ее жизни больше нет места ничему коричневому. Он на цыпочках вышел из комнаты, тихо прикрыв за собой дверь.

Джейк сделал чашку кофе, взял ее и вышел на причал с их собакой. Джейн узнала, что у мужчины, который погиб в аварии осталась собака. К несчастью, у него не осталось никого из семьи, кто смог бы приютить бедное животное. Это все, что нужно было услышать мягкосердечной Джейн. В едином порыве она оказалась в Нью-Джерси и появилась в Баркинге Пэлэс – приют для животных – чтобы забрать щенка. Также она сделала большое пожертвование в Национальную Ассоциацию Содействия Прогрессу Цветного Населения где работал мужчина.

В отличие от тех чувств, что он испытывал по отношению к афганской борзой своей бывшей подружки, этого пса Джейк полюбил. Он был помесью, может быть, пастушьей овчарки и хаски. Его звали Хьюго, это имя им понравилось, поэтому они его оставили. Хьюго было примерно четыре года, и он был замечательным псом, следуя за Джейком повсюду, куда бы тот не шел, и Джейку нравился тот факт, что он мог кормить его, чем и когда хочет. В будущем Хьюго не будет никаких собачьих шоу.

Они были маленькой семьей и получили свое «жили долго и счастливо», а когда им посчастливится иметь ребенка или двух, все станет только лучше. Он никогда не откажется от Джейни, и не позволит никому и ничему встать между ними.

Джейни тоже. В этом он был уверен, как и в том, что солнце встанет над горизонтом.

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Notes

[

←1

]

Saffiano – тисненая кожа, характерный для нее необычный рисунок наносится методом

горячего тиснения.

[
←2
]
AMERICAN KENNEL CLUB – американский собачий клуб

[
←3
]
Prada – итальянская публичная компания, специализирующаяся на производстве модной одежды, обуви и аксессуаров, которой принадлежат одноимённые дом моды и торговая марка

[
←4
]
Научный термин, обозначающий способности, которые связывают нас с окружающим миром и позволяют составлять представление о нем

[
←5
]
Строчка из песни Talking Heads – «Psycho Killer».

[
←6
]
По российским стандартам 50-ый размер или размер L.

[
←7
]
Название компании, в которой работала Джейн.

[
←8
]
«Негрони» — коктейль-аперитив на основе джина и вермута.

[
←9
]
Серфинг в интернете – посещение веб-сайтов, поиск информации в сети.

[
←10
]
«Сахара» — стиральная машина с двумя барабанами.

[
←11
]
Лайнер — вид подводки с твердым наконечником

[

←12

]

Fait accompli (с фр. свершившийся факт) — термин, используемый для обозначения международной политики ряда государств, действующих в обход международно-правовых норм с целью создания такой ситуации, при которой то либо иное событие будет принято как свершившийся факт без возможности возврата произошедшего в первоначальное своё состояние.

[

←13

]

Алиттерация — повтор или совокупность согласных звуков.

[

←14

]

Сто тридцать восемь фунтов примерно равно шестидесяти двум с половиной килограммам.

[

←15

]

Тридцать фунтов примерно равно тринадцати килограммам.

[

←16

]

14 американский размер соответствует российскому 54 размеру.

[

←17

]

Кон карне — чили с мясом.

[

←18

]

«Райкерс» название тюрьмы.

[

←19

]

Флэшбек — художественный прием, временное прекращение повествования сюжетной линии с целью демонстрации зрителю событий прошлого

[

←20

]

Que sera sera — в переводе с фр. «Будь, что будет».

[

←21

]

Хайфэй — скоростная автострада с односторонним движением

[
←22

] Coups de grace — в переводе с фр. «завершающий смертельный удар».